

А.Б. ШИРОКОРАД

УТЕРЯННЫЕ
ЗЕМЛИ
РОССИИ

Александр Борисович Широкопад Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653793

Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны /А.Б. Широкопад: Вече; Москва; 2006

ISBN 5-9533-1467-1,978-5-4444-8088-5

Аннотация

Книга известного военного историка А. Б. Широкопада рассказывает об утерянных землях России.

За тысячелетнюю историю Руси – России – СССР многочисленные завоеватели постоянно стремились отторгнуть те или иные земли нашего государства и даже полностью лишиться его независимости. До XX века, временно захваченные области возвращались в состав России, и более того, рубежи Отечества постоянно расширялись, особенно на юге и на востоке.

Политические потрясения первой четверти XX века привели к утрате многих российских окраин. В 1939–1945 годах И. В. Сталин вернул нашей стране большую часть утерянных земель. Но история тех территорий, которые по различным причинам не были возвращены в состав государства, так и остается неизвестной до сих пор.

В книге подробно рассказывается об истории обретения и утраты Аляски (Русской Америки), Финляндии, Царства Польского, Карской области и Желтороссии (Маньчжурии с Харбином и Порт-Артуром).

Даны также интересные очерки об Островной губернии в Эгейском море и о южном побережье Каспия.

Содержание

Раздел I	4
Глава 1. Вотчина Господина Великого Новгорода	4
Глава 2. Как шведы захватили Неву и как их потом гнали до Стокгольма	17
Глава 3. Войны милых дам	26
Глава 4. Окончательное присоединение Финляндии	33
Глава 5. Становление Великого княжества	45
Глава 6. Финляндия в конце XIX – начале XX века	56
Глава 7. Отделение Финляндии	63
Глава 8. Как шведский барон создавал Великую Финляндию	76
Раздел II	86
Глава 1. Как гонористое панство допекло соседей и что из этого вышло	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Александр Широкоград

Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны

Раздел I

Великое княжество Финляндское

Глава 1. Вотчина Господина Великого Новгорода

О том, когда Финляндия попала под русское владычество, у историков нет единой точки зрения. На мой взгляд, это формально произошло в лето 6370-го от сотворения мира, то есть в 862 г. от Рождества Христова.

В этом году восточные славяне призвали к себе норманнского конунга Рюрика, известного на Западе как Рёрик Ютландский. А Рюрик, как гласит «Повесть временных лет», привел с собой «всю Русь».

Можно долго спорить о личности Рюрика, хотя я, к примеру, нисколько не сомневаюсь в реальности существования основателя династии русских князей. Однако о русах (руси) упоминают многие византийские и арабские источники. А в финских сказаниях русы именуются рутси (routsi – в переводе «гребцы»). Все авторы-современники называют русами судовые дружины, плававшие по Балтийскому, Черному и Каспийскому морям, а также по Ладоге, Днепру, Волге и другим внутренним водным путям России.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам было гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Вот такие смешанные отряды византийские авторы называли русами, или русью. После призвания Рюрика постепенно название рус – русь распространилось па все государство¹, подвластное его потомкам – Игорю, Святославу и Владимиру.

В VIII в. русы основали город Ладогу (в настоящее время райцентр Старая Ладога). Чуть позже были основаны Смоленск (первоначально город находился на другом месте, которое сейчас археологи называют Гнездовским городищем), Киев и другие города.

Руси принадлежало и южное побережье Финляндии, и Рюрик принес эти территории «в приданое» славянам. О принадлежности русам всего северного побережья Финского залива свидетельствуют не только скандинавские саги, но и находки археологов. Так, в

---

¹ Говоря о Древнерусском государстве, я с некоторых пор стал избегать антиисторического термина «Киевская Русь» или «Киевское государство», дабы не подыгрывать «самостийникам» – мошенникам от истории. В IX–XVIII вв. ни у нас, ни за границей не был известен термин «Киевская Русь». Его ввели русские историки в XIX в. как удобную метку.

Южной Финляндии были найдены сотни арабских монет VII–IX вв. Точно такие же монеты найдены в районе Старой Ладогои, Гнездовском городище, Киеве и нескольких пунктах на Волге. Наконец, район находок мечей, изготовленных мастерской мастера Ульфберта, – юг Финляндии, Старая Ладога, Гнездово, Киев и некоторые места на Волге.

Ряд историков полагают, что легендарный Остров Русов, воспетый скальдами, это Карельский перешеек. В те далекие времена он действительно был островом: с запада его омывали воды Финского залива, с севера – протекавшая тогда от нынешних Выборга до Приозерска Вуокса, с востока – Ладожское озеро, а с юга – Нева.

Остров Русов

Шло время, жители Новгорода постепенно колонизировали север. В XI–XII вв. они заселили оба берега Невы. При этом новгородцы принципиально не строили больших крепостей на осваиваемых территориях. Ставить крепость – значит там надо держать гарнизон, да еще приглядывать, чтобы комендант крепости, какой-нибудь служилый князь, не стал бы сепаратистом и не отложился бы от Господина Великого Новгорода.

Как писал советский историк А. В. Куза: «Первоначально... Новгороду были подчинены лишь Северо-Западное Приладожье и соседние лесные районы. Именно эти земли были поделены на погосты, а огромные пространства северной Карелии от Ботнического залива на западе до побережья Белого моря на востоке такого деления не имели. Но и туда вслед за осваивавшими их корелами постепенно внедрилась новгородская дань»².

В XI–XII вв. племена в Финляндии, называемые на Руси емь (тавасты), равно как и карелы, и чудь заволочная, регулярно платили дань Новгороду.

Русская колонизация угро-финских народов принципиально отличалась от немецкой и шведской колонизации. Русскую колонизацию можно назвать мягкой, в отличие от жесткой западной колонизации. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что жесткая колонизация сводилась к постройке на территории покоренных племен крепостей (замков), где жили рыцари и их свита. Окрестное население становилось крепостными этих рыцарей и принудительно христианизировалось. Туземцев, которые позже отходили от католичества, вешали, жгли на кострах и т. д.

² Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Наука, 1975. С. 188.

Мягкая колонизация проводилась русскими совсем по-другому. Естественно, у русских были вооруженные столкновения с угро-финскими племенами. Но в целом колонизация происходила мирно. Русские не подавляли туземные племена, а, как сейчас модно говорить, занимали пустующую экологическую нишу. Слабое заселение северных земель позволяло русским внедряться почти безболезненно. Русские не делали и туземцев своими крепостными или рабами, дань, наложенная на них, была очень мала. Обратим внимание, что новгородцы в XI–XIII вв. принципиально не строили крепостей и замков в районе реки Невы, в Карелии и Южной Финляндии. И наконец, Русская православная церковь вела миссионерскую деятельность сравнительно вяло и только мирными средствами. Да по-другому и быть не могло – в Новгородских землях царилла большая веротерпимость, а значительная часть самих новгородцев в XI–XIII вв. была язычниками или полухристианами, то есть поклонялась как Христу, так и Перуну и выполняла обряды обеих религий.

Шведы в XI – начале XII в. эпизодически совершали набеги на Финляндию и Приневье. Слабость экспансии с запада объясняется нестабильностью внутри Швеции, наступившей в 1066 г. после смерти короля Стенкиля. Борьба феодалов за власть усугубилась войной между христианами и язычниками. Относительная стабильность в Швеции наступила примерно к 1160 г.

Шведскому королю Эрику Святому очень нужны были деньги, и посему он счел «своей священной обязанностью содействовать распространению христианства не только в своих владениях, но и в странах соседних. Тотчас по вступлении на престол с величайшей ревностью занялся он приготовлениями к походу и на другой же год (1156-й), сопровождаемый епископом Упсальским Генрихом и многими монахами, во главе значительного ополчения внес крест и меч на берега Финляндии. Высадка произведена была на самой юго-западной оконечности, при устье реки Авра (Aurajoki), и там, где ныне стоит город Або»³. Там и была построена первая шведская крепость.

Успех Эрика в значительной степени был обусловлен слабостью обитавшего там финского племени Суомляна (Сумь – по русским летописям). Часть суомлян, подвергшихся внезапному нападению, разбежалась по лесам, а часть подчинилась требованиям завоевателей и приняла крещение. Король Эрик, увидев, что предприятие его не требует особых усилий, на следующий год с большей частью войска возвратился в Швецию, а дело обращения язычников поручил епископу Генриху. Но финны рвения епископа не оценили, и тому пришлось «принять мученический венец» и быть позже причисленному к лику католических святых.

В 1164 г. шведы провели смелый рейд на город Ладогу. 23 мая шведская флотилия через Неву прошла в Ладожское озеро. Шведское войско осадило город Ладогу. Ладожане сожгли свой посад, а сами с посадником Нежатою заперлись в каменном кремле и послали за помощью в Новгород. Шведы попытались взять кремль приступом, но были отражены с большими потерями и отошли к устью реки Вороной⁴ и устроили там укрепленный лагерь.

Через пять дней к лагерю шведов подошел новгородский князь Святослав Ростиславич с посадником Захарием. Атака русского войска оказалась для шведов неожиданностью. Большинство шведов было убито или взято в плен. Из 55 шнеков сумели уйти лишь двенадцать.

После этого стычек между шведами и новгородцами не было почти 20 лет. Шведы не рискнули прямо нападать на Русь, но продолжали захват финских земель. Впервые Финляндией заинтересовался и Рим. В 1171 г. папа Александр III отправил буллу архиепископу Упсальскому Стефану и шведскому ярлу Гутторну, где призвал «обуздать язычников корел и ижору».

---

³ Гуптинг А. И. Нева и Ниеншанц. М.: Российский архив, 2003. С. 62.

⁴ Речка, впадающая в Ладожское озеро между Пашею и Сясью, современное название реки – Вороновка или Воронег.

Новгородцы же были втянуты князьями Рюриковичами в их усобицы и практически не реагировали на экспансию шведов. Лишь в 1188 г. в Центральную и Северную Финляндию ходили новгородские молодцы с воеводой Вышатай Васильевичем и «пришли домой поздраву, добывши полона». В 1191 г. ходили новгородцы вместе с карелами на емь, «землю их повоевали и пожгли, скот перебили». В 1227 г. князь Ярослав Всеволодович пошел с новгородцами на емь в Центральную Финляндию, «землю всю повоевали, полона привели без числа».

Самый сильный удар шведам русские нанесли в ходе таинственного похода на шведскую столицу Сиггуну в 1187 г. Флотилия кораблей с новгородскими, ижорскими и карельскими воинами скрытно прошла по шведским шхерам к Сиггуне. Столица шведов была взята штурмом и сожжена. В ходе боя был убит архиепископ Ион. Надо сказать, что у русских, и особенно у карел, были веские основания разделаться с этим духовным лицом, которое «9 лет воевало с русскими, ижорой и карелами ради Господа и святой веры».

Русско-карельская рать благополучно вернулась домой. Шведы даже не стали восстанавливать разрушенную Сиггуну, а начали строить новую столицу Стокгольм. Стокгольм был основан вдовой архиепископа Иона⁵ и ярлом Биргером из рода Фолькунгов. (Читатель не должен путать этого Биргера с однофамильцем, противником Александра Невского, этот Биргер умер в 1202 г.)

Почему же поход 1187 г. назван таинственным? Дело в том, что о нем нет никаких упоминаний в русских летописях, а все сказанное взято из шведской «Хроники Эрика». При этом и шведские, и отечественные историки⁶ считают «Хронику Эрика» вполне достоверной.

А в России сохранилось даже вещественное доказательство похода – врата, украшенные бронзовыми барельефами. Эти врата новгородцы вывезли из Сиггуны и приделали к входу в новгородский храм Святой Софии. Врата эти и поныне там, а копия их находится в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве.

Итак, русские разрушили до основания вражескую столицу и увезли много ценностей. Так почему же об этом молчат наши летописи? Да потому что летописцы фиксировали буквально каждый шаг наших князей, а походы удалой новгородской вольницы предпочитали не замечать. Так было и потом. Много ли наши летописцы писали о победах ушкуйников над ордынцами?

Обратим внимание, молодцы новгородские оказались не только смелыми воинами, но и опытными мореходами, хорошо знающими шведские шхеры. (Читатели старше 40 лет наверняка помнят, как в шведских шхерах в 1980-х гг. села на мель наша подводная лодка проекта 613). Явно поход 1187 г. был не первым для новгородской вольницы. Обратим внимание и на поддержку, оказанную новгородцам карелами, ижорой и другими угро-финскими племенами в борьбе с емью и шведами. Карелы ходили с новгородцами на емь не только в 1191 г., как об этом говорит летопись. Согласно финской епископской хронике, в 1198 г. новгородцы совместно с корелой разгромили шведскую колонию Або, которая после этого не могла оправиться 10 лет.

Летом 1240 г. шведы попытались захватить устье реки Невы, но были вдребезги разбиты двадцатилетним князем Александром Ярославичем⁷.

---

⁵ Хорош католический архиепископ, он не только 9 лет воевал, да еще и жену имел.

⁶ Например, исследование «Хроники Эрика» в книге: Е. А. Рыдзевская «Древняя Русь и Скандинавия, IX–XIV вв.» М.: Наука, 1978.

⁷ Подробности Невской битвы я опускаю, а интересующихся отсылаю к моей книге «Дипломатия и войны русских князей от Рюрика до Ивана Грозного».

В 1249 г. шведский король Эрик созвал «и рыцарей, и тех, кто близки к рыцарскому званию, а также крестьян и вооруженных слуг»⁸ (то есть объявил тотальную мобилизацию для похода на тавастов). Командовать войском король поручил Биргеру. Несколько десятков шведских кораблей пересекли Ботнический залив и высадили в Финляндии большое войско. Естественно, тавасты не стали в открытом бою противостоять численно превосходящему и лучше вооруженному шведскому войску. Шведы учинили кровавую бойню. «Всякому, кто подчинился им, становился христианином и принимал крещение, они оставляли жизнь и добро и позволяли жить мирно, а тех язычников, которые этого не хотели, предавали смерти. Христиане построили там крепость и посадили своих людей. Эта крепость называется Тавастаборг – беда от нее язычникам!.. Ту сторону, которая была вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял»⁹. О том, где находилась крепость Тавастаборг (другое название – Тавастгус), и поныне спорят финские историки. Некоторые считают, что это по сей день существующий средневековый каменный замок в городе Хяменлинна¹⁰. Однако Хяменлинна не очень похож на «детинец», описанный в летописи: судя по летописи, «детинец» стоял на высокой и крутой горе¹¹, в то время как замок в Хяменлинне стоит на небольшой возвышенности, всего на несколько метров возвышающейся над уровнем окружающей местности. К летописному описанию более подходит городище Хакойстенлинна, расположенное в той же части земли еми, в местности Янаккала. Городище это находится на крутом и высоком скалистом неприступном холме. Отметим, что «Хроника Эрика» признает, что, во-первых, тавасты до шведского вторжения были русскими, точнее новгородскими, подданными, а во-вторых, русские не пытались силой навязывать тавастам (еми) христианство, и они в подавляющем большинстве оставались язычниками.

Вслед за тавастами шведам удалось покорить племена сумь, жившие на юго-западе Финляндии.

В 1256 г. шведы, датчане и финские племена предприняли поход в Северную Эстляндию и начали восстанавливать крепость Нарву на правом берегу реки. Эта крепость была основана в 1223 г. датским королем Вальдемаром II, но позже разрушена новгородцами.

Новгородцы в 1256 г. не имели князя, поэтому им пришлось послать гонцов во Владимир за Александром Невским. Зимой 1256/57 г. Александр с дружиной прибыл в Новгород. Собрав новгородские войска, Александр отправился в поход. Как говорит летописец, в войске никто не знал, куда идет князь. Александр выбил шведов и К^о из Копорья, но далее двинулся не на чудь, как думало все войско и неприятель, а на емь, то есть не в Эстляндию, а в Центральную Финляндию. Как гласит летопись «...и бысть зол путь, акы же не видали ни дни, ни ночи». Да, дни зимой в Центральной Финляндии крайне коротки. Несмотря на это, русские побили шведов и подвластных им тавастов и с большой добычей и полоном вернулись домой. Крепость Тавастаборг взята не была, но этот поход Александра надолго отбил у шведов охоту совершать набеги на новгородские земли.

В конце XIII века шведы продолжали грабить купеческие караваны на пути из ганзейских городов в Новгород. Причем они не ограничивались Финским заливом, а периодически заходили в Неву и в Ладожское озеро. Так, согласно Новгородской летописи, в 1283 г. шведские суда прошли Невой в Ладожское озеро и начали грабить новгородцев и «обонежских» купцов. На перехват разбойникам из Ладоги вышли русские суда и побили их.

⁸ Хроника Эрика.

⁹ Там же.

¹⁰ Drake K. «Die Burg Hameenlinna im Mittelalter», 1968, s. 11; «Mika oli Vanain Iinna?» – In: Arx Tavastica. Hameenlinna, 1967, s. 24–38; Juva E., Juva M. «Suomen kansan historia», Helsingissa, 1964, s. 151.

¹¹ Новгородская летопись говорит о «детинце»: «...баше бо место велми силно, твердо, на камени высоце, не имея приступу ниоткуда же».

В следующем, 1284 г. уже большой отряд шведов на лойвах и шнеках¹² под командованием воеводы Трунда вошел в Ладожское озеро и начал грабить прибрежные карельские поселения.

Новгородская дружина под началом посадника Семена Михайловича Смена соединилась с ладожской дружиной под началом посадника Матвея, кстати, сына Семена Михайловича, и двинулась на шведов.

Русские устроили засаду в устье Невы. Когда дружинники Трунда чувствовали себя почти дома, 9 сентября на них внезапно напали новгородцы и ладожане. Уйти удалось совсем немногим. Надо ли говорить, что если бы русскими командовал Даниил Московский, а не новгородский посадник Смен, то в школах бы зубрили на одну, а две Невские битвы – 1240 и 1284 гг. Но, увы, увы...

В 1292 г. молодцы новгородские пошли походом в Емскую землю (Тавасттисидию), контролируемую шведами. Согласно новгородскому летописцу, они завоевали всю Емскую землю и с богатой добычей «все здоровы» вернулись назад. В том же году 800 шведов вошли на судах в Неву. Далее отряд разделился на две половины: одна часть начала грабить южный берег Невы, а другая – северный. Не дожидаясь прихода новгородцев, ижорцы и карелы сами расправились с грабителями.

В следующем, 1293 г. шведы начинают очередной крестовый поход. Возглавил его фактический правитель страны марскалк (маршал)¹³ Торгильс Кнутссон. Время рождения и происхождение его неизвестно. Видимо, он происходил из мелких дворян Вестергетланда (область в Швеции). В 1288 г. Кнутссон был посвящен в рыцари, а в 1289 г. стал марскалком. В декабре 1290 г. умер шведский король Магнус Ладулос¹⁴, оставив трех малолетних сыновей – Биргера, Эрика и Вальдемара. Официально королем был провозглашен Биргер, но до его совершеннолетия власть находилась в руках регентского совета. Фактически же всем распоряжался Кнутссон.

17 мая 1293 г. шведский ледунг (морское ополчение) во главе с Кнутссоном¹⁵ отправился в крестовый поход к берегам Финского залива. Шведы подошли к небольшой русской крепости Выбор у впадения реки Вуоксы в Финский залив. Тут стоит сделать небольшой экскурс в географию. Ладожское озеро в Средние века соединялось с Финским заливом двумя реками – Невой и Вуоксой. Естественно, что самым быстрым и удобным был путь по Неве. На Вуоксе и озерах, через которые пролегал «вуокский путь», было много мелей, подводных камней и т. д. Тем не менее, по «вуокскому пути» купцы ходили еще в VIII–IX вв., что подтверждается в том числе находками арабских монет VII–IX вв. в районе Приозерска. Таким образом, на Карельском перешейке было четыре стратегических пункта, контролировавших коммуникацию Финский залив – Ладога. Это Невское устье и крепость Орешек у истоков Невы, а также место соединения рукава реки Вуоксы с Финским заливом и крепость Корела при впадении Вуоксы в Ладожское озеро.

Шведы то ли штурмом овладели укреплениями Выбора, то ли русские заранее оставили городок, сейчас установить невозможно. Заняв этот стратегический пункт, Кнутссон велел построить каменную крепость на небольшом островке Линнан-Саари (размером всего 1700 на 122 м). Этот островок контролировал речной путь в реку Вуоксу и, соответственно, в Ладожское озеро. Шведы назвали крепость Выборгом.

---

¹² Лойва – легкое речное гребное судно; шнек – морское судно, обычно использовалось как грузовое.

¹³ Marscalcus regni – высшее воинское звание в Швеции в XIII–XV вв.

¹⁴ Ладулос – амбарный замок (*швед.*).

¹⁵ Некоторые историки, в т. ч. И. П. Шаскольский, утверждают, что Кнутссон лично не участвовал в походе.

Замечу, что строили крепость не сами шведы, а сотни или даже тысячи насильно согнанных туда карел. Вестернский епископ Педер Элкви приступил к принудительному крещению карел по католическому обряду.

До прихода Кнутссона все карельские племена были подданными Господина Великого Новгорода. Большинство карел оставалось язычниками, крестились они только по своей воле. Точных данных о числе православных карел нет, но они составляли не менее 20 процентов от общего числа. Новгородская администрация никого не принуждала креститься, но создавала для этого все условия – посылала миссионеров, строила церкви, основывались монастыри, как, например, знаменитый Валаамский монастырь¹⁶.

Был ли Торгильтс Кнутссон основателем Выборга – вопрос довольно спорный. Во всяком случае, ни в одном шведском или русском документе XIII–XV вв. нет упоминаний о личном участии Кнутссона в строительстве Выборга и даже о пребывании в нем. Тем не менее, в конце XIX века финские националисты начали прославлять Кнутссона.

Возникает естественный вопрос, почему Великий Новгород допустил, чтобы на его территории в важнейшем стратегическом пункте Карельского перешейка шведы спокойно возводили неприступную каменную крепость? Дело в том, что в 1292 г. сын Александра Невского Андрей Городецкий вместе с князем Федором Чермным в очередной раз навели татар¹⁷ на Русь. Кстати, православные иерархи позже причислили известного ордынского прихвостня Федора Чермного к лику святых.¹⁸ Надо полагать, что Кнутссон затевал свой крестовый поход в 1293 г., хорошо зная ситуацию на Руси. Татары заняли Волок Ламский и готовились оттуда идти на Новгород и Псков. Но обе республики прислали богатейшие дары Дюденю и его темникам, и татарское войско в феврале 1294 г. отправилось восвояси.

В начале 1294 г. Андрей Городецкий прибыл с дружиной в Новгород, где бояре поведали ему о затее Кнутссона. Андрей 10 марта 1294 г. отправил к «свейскому городу», то есть к Выборгу, князя Романа Глебовича¹⁹, боярина Юрия Мишинича и тысяцкого Андреяна с отрядом новгородцев. Однако отряд был слишком мал. Дело в том, что сам Андрей Городецкий отправился в поход против своего старшего брата Дмитрия Александровича и взял с собой большую часть новгородского войска вместе с посадником.

За шесть недель новгородцы добрались до Выборга и во вторник «на похвальной неделе» пошли на штурм крепости. Но шведы уже основательно подготовились к обороне. Штурм был отбит. При этом смертельную рану стрелой получил знатный новгородец, «добрый муж» Иван Клекачевич.

На следующий день начался разлив талых вод, и подойти к крепости стало невозможно. Кроме того, кони новгородцев страдали от бескормицы. В итоге воеводы решили возвращаться назад.

Шведы, воодушевленные успехом, в конце 1293 – начале 1294 г. покорили все карельские земли («14 погостов»). Шведы взяли город Кексгольм (по-русски – Корела, современный Приозерск), «много язычников было там побито и застрелено в тот самый день». Интересно, что шведы называли язычниками не только язычников-карел, но и православных карел, и даже русских. В Кексгольме был оставлен сильный шведский гарнизон во главе с Сигге Лоне (новгородская летопись называет его «воевода Сиг»). Замечу, что еще около 830 г. на месте Корелы была крепость русов Бярма. Таким образом, шведы полностью взяли под контроль вуокский водный путь из Финского залива в Ладогу.

---

¹⁶ Время его основания неизвестно, по разным источникам его датируют от XI до начала XIV в.

¹⁷ На Руси этот поход называли Дюденевой ратью по имени предводителя татар Дюдены. Ущерб от Дюденевой рати был не меньше, чем от Батыевой рати.

¹⁸ Подробнее об этом рассказано в моей книге «Русь и Орда». М.: Вече, 2004.

¹⁹ Роман Глебович – удельный брянский князь, сын смоленского князя Глеба Ростиславича.

Вскоре к Кексгольму подошел отряд новгородцев и осадил крепость.

Дальнейшее лаконично описано в летописи: «Новгородцы, придя, крепость разметали, а Сига убили, не выпустив ни человека»²⁰.

Маршал Кнутссон был взбешен, узнав об уничтожении кексгольмского гарнизона, и решил захватить устье реки Невы. Но поход пришлось отсрочить из-за бракосочетания короля Биргера Магнуссона с Мартой, дочерью датского короля Эрика V.

В начале 1299 г. маршал Кнутссон начал подготовку нового крестового похода на Русь. При этом Рим помогал ему не только морально, по традиции римские папы обещали всем идущим на Восток отпущение грехов и всякие райские блаженства. На сей же раз Бонифаций VIII снял лучших инженеров со строительства своего дворца и замка Святого Ангела в Риме и отправил их в Швецию строить крепости на землях «русских язычников».

30 мая 1300 г. (в Троицын день) около 50 шведских кораблей покинули Стокгольм. На корабли было посажено 1100 рыцарей²¹, командовал ими сам правитель Торгильс Кнутссон. Флотилия вошла в Неву и стала на якорь у слияния рек Невы и Охты. В то время Охта была полноводной рекой, ширина ее в устье составляла не менее 80 м, а глубина позволяла кораблям приставать непосредственно к берегу. Шведские корабли были поставлены в устье Охты «борт к борту и штевень к штевню».

На мысу шведы сразу же начали строить крепость, ее требовалось закончить быстро – к концу лета. Зимовать здесь с флотом Кнутссону явно не улыбалось. В шведской хронике говорится, что между Невой и Охтой был прорыт глубокий ров и заполнен водой, а над рвом возведена стена с восемью башнями. На берегах обеих рек был и возведены менее мощные фортификационные сооружения. Точных и подробных данных об укреплениях крепости нет. Но, судя по всему, башни и, возможно, часть стен были каменными. Крепость получила название Ландскрона – «Венец Земли». Место крепости было выбрано удачно, недаром в 1611–1617 гг. шведы на том же самом месте построили крепость Ниеншанц.

С 1869 по 1998 г. на мысе Ландскроны находилась Охтинская (позже Петрозаводская) верфь.

Пока строилась крепость, 800 шведов под командованием некоего Харальда пошли вверх по Неве и попали в Ладожское озеро (шведы называли его Белым озером). Шведы получили сведения, что на одном из островов Ладожского озера разместился отряд новгородцев, готовящийся напасть на Ландскрону. Однако когда шведы отошли от берега на 40 километров, усилился ветер, и на озере поднялось волнение. Шведы едва добрались до берега – Карельского перешейка. Там они вытащили шнеки на берег и занялись привычным делом: стали грабить местных жителей – карел.

Через пять дней, когда ветер стих, Ладога успокоилась, взятые с собой припасы съедены, а вся окружающая местность опустошена и разорена, шведы двинулись в обратный путь к Неве, так и не выполнив своей задачи. Отряд Харальда подошел к истоку Невы и встретил там, на расположенном в истоке Невы Ореховом острове, шведский передовой отряд, видимо ранее посланный сюда из Ландскроны для того, чтобы контролировать вход в Неву. Харальд оставил на Ореховом острове часть своих людей для усиления стоящего здесь отряда, а с остальными вернулся вниз по Неве в Ландскрону.

Вскоре шведский отряд на Ореховом острове заметил на Ладожском озере флотилию русских судов. Шведы утверждали, что в ладьях у русских была тысяча воинов. Шведский отряд не принял боя и ретировался в Ландскрону.

Таким образом, основные шведские силы в Ландскроне были заранее оповещены о подходе русских и приготовились к бою. Однако вместо русских ладей шведы увидели плы-

---

²⁰ Цит. по: Шарьмов А. М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. СПб.: Ж. «Нева», 2004. С. 90.

²¹ В это число не включены матросы, оруженосцы и т. д.

вущие на них по течению Невы большие горящие плоты. Плоты были сделаны из сухих деревьев и были «выше иного дома». Но шведские моряки не растерялись – корабли увели в устье Охты, а вход в устье перекрыли большой сосной, привязанной канатом с обеих сторон, но, по-видимому, какие-то шведские корабли все-таки сгорели. Все же атаку русских брандеров можно считать удачной – шведская флотилия была заперта в Охте и не могла противодействовать подходу русских ладей и высадке с них десанта.

Русское войско прямо с кораблей двинулось на штурм Ландскроны. В бой шло не разношерстное ополчение, какое мы привыкли видеть на картинах художников XIX–XX веков, а профессионалы – «кованая рать». Как гласит шведская хроника: «Когда русские пришли туда, видно было у них много светлых броней; их шлемы и мечи блистали».

Если шведы на Ореховом острове более-менее правильно оценили численность русского войско, то защитникам Ландскроны со страху показалось, что их атакуют свыше 30 тысяч русских воинов.

Русские стремительно преодолели ров и начали бой на стенах крепости. В этот критический момент две группы рыцарей под началом Матиаса Кетильмундсона и Хенрика фон Кюрна атаковали русских с флангов. После упорного боя обе группы с потерями отошли назад, но штурм был сорван, и русские войска отошли к опушке леса.

Согласно шведской хронике, через некоторое время из Ландскроны выехал совсем еще юный рыцарь Матиус Дроте, вместе с ним ехал переводчик. Толмач подъехал к русскому войску и сказал: «Здесь благородный муж, один из лучших среди нас. Он здесь в полной готовности ждет и хочет побороться с лучшим из вас на жизнь, добро и плен. Как вы видите, он здесь близко. Если кто-нибудь из ваших его одолеет, то он сдастся в плен и пойдет за вами. Если случится, что ваш будет побежден, то и с ним будет то же самое. Больше ему ничего не надо». Русские ответили: «Мы видим, что он здесь и уж очень близко подъехал к нам». Русские переговорили между собой, и князь их сказал: «Если кто-нибудь из вас хочет с ним побороться, то пусть подумает об этом. Мы видим, что он доблестный воин. Я хорошо знаю, что они посылали к нам мужа не из худших. Я уверен, что если кто-нибудь станет с ним биться, то мы получим весть, что ему пришлось плохо». Русские ратники отвечали: «Мы за это не беремся. Здесь никого нет, кто хотел бы с ним биться». Молодой рыцарь стоял и ждал до самой ночи, а затем вернулся к своим.

Туг автор, зная новгородцев, позволит себе усомниться в правдивости хроники. В новгородском войске не мог не найтись какой-нибудь Васька Буслаев, и у юного шведа возникло бы много проблем. Тем более что простодушный автор хроники здесь же замечает, что Матиус Дроте через много лет стал шведским канцлером. А от себя добавлю – фактическим правителем страны при несовершеннолетнем короле Магнусе Эрикссоне. Так что Ландскрона вполне могла стать «Малой землей» престарелого канцлера.

Дальше хронист без всякого перехода сообщает, что шведы заключили с русскими перемирие на один день. Возможно, Матиус и ездил с толмачом на переговоры, а хвастливый вызов – это «остроумие на лестнице».

На следующую ночь русские скрытно снялись и ушли. Поход был предпринят одной новгородской дружиной, и для взятия Ландскроны сил явно не хватало.

Шведы тем временем достроили крепость, и в сентябре 1300 г. Кнутссон с основными силами отправился домой. В Ландскроне был оставлен гарнизон – 300 воинов во главе с рыцарем Стеном.

В устье Невы шведским кораблям из-за противного ветра пришлось простоять на якоре несколько дней. Недовольные вынужденным бездействием, Матиас Кетильмундсон и воины его отряда решили зря времени не терять и заняться «полезным» делом. «И они велели свести на землю своих боевых коней», и двинулись в набег по южному побережью Финского залива, по Ижорской и Водской землям. Доблестные воины прошли с огнем и мечом по

селениям води и ижоры и «жгли и рубили всех, кто им сопротивлялся». Как писал И. П. Шаскольский: «Набег не имел никаких политических или религиозных мотивов, шведские воины и не думали принуждать мирное население к повиновению или принятию католической веры; не занимались они даже грабежом (да в бедных крестьянских селениях, наверное, не было такого имущества, которое могло бы заинтересовать заморских пришельцев, – золота, серебра, ценных вещей). Это было разорение ради разорения, ради удовольствия разорять и убивать.

Насладившись убийствами и разорением беззащитного мирного населения, шведские воины вернулись на корабли, и шведский флот двинулся в обратный путь в Швецию, куда он благополучно прибыл в конце сентября 1300 г.»²².

После неудачи под Ландскроной новгородские власти наконец осознали масштабы шведской угрозы и зимой 1300/01 г. отправили послов во Владимир к великому князю Андрею Александровичу Городецкому, третьему сыну Александра Невского. Тот не заставил себя долго упрашивать и уже в начале весны 1301 г. прибыл с дружиной в Новгород.

На подмогу Новгороду двинулась и рать самого сильного тогда удельного князя Михаила Ярославича Тверского. Однако Андрей Городецкий не стал ждать тверского войска, а быстро двинулся к Ландскроне.

Небольшой русский конный отряд вышел к Неве немного выше Ландскроны, предположительно в районе Литейного моста. Там русские начали рубить лес, чтобы заградить реку надолбами и не дать возможности шведскому флоту прийти на помощь Ландскроне. Отряд рыцарей во главе со Стеном выехал из крепости и попытался воспрепятствовать работе русских. Однако шведы попали в засаду и с большим трудом вернулись в крепость, при этом сам Стен получил ранение. Заграждение Невы пригодились – шведский флот так и не пришел на помощь Ландскроне.

Андрей Городецкий, подойдя к Ландскроне, сходу начал штурм крепости. Как гласит хроника, русские штурмовали Ландскрону днем и ночью. Русским удалось поджечь строения внутри крепости, после чего бой шел уже на стенах и валах. Когда русские овладели крепостью, уцелевшие шведы во главе со Стеном заперлись в погребе (возможно, ошибка хрониста или переводчика, и это была башня), где после недолгого сопротивления сдались.

После взятия Ландскроны возник вопрос: что делать с крепостью? Как уже говорилось, новгородцы принципиально не строили крепостей ни в устье Невы, ни на побережье Финского залива. Поэтому новгородцы сровняли с землей Ландскрону, как сказано в летописи, «град запалиша и разгребоша». Вновь караваны купеческих судов поплыли по Неве в Новгород и в балтийские страны.

Захват шведами Западной Карелии и постройка там ими Выборгского замка вынудили новгородское правительство предпринять энергичные меры по удержанию под своей властью основную часть Карельской земли. Так, в 1310 г. «ходиша новгородци в лодьях и в лоивах в озеро, и идоша в реку Узьерву, и срубиша город на пороже нов, ветхий сметавше». То есть новгородское войско на судах прошло через реку Волхов в Ладожское озеро в устье реки Узьервы (Вуоксы) в Кореле, разобрало старые, обветшавшие укрепления городского детинца и построило укрепления на новом месте. По данным А. Н. Кирпичникова²³, кексгольмская крепость первоначально находилась у устья реки Вуоксы, и только в 1310 г. местом для возведения новой крепости вместо «ветхой» был избран лежащий у одного из порогов Вуоксы остров, на котором и был построен «Корельский городок».

---

²² Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в., Л.: Наука, 1987. С. 53.

²³ Кирпичников А. Историко-археологические исследования древней Карелии: Корельский город XIV в. Л., 1979. С. 55–60; Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 123–126.

Новгородцы по-прежнему активно защищали свои владения и торговые коммуникации. В 1311 г. новгородское войско на ушкуях вышло в Финский залив. Ими предводительствовал служилый новгородский князь Дмитрий Романович, сын служилого новгородского князя Романа Глебовича, командовавшего войском в 1294 г. в походе на Выборг.

Русская флотилия подошла к финскому побережью в районе Купцкой реки²⁴. Ушкуи прошли по реке, и далее по рекам, озерам, а где и волоком добрались до Тавастаборга. Русские три дня осаждали город, но взять не смогли и отступили. Русское войско razорило районы, населенные племенами емь, и захватило большую добычу. Согласно летописи, в одном из боев был убит знатный новгородец Константин Ильин сын Станимировича. Однако в целом потери были невелики, и русский отряд по реке Перне благополучно достиг Финского залива, а оттуда ушел в устье Невы.

В самом начале 1318 г. новгородцы предприняли новый морской поход. На сей раз их ладьи и ушкуи прошли в Або-Апандские шхеры и по Полной реке (Аурайоки) поднялись до города Або (финское название – Турку) – тогдашней столицы Финляндии. 23 мая 1318 г. город был взят и основательно разрушен, в частности был сожжен абовский собор.

Русские захватили собранный за 5 лет со всей Финляндии церковный налог, предназначенный к отправке в Рим. Затем русское войско морским путем благополучно вернулось в устье Невы и, как сказано в летописи, «приидоша в Новгород вси здорови».

В 1322 г. шведские войска из Выборга двинулись к русской крепости Корела, однако взять ее не смогли и вернулись восвояси. Набег шведов на Корелу возмутил новгородцев, и они решили покончить со шведским осиным гнездом – Выборгом. Тем временем в Новгород прибежал московский князь Юрий Данилович, которого хан Узбек лишил титула Великого князя Владимирского, а брат Иван выгнал с московского престола. Понятно, что московской рати у Юрия не было, разве что небольшой отряд дружинников. Тем не менее, власти Новгорода поручают ему командовать войском в походе на Выборг.

12 августа 1322 г. русская флотилия подошла к Выборгу. Предместья города были преданы огню, каменный замок осажден. Шведский гарнизон устроил вылазку, но назад вернулись немногие. Шесть метательных машин русских («пороков») засыпали замок каменными ядрами. Шведы записали в своей хронике: «Георгий, великий король Руссов, осадил замок Выборге великой силой в день святой Клары». Современные финские историки оценивают численность новгородского войска в 22 тысячи человек. Разумеется, это явный перегиб. Со страха шведам бездомный князь показался «великим королем», а русских воинов они видели в три – пять раз больше.

Но, увы, штурм замка, произведенный Юрием 9 октября, не удался. Наступила осень, и близился ледостав на Неве, поэтому Юрий приказал снять осаду. Русское войско с большим полоном вернулось в Новгород.

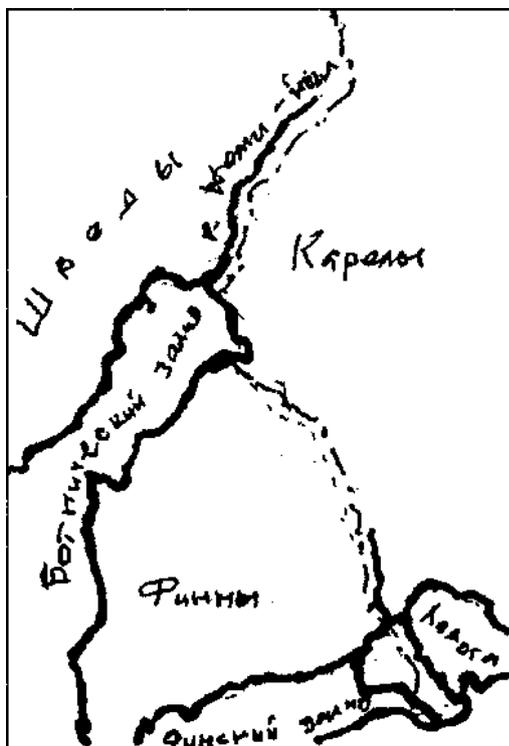
В первой половине 1323 г. в устье реки Невы на Ореховом острове в истоке Невы по приказу князя Юрия Даниловича новгородцы построили крепость Орешек.

В июле 1323 г. в новопостроенную крепость прибыли для переговоров шведские «великие послы» Эрик Турессон и Хеминг Эдгислассон со свитой. Новгородскую сторону представляли князь Юрий Данилович, посадник Варфоломей Юрьевич и тысяцкий Авраам. В качестве наблюдателей, а скорее всего посредников в переговорах приняли участие купцы с острова Готланд Людовик и Фодру. Поскольку Готланд входил в состав Ганзейского союза, послы Готланда должны были представлять интересы Ганзы.

---

²⁴ Точно ее идентифицировать историки не могут. Одни предполагают, что это река Кюмийоки, другие – Купитаниоки (Kupittaanjoki), называют и другие реки.

Договор, получивший название Ореховецкий, был подписан 12 августа 1323 г. В его преамбуле приводилось главное содержание договора – заключение обеими сторонами «вечного мира», подкрепленное присягой – «крестным целованием».

Фрагмент схемы древней карты представляет нам участок границы, установленной между Русью и Швецией по Ореховецкому договору 1323 г.

Согласно условиям договора, Новгородско-шведская граница устанавливалась на Карельском перешейке по следующей линии: от устья реки Сестры (Систербека) на побережье Финского залива и оттуда вверх по течению Сестры, вплоть до ее истоков, и далее через болото, откуда брала река Сестра свое начало, до его противоположного конца по водоразделу, вплоть до истока реки Сая, и вниз по руслу до впадения Саи в Вуоксу, а затем по Вуоксе до того пункта, где река делает крутой поворот на север и где расположен гигантский валун – «Солнечный камень».

Таким образом, граница делила пополам Карельский перешеек в направлении с юга на север и шла далее до бассейна озера Сайма, а затем до побережья Ботнического залива там, где в него впадает река Пюэжайоки. Это была древняя племенная граница между карелами и финнами – сумью (суоми), и она подтверждалась и сохранялась.

За Новгородом оставались промысловые угодья на отошедшей к Швеции территории, так называемые ловища, богатые рыбой, общим числом шесть, куда должны были иметь свободный доступ новгородцы и карелы, и два бобровых ловища.

Любопытно, что в Ореховецком договоре была зафиксирована только юго-западная граница русских владений у Ботнического залива – река Патойоки. Как далеко на север простирались русские приботнические владения, в договоре указано не было. Однако в позднейших источниках имеются сведения, где проходила внешняя (на севере и западе) граница этих владений. Русские считали своими владениями территории, принадлежащие современной Финляндии от реки Похейоки (Pohjoeki), а оттуда в западную сторону к мысу Бьюрроклубб на западном берегу Ботнического залива, в приходе Шеллефтео, оттуда к северо-востоку до рек Торнео и Кеми, вверх по реке Кеми до речного мыса Рованьеми. По этим

данным видно, что, согласно русской официальной точке зрения, сохранившейся к 1490-м гг., Русское государство должно было владеть не только Каянской землей – Эстерботнией, но и обоими побережьями северной части Ботнического залива или даже обеими областями, прилегавшими к северной части этого залива – Эстерботнией и Вестерботнией. Лишь при заключении Тявзинского мирного договора в 1595 г. Каянская земля (Эстерботния) отошла к Швеции.

Глава 2. Как шведы захватили Неву и как их потом гнали до Стокгольма

В советской исторической литературе укоренился термин «польско-шведская интервенция начала XVII века». По моему же мнению, недопустимо ставить на одну доску Швецию и Польшу, как это делали советские историки, говоря о «польско-шведской интервенции». Можно ли равнять бандита с большой дороги, поджегшего дом с целью грабежа, и недобросовестного пожарного, не сумевшего потушить пламя и позаимствовавшего что-либо на пожаре?

Шведские войска были приглашены в Россию в 1609 г. царем Василием Шуйским для борьбы с Тушинским воеводой и поддерживавшими его поляками. Увы, большинство наших правителей не обладали стратегическим мышлением. Вместо того чтобы «пускать козла в огород», то есть шведов в страну, которая не признавала власти Москвы, следовало нанести «асимметричный удар» – направить шведов в Лифляндию бить поляков. Кстати, шведы и сами сделают это в 1618 г.

Ошибка царя Василия дорого обошлась России. Шведы захватили Новгород, Старую Руссу, Ладогу и т. д. 27 февраля 1617 г. в селе Столбово на реке Сясь, на 54 км от ее впадения в Ладожское озеро, был заключен Столбовский мирный договор, по которому к Швеции отошли оба берега Невы, а также все остатки финских и карельских земель, которые оставались у России.

Несколько слов стоит сказать о шведском правлении в Финляндии. На захваченных землях были установлены шведские законы и обычаи. Местное население принудительно обращалось в католицизм. Однако в 1525 г. король Густав Ваза вступил в конфликт с Римом. Ссора, как это обычно бывает, началась из-за денег. Густав испытывал большую нужду в деньгах и посягнул на церковную десятину. В итоге в Швеции в 1527–1537 гг. произошла реформация. В 1539 г. было введено новое церковное устройство. Король стал главой церкви. Церковным управлением ведал королевский суперинтендант с правом назначать и смещать духовных лиц и ревизовать церковные учреждения, включая сюда и епископства.

Соответственно и всем финнам в добровольно-принудительном порядке пришлось из католиков обратиться в протестантов.

На Финляндию был распространен общий свод законов Швеции, принятый в 1347 г. и обновленный в 1442 г. Шведский язык стал официальным. Финское население облагалось шведскими повинностями. Судьями назначались исключительно этнические шведы. Короли стремились заселить финские города и почти незаселенные районы вдоль границы с Россией шведами, а самих финнов считали «собственностью Бога, короля и шведской короны». В свою очередь за финнами закреплялось право участия в общешведских королевских выборах.

Перед смертью в 1560 г. король Густав Ваза передал королевский титул старшему сыну Эрику, а остальным сыновьям дал крупные уделы (герцогства). Юхан получил Финляндию, Магнус – Восточную Готландию, а Карл – Зюдерманландию. При этом все герцоги должны были приносить присягу на верность своему старшему брату, который после смерти отца вступил на престол под именем Эрика XIV.

Так впервые появился термин «герцогство Финляндское». Герцог получил право от имени короля решать все дела Финляндии по своему усмотрению, командовать финскими войсками, отражать нападения, блюсти границу и расширять территорию своих владений.

Финский язык, не имевший письменности, при шведах был языком крестьян и беднейших горожан. Первая книга на финском языке – «Азбука» – была издана в Германии в 1538 г. В ней приводился финский алфавит и краткие указания о произношении буквенных обозна-

чений, а также азбучные постулаты христианства. В 1548 г. на финский язык был переведен «Новый Завет».

Герцог Юхан женился на дочери польского короля Сигизмунда I Екатерине и начал проявлять сепаратистские тенденции. В результате Эрик XIV отправил в Финляндию королевские войска. 12 августа 1563 г. Юхан был вынужден сдаться, его заточили в башне Грипсгольского замка. Свободу Юхан получил в 1567 г., а уже в сентябре 1568 г. вместе с братом Карлом сверг Эрика с престола и сам стал королем под именем Юхана III.

Новый король в 1581 г. вновь дал Финляндии статус Великого княжества и прибавил к своему титулу короля Швеции титул великого князя Финляндии. Финляндия снова стала автономной областью Шведского королевства. Юхан утвердил герб Финляндского княжества, существующий и поныне как государственный герб Финляндии. Любопытно, что этот герб символизирует Финляндию как победителя в борьбе Запада с Востоком. Лев держит в лапе меч западного образца и попирает лапами изогнутый меч Востока.

После Столбовского мира увеличилось число шведских дворян, переселившихся в Финляндию и Ингерманландию, так шведы называли земли, захваченные в 1610–1619 гг. Население Финляндии было поставлено в неравноправное положение по сравнению с населением Швеции. Финляндия выставляла с каждой сотни жителей в два раза больше рекрутов для пополнения армии, чем Швеция. Все административные должности в Финляндии по-прежнему занимали шведы.

Естественно, что Россия не могла оставить свои северные территории в руках шведов. В 1699 г. Петр I принял решение начать войну за возвращение приневских земель и безопасный выход в Балтийское море. Шведская армия, закаленная в ходе Тридцатилетней войны, была одной из сильнейших в Европе. Поэтому Петр поступил мудро, заключив союз против Карла XII с Речью Посполитой, Саксонией и Данией – давними врагами шведов.

Подробности описания 21-летней Северной войны выходят за рамки нашей работы, и интересующихся я отсылаю к моей книге «Северные войны России». Тут же я лишь кратко упомяну об основных этапах войны.

Петр двинул войска к крепости Нарва и осадил ее. Карл XII высадился с армией в Пернове (с 1917 г. – Пярну) и стремительно атаковал русских. Царская армия 19 ноября 1700 г. потерпела сокрушительное поражение. Карл XII решил, что русским потребуется несколько лет для восстановления своих сил, и сделал главным театром боевых действий Речь Посполитую.

Тем временем русские начали потихоньку выбивать небольшие шведские гарнизоны из Приневья и Эстляндии. Но на основном театре военных действий польские и саксонские войска потерпели ряд поражений. Не помог и ввод русских войск в Речь Посполитую. Карл XII выбил русских из Польши и вторгся на русские территории с запада. В июне 1709 г. под Полтавой и на берегу Днепра у Переволочной погибла вся шведская армия. Карлу XII удалось бежать в Турцию, где он стал почетным пленником. Покинуть турецкие владения король смог лишь 1 октября 1714 г.

Итак, шведы остались без армии и без короля. Почему же Северная война затянулась еще на 12 лет? Официальные царские и советские историки старательно уходили от ответа на этот очевидный вопрос.

К концу 1710 г. русские войска заняли Приневье и Эстляндию. Первоначальные цели войны были достигнуты. Но тут Петра в очередной раз «занесло», и он решил «ногою твердой встать» в... Германии. Русскую армию понесло в Померанию, а затем в Голштинию. Свои завоевания в Северной Германии царь попытался закрепить серией династических браков своих детей и даже дочерей слабоумного брата Ивана с владельцами германских малых государств.

Подобные действия вызвали законные опасения союзников России – Пруссии, Саксонии и Дании, и в июне 1714 г. русским войскам пришлось убраться восвояси.

А тем временем 13 июня 1710 г. русским войскам сдался Выборг. Падение Выборга предрешило судьбу другой крепости на севере Карельского перешейка – Кексгольма, и 8 сентября шведский гарнизон сдался. Путь в Южную Финляндию был открыт.

Однако из-за германских амбиций царя генеральное наступление русских в Финляндии началось лишь в 1713 г.

Тут стоит сказать несколько слов о географических особенностях Южной Финляндии, которые определяли характер войн как в XVIII, так и в XX в. Северное побережье Финского залива, Аландский архипелаг и побережье Швеции от Эстхамара до Фигехолма представляет собой почти сплошные шхеры. Плавание в шхерных районах – дело весьма трудное, требующее отличного знания местности, так как навигация в шхерах возможна только по строго определенным путям – фарватерам, чрезвычайно извилистым и таящим массу опасностей. Наиболее трудными являются шхерные районы Финляндии и Або-Аландские, несколько легче плавание по шведским шхерам.

Понятно, что до появления паровых двигателей плавание в шхерах больших парусных судов (кораблей и фрегатов) было крайне затруднено, а в отдельных местах вообще невозможно. В результате этого в русско-шведских войнах – 1700–1721 гг. и 1741–1743 гг. – обе стороны имели по два флота: корабельный и гребной, действовавших в подавляющем большинстве случаев независимо друг от друга. Корабельные флоты сражались в открытом море, а гребные – в шхерах.

Таким образом, классическая теория «владения морем» не действовала на Балтике. Большая флотилия русских кораблей не могла перехватить гребные суда, которые могли пройти шхерами из Стокгольма до Выборга и даже до Березовых островов, находящихся рядом с Кронштадтом. На этом маршруте гребным судам приходилось лишь три раза выходить из шхер на 30–40 км в открытое море. Это пролив Седра-Кваркен между шведским берегом и Аландским архипелагом, а также у двух острых, выдающихся в Финский залив полуостровов Ганге и Порккала-Удд. Эти последние два полуострова и были главными стратегическими пунктами в ходе всех войн XVIII–XX вв.

В конце апреля 1713 г. русский галерный флот в составе 204 судов с десантом (16 050 человек) прибыл из Санкт-Петербурга в Кроншлот, где соединился с корабельным флотом (четыре корабля, два фрегата, бомбардирский корабль и две шнявы). 2 мая соединенный флот направился к Гельсингфорсу²⁵⁻²⁶. Корабельный флот, к которому присоединились три корабля и два фрегата из Ревеля, сопровождал галерный флот до Березовых островов, где флоты разошлись. Галерный флот отправился шхерами вдоль берегов Финляндии, а корабельный должен был крейсировать у Выборга.

8 мая галерный флот под командованием Ф. М. Апраксина подошел к Гельсингфорсу. На одной из галер плыл сам царь, но он традиционно считался подчиненным Апраксину. Шведских военных кораблей в порту не было. Город был обнесен валом. Перешеек, соединявший полуостров, на котором находился Гельсингфорс, с материком, имел мощные укрепления. Подступы с моря находились в секторе обстрела трех батарей. В городе было две тысячи пехотинцев и триста кавалеристов под командованием генерала Карла Густава Армфельта.

10 мая русские галеры и два прама начали бомбардировку города. Шведские батареи открыли ответный огонь. Артиллерийская дуэль продолжалась всю ночь. На русских гале-

---

²⁵ Гельсингфорс – шведское название города, финское название – Хельсинки. Однако на картах Российской империи город по-прежнему назывался Гельсингфорс.

²⁶ Там же.

рах была такая большая потеря гребцов, что они с трудом могли отходить от неприятельских батарей для замены убитых людей новыми. В городе начался сильный пожар. На рассвете, когда русский десант успешно высадился на западном берегу залива Седрахамн, шведский гарнизон, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, вышел из города по направлению к Бор-го. В Гельсингфорсе русскими было захвачено четыре пушки.

17 августа русские войска выступили из Гельсингфорса к Або. Сухопутный отряд численностью 10–12 тысяч человек под командованием М. М. Голицына шел берегом, галерная эскадра под командованием Боциса в составе 29 галер с десантом, всего около четырех тысяч человек, шла к Або шхерами. В Гельсингфорсе остался трехтысячный гарнизон, в Форсе – около одной тысячи человек, команда тыловых транспортов имела около 800 человек.

28 августа русские войска, разбив арьергард шведского войска, заняли Або. Либекер с войском отошел к Тавастгусу (ныне г. Хяменлинна в Финляндии). Эскадра Лиллье, стоявшая у Тверминне, преграждала проход к Або русскому галерному отряду. Это лишало русские войска в Або помощи флота, а также возможности получать продовольствие морским путем.

Невозможность держать крупные силы в Або, затруднения с продовольствием и фуражом, а также опасность быть отрезанными от Гельсингфорса заставили русское командование принять решение отступить на зиму из Або в Гельсингфорс. Сюда же должен был вернуться и галерный флот. В Або был оставлен небольшой гарнизон.

Закончить кампанию 1713 г. планировалось ударом по корпусу Либекера.

В конце сентября русская армия численностью 14–16 тысяч человек пехоты и конницы при 22 пушках под командованием Апраксина подошла к Тавастгусу. Шведы, узнав о приближении русских войска, побросали пушки, которые были в крепости, в воду и отошли от города на 4 мили.

Генерал Армфельт, назначенный вместо Либекера, с 11-тысячным войском занял сильную позицию у реки Пелкина. Эта позиция прикрывала направление на Васу и угрожала русским сообщениям с Гельсингфорсом. В тактическом отношении позиция шведов, расположенная между озерами Маллас-Веси и Пелькяне-Веси, была недоступна с фронта и хорошо защищена с флангов.

Тем не менее, 6 октября 1713 г. русский корпус под командованием генерал-адъютанта князя М. М. Голицына выбил неприятеля с этой позиции. Уцелевшие шведы отошли в район Васы.

Зимой 1713/14 г. русское командование решило вести активные боевые действия. 7 февраля 1714 г. корпус М. М. Голицына (5588 человек пехоты и 2907 конницы при 11 полковых пушках) двинулся к городу Васа, где находились войска генерала Армфельта (8 тысяч шведов и 6 тысяч финнов-ополченцев при 8 орудиях).

18 февраля русские войска встретились со шведским авангардом у деревни Квивила в четырех верстах от деревни Лаппола. Главные силы шведов прикрывали дорогу на город Васу у деревни Лаппола. 14 февраля шведы вновь потерпели поражение и бежали. Обоз и артиллерия были захвачены русскими войсками. Шведы потеряли только убитыми 5133 человека и 535 человек пленными. Остатки шведских войска бежали на север Финляндии к Якобштадту.

Переходя к кампании 1714 г., стоит заметить, что климатические условия Балтийского моря работали против русских. Замерзание в Финском заливе шло с востока на запад, а вскрытие льда – в обратном порядке: западная часть залива очищалась в первых числах марта, а в районе Кронштадта – в середине или даже в конце марта. Поэтому шведы могли раньше приходить к ключевым точкам финского побережья – Ганге и Порккала-Удду.

9 мая 1714 г. галерный флот двинулся «в превосходном порядке и с беспрестанною пальбою из пушек» из Санкт-Петербурга в море. Авангардом командовал корабельный

шаутбенахт (контр-адмирал) Петр Михайлов, кордебаталией и одновременно всем флотом – генерал-адмирал Ф. М. Апраксин.

До конца мая галерному флоту пришлось простоять у Березовых островов, поскольку шхерный фарватер от Выборга к Гельсингфорсу был скован льдом. С 11 по 20 июня галерный флот простоял в Гельсингфорсе и только 21 июня двинулся дальше на запад. К вечеру 24 июня галеры вошли в залив у Пойкирки – места в глубине шхер, от которого начинается выступ в море полуострова Гангут. Со вспомогательных судов началась выгрузка провианта для Финляндского корпуса М. М. Голицына. Далее идти было нельзя – с 25 апреля у полуострова Гангут стояла шведская эскадра адмирала Г. Ватранга.

В сложившейся ситуации русское командование решило прибегнуть к древнейшему способу – перетащить гребные суда волоком в самом узком месте полуострова Гангут. Кстати, этот перешеек так и назывался по-шведски «драгет», то есть волок, переволока. Финны испокон веку использовали его для переправы волоком малых судов.

В походном журнале генерал-адмирала Ф. М. Апраксина говорится, что 23 июля «ездили для осмотра того места, где можно перетаскивать суда». Измеренная длина перешейка, намеченного для строительства волока, составляла 1170 трехаршинных сажений (2527 м). вечер того же дня на место постройки были посланы по 100 человек от каждого пехотного полка и по 50 от каждого батальона гвардейских полков.

25 июля на флагманский корабль Ватранга 64-пушечный «Бремен» приплыли четыре местных финна и сообщили, что русские собираются перетащить свои галеры через сделанную ими переволоку из залива к северу от Тверминне за полуостров Гангут. Финны сказали, что уже все готово к перетаскиванию судов и русские уже приступили к выполнению своего плана.

По приказу адмирала к обоим концам переволоки были посланы шведские суда. Залив Норр-фьёрден западнее Гангута изобилует мелями и маленькими островами, и посылать туда большие парусные суда было слишком опасно. Поэтому были отправлены все гребные суда, находившиеся при эскадре Ватранга. В их числе были прам «Элефант» (четыренадцать 12-фунтовых и четыре 3-фунтовые пушки), шесть галер и три шхербота. Командовал отрядом гребных судов контр-адмирал Нильс Эреншельд. Всего на судах его отряда находился 941 человек.

К восточной части переволоки Ватранг направил отряд парусных кораблей под командованием адмирала Лиллье. В составе отряда было восемь кораблей, одна шнява и два бомбардирских судна.

Таким образом, адмиралу Ватрангу удалось сорвать попытку русских перетащить галеры через перешеек. Зато ему пришлось разделить свою эскадру на три части. Теперь в ключевой точке – у оконечности полуострова Гангут – находилось лишь шесть шведских кораблей и один фрегат, и, что хуже всего, у Ватранга не было ни одного крупного гребного судна.

Отряды Эреншельда и Лиллье отправились по местам во второй половине дня 25 июля. Эреншельд в тот же день прибыл на место. А Лиллье добраться до стоявших у Тверминне русских галер помешал наступивший штиль. Собственно, штиль и решил исход операции. Русские решили прорваться под самым берегом оконечности полуострова Гангут мимо эскадры Ватранга. Я пишу «решили», поскольку историки до сих пор спорят (не имея никаких документов), кто предложил идею прорыва. Во всяком случае, если бы идея исходила от царя, об этом бы говорили еще в 1714 г.

В 9 часов утра 26 июля отряд из двадцати русских галер пошел на прорыв. Увидев их, Ватранг приказал спустить шлюпки, чтобы они отбуксировали корабли ближе к берегу. Шведы открыли огонь из пушек, но ядра не доставали до русских галер. В результате двадцать галер под командованием М. Х. Змаевича и М. Я. Волкова, не получив повреждений

и не имея потерь в людях, «в шхеры щасливо прошли». За первым отрядом русских галер последовал и второй отряд из 15 галер. Итого мимо шведов 26 июля без потерь прошли 35 галер.

Вечером 26 июля адмирал Ватранг допустил роковую ошибку. Он приказал отбуксировать мористее шведские корабли, подошедшие днем слишком близко к берегу, для перехвата русских галер. Ватранг боялся ночного abordаж русских гребных судов. Эта ошибка дорого обошлась шведам. В четвертом часу утра 27 июля 64 русские галеры в кильватерной колонне пошли на прорыв. С авангардом шел А. А. Вейде, с кордебаталией – Ф. М. Апраксин, замыкал цепь идущих на прорыв галер генерал М. М. Голицын с эскадрой арьергарда. Сам же Петр ни в одном из прорывов лично не участвовал, а позже прибыл к прорвавшимся галерам сухим путем по перешейку.

Шведы вновь попытались отбуксировать свои корабли ближе к берегу, но лишь трем кораблям удалось открыть огонь по русским галерам с предельной дистанции.

С прорывом 99 русских галер отряд Эреншельда, отошедший от места переволоки к Рилакс-фиорду, был отрезан от эскадры адмирала Ватранга. Причем Ватранг даже при желании не мог помочь Эреншельду, не имея больших гребных судов.

27 июля после обеда к «Элефанту» на шлюпке под белым флагом отправился генерал-адъютант П. И. Ягужинский. Поднявшись на борт прама, он предложил шведскому флагману немедленно спустить флаг, указав на невозможность уйти и «на благоразумие избежать пролития христианской крови», обещав при этом Эреншельду и всем его подчиненным хорошее обращение в плену. Ягужинский сказал, что в случае отказа немедленно со стороны русских галер начнется «яростная атака». На что Эреншельд достойно ответил: «Я всю жизнь служил с неизменной верностью своему королю и отечеству и как я до сих пор жил, так и умирать собираюсь, отстаивая их интересы. Царю как от меня, так и от подчиненных моих нечего ждать, кроме сильного отпора, и, ежели он решил нас заполонить, мы еще с ним поспорим за каждый дюйм до последнего вздоха».

После того как ответ Эреншельда был передан Апраксину, он в два часа дня отдал приказ об атаке. 35 русских галер устремились на шведские суда. Из-за тесноты в Рилакс-фиорде непосредственно в abordаже участвовали только 23 галеры. Сам Петр находился на галере, стоявшей вне боевой линии и зоны огня.

Шведы подпустили русские галеры на полупистолетный выстрел (25–35 м) и дали залп из орудий. После второго залпа галеры повернули назад. Согласно шведским источникам, им удалось отбить две атаки, но в ходе третьей русские все-таки абординировали шведские суда. По русским данным, бой продолжался свыше двух часов, что косвенно подтверждает шведскую версию о двух отбитых атаках. Некоторые отечественные авторы считают, что первых двух атак не было, а русские галеры вели артиллерийскую дуэль со шведами, но эти версии более чем неразумны.

Одна задругой были захвачены галеры, последним взят прам «Элефант».

В бою русские потеряли 127 человек убитыми и 342 человека ранеными. У шведов был убит 361 человек и ранено около 350 человек, из них многие очень тяжело. Ко 2 декабря 1714 г. из 580 пленных умерло 200.

Потери шведского флота в Гангутском сражении были сравнительно невелики. Ситуация на море после Гангутского сражения фактически не изменилась, шведы по-прежнему обладали абсолютным превосходством на море, а русские – в шхерах. Самым важным, с военной точки зрения, результатом сражения был прорыв русского гребного флота в Або-Аландский район.

29 июля эскадра Ватранга ушла к берегам Швеции. 1 августа захваченные у шведов суда были отправлены в сопровождении части галер к Гельсингфорсу и далее в Петербург, основные же силы русского флота под командованием Апраксина направились к Або.

3–4 августа галерный флот прибыл к Або, который заняли без сопротивления. В городке Иштадте русские оставили конные галеры²⁷ и грузовые суда. Держась восточного берега Ботнического залива, русские галеры в сентябре 1714 г. дошли до города Васа.

Шведский генерал Армфельт, имевший около 6000 человек пехоты и 600 конницы, отступил в район Торнео. Генерал-адмирал не решился преследовать противника.

В конце кампании по указанию Петра был произведен рейд одиннадцати галер к шведским берегам. Эта акция имела, скорее, пропагандистское, а не военное значение. 11 сентября 1714 г. русские галеры под командованием генерал-майора И. М. Головина вышли из района Васы и перешли в самом узком месте Ботнический залив. Кстати, большую часть пути они прошли среди маленьких островов, боясь шведских кораблей. В районе городка Умео была высажена тысяча солдат. Городок взяли без боя. 23 сентября все одиннадцать галер благополучно возвратились в Васу. Операция имела цель продемонстрировать населению и правительству Швеции, что отныне их страна оказалась в пределах досягаемости русского оружия.

В 1715 г. в Финляндии русская армия и гребной флот серьезных боевых действий не вели.

В 1716 г. в Финляндии сухопутными войсками под командованием Голицына был взят город Каяненбург, и неприятельские войска были окончательно вытеснены в Швецию. Галерный флот летнюю кампанию 1716 г. простоял у острова Аланд в ожидании десанта в Швецию. В кампанию же 1717 г. галерный флот в Финляндии простоял в базах.

В 1717 г. Петр увлекся дипломатическими интригами, описание которых выходит за рамки этой работы. О них можно лишь сказать – «пустые хлопоты». В 1717 г. активных боевых действий не велось, за исключением того, что русские суда довольно активно занимались каперством в Балтийском море.

С мая 1718 по весну 1719 г. шли мирные переговоры со шведами, и боевые действия практически не велись. Однако 30 ноября (11 декабря) 1718 г. в Норвегии под крепостью Фредриксхаль Карл XII погиб. По одной версии он был убит датской пулей, по другой – застрелен шведскими заговорщиками. Карл XII не имел детей. Ближайшим наследником был сын его старшей сестры Карл Фридрих, герцог Голштинский, находившийся в войске при дяде во время смерти последнего. Однако шведский ригсдаг фактически произвел государственный переворот и избрал королевой младшую сестру Карла XII Ульрику-Элеонору. По приказу королевы Элеоноры шведские представители на переговорах начали тянуть время, надеясь на вмешательство Англии.

В такой ситуации Петр решил применить силу. В июле 1719 г. галерный флот в составе 132 галер и 100 островных лодок, на которые было посажено 26 тысяч солдат, вышел из Або, прошел Аландский пролив и высадил десант на шведский берег. Командовал галерным флотом генерал-адмирал Апраксин. Русский корабельный флот прикрывал галеры с моря.

Высадившись, русские войска действовали на побережье от городка Гефле на севере и Норчёпинг на юге. Русскими было сожжено 135 деревень, 40 мельниц, 16 магазинов (складов) и два города – Остаммер и Орегрунд. Было разгромлено девять металлургических заводов.

Казачий отряд был высажен в городке Ваксгольм всего в десяти верстах от Стокгольма. Добыча, полученная русскими, оценивалась более чем в миллион талеров, а ущерб, нанесенный Швеции, – в двенадцать миллионов талеров. Казаки были в полутора милях от Стокгольма. В надежде на впечатление, произведенное походом, Петр отправил в Швецию А. И. Остермана за решительным ответом. 10 июля Остерман отправился в Стокгольм под белым

---

²⁷ Конные галеры – это гребные суда, предназначенные для перевозки лошадей.

флагом и вернулся с грамотой, в которой королева предлагала Петру Нарву, Ревель и Эстляндию, но требовала возвращения Финляндии и Лифляндии.

Зимой 1719/20 г. Петр I решил провести ряд диверсий против Швеции. Участвовать в них должны были несколько казацких отрядов, которым надо было перейти по льду Ботнический залив из Васы в Умео и разорить там окрестности. Но из-за теплой зимы и слабого льда в Ботническом заливе операция была отменена.

В конце апреля 1720 г. русский галерный флот вышел из Або и направился к западным островам Аландского архипелага. В его составе было 105 галер (из них 19 конных), 110 островных лодок²⁸ и 8 бригантин. На гребных судах находился десант (24 119 человек).

24 октября от галерного флота отделился отряд бригадира Менгдена в составе 35 галер (в том числе 9 конных). На галерах находилось 6120 солдат пехотных полков и 162 казака. Пройдя шхерами до Васы, этот отряд пересек Ботнический залив и приблизился к побережью Швеции в районе городов Старый и Новый Умео. Менгден высадил конных казаков, произвел разведку побережья и, углубившись более чем на 30 км, разорил шведские магазины и захватил торговые суда. 8 мая его отряд благополучно вернулся в Васу.

20 июля 1720 г. в Гренгамском сражении русские галеры взяли на abordаж четыре шведских фрегата. На этом и закончилась кампания 1720 г.

31 марта (10 апреля) 1721 г. начались мирные переговоры в городе Ништадте (ныне город Усикаупунки). Однако шведы продолжали упрямяться. Они по-прежнему надеялись на Англию. И действительно, 13 (24) апреля 1721 г. английский флот из 25 кораблей и четырех фрегатов под командованием адмирала Норриса отправился на Балтику. В конце апреля флот прошел мимо Копенгагена и встал у острова Борнхольм.

Из-за присутствия британского флота Петр решил отправить к берегам Швеции только часть галерного флота под командованием П. П. Ласси. Отряд Ласси состоял из 30 галер, 9 островных лодок, 33 шлюпок и одного бота, на борту судов находилось 5 тысяч солдат пехотных полков и 450 казаков. Корабельный же флот занял оборонительное положение. Шесть кораблей находились в Ревеле, а остальные – у острова Котлин.

Отряд Ласси пересек Ботнический залив у Аландских островов и 17 (28) мая произвел высадку десанта в 2 км севернее крепости Евле. Шведы немедленно отступили. Затем русские суда прошли вдоль всего шведского побережья Ботнического залива до северного города Питео. Солдаты и особенно казаки Ласси славно погуляли по шведскому побережью. В шведских водах русские галеры захватили и уничтожили 40 шведских каботажных судов. Были разрушены один оружейный и двенадцать железообрабатывающих заводов, сожжены три городка, 19 приходов, 79 мыз, 506 деревень с 4159 крестьянскими дворами.

Погром, произведенный отрядом Ласси, стал последней каплей, принудившей Швецию закончить непосильную для нее борьбу, и 30 августа (10 сентября) 1721 г. в Ништадте был подписан русско-шведский мирный договор.

В части границ договор предусматривал следующее:

Швеция уступала России на вечные времена завоеванные русским оружием провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгской губернией, включая не только материковую часть, но и острова Балтийского моря, в том числе Эзель (Сааремаа), Даго (Хийумаа) и Муху, а также все острова Финского залива. К России отходила и часть Кексгольмского округа (Западная Карелия).

Устанавливалась новая линия русско-шведской государственной границы, которая начиналась западнее Выборга и шла оттуда в северо-восточном направлении по прямой линии до старой русско-шведской границы, существовавшей до Столбовского мира. В Лапландии русско-шведская граница сохранялась неизменной.

---

²⁸ Островные лодки – фактически малые галеры, название получили за успешные действия в шхерах.

В ходе 21-летней Великой Северной войны Петру Великому удалось вернуть России земли, которые принадлежали ее князьям еще в IX–XI вв., и добиться выхода к морю. Петр поистине «прорубил окно» в Европу. На Балтике появился мощный русский флот.

Тем не менее, у Ништадтского мира был и серьезный изъян – Петр, торопясь заключить мир, согласился на границу в 120 верстах от новой столицы – Санкт-Петербурга. Поскольку шведская аристократия не смирилась с поражением в войне и мечтала о реванше, такая граница у Выборга становилась источником нестабильности и постоянной головной боли русского правительства.

Что же касается Финляндии, то, как видим, она почти 8 лет провела под властью русских. Петр не собирался присоединять Финляндию к своей державе, и там действовала только русская военная администрация. Войскам строжайше запрещалось грабить и оскорблять местное население.

При русских в Финляндии быстро восстанавливалась мирная жизнь, расцвела торговля. Впервые была учреждена регулярная почта и приведен в действие почтовый тракт. Вновь открылись традиционные финские ярмарки. Была восстановлена лоцманская часть, поскольку плавание в шхерах являлось основным видом сообщений. По всей Финляндии разрешалось хождение как русских, так и шведских денег. На финское население была наложена контрибуция в виде хлебной и денежной повинностей, она шла на содержание русских войск. Но размер этой повинности был таким же, как и при шведском правлении. Естественно, что этого не хватало, и значительную часть продовольствия и фуража для армии приходилось возить из России.

После восстановления шведской власти права населения Финляндии были еще больше урезаны. Шведские власти стали жестче проводить ассимиляцию финнов.

Глава 3. Войны милых дам

Основной причиной войны 1741–1743 гг. было стремление правящих кругов Швеции к реваншу за Северную войну 1700–1721 гг. Боюсь, читатель поморщится от казенного советского стиля этой фразы. Но, увы, это на сто процентов соответствует действительности. До 1700 г. доходы шведского королевского дома и аристократии с Финляндии, Прибалтики и шведских территорий в Германии были гораздо больше, чем непосредственно со Швеции. Кроме того, собственное сельское хозяйство не могло прокормить население Швеции, и волей-неволей приходилось закупать зерно и другие сельхозпродукты в утерянных землях.

Однако шведское правительство понимало, что новая война один на один с Россией может закончиться для Швеции катастрофой. Войну можно было начать лишь в коалиции с могущественными союзниками либо дождаться внутренних потрясений в России, которые подорвут ее военную мощь.

В 1731 г между Австрией, Голландией и Англией был заключен Венский договор, направленный против Франции. В свою очередь правительство Людовика XV срочно начало искать союзников. В результате этого Швеция и Турция оказались в сфере французского влияния. Склонялась к союзу с Францией и Пруссия.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. давала шансы на реализацию шведского реванша. Однако в самой Швеции не было единства в вопросе о войне.

Швеция начала переговоры с Турцией о заключении военного союза против России. В ответ императрица Анна Иоанновна запретила вывоз хлеба в Швецию из русских портов.

17 октября 1740 г. императрица Анна Иоанновна скончалась в возрасте 46 лет. На следующий день, 18 октября, столица присягнула новому императору – младенцу Ивану Антоновичу. Он был сыном герцога Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского и Анны Леопольдовны, внучки слабоумного царя Ивана Алексеевича. Однако согласно завещанию Анны Иоанновны регентом при императоре стал немец Бирон.

В ночь с 7 на 8 ноября 1740 г. генерал-фельдмаршал Миних с ведома Антона Ульриха и Анны Леопольдовны поднял по тревоге 80 гвардейцев и совершил государственный переворот. Бирон и десяток его сторонников были арестованы. В ходе переворота не было пролито ни капли крови, если не считать кулачного боя между Бироном и арестовывавшими его гвардейцами.

Теперь Анна Леопольдовна получила неограниченную власть и стала именовать себя «правительницей российской», младенец же Иван по-прежнему числился императором Иваном VI. Что же касается Антона Ульриха, то он представлял собой полнейшее ничтожество и давным-давно не имел интимных отношений с женой. Будучи генералиссимусом, он не играл никакой роли ни в военных, ни в гражданских делах.

Двадцатидвухлетняя Анна Леопольдовна была глупа и почти все время валялась в огромной постели, читая душещипательные романы. Впрочем, в постели она никогда не бывала одна. Там постоянно находилась ее любимая фрейлина Юлиана фон Менгден. Некоторые высококонравственные дореволюционные историки писали о возвышенной дружбе двух этих дам. А безнравственные современники не стеснялись их называть лесбиянками.

Развал системы управления в стране не был секретом ни для русских, ни для иностранных дипломатов в Петербурге. И те и другие прекрасно понимали, что хаосу в верхах скоро придет конец.

Наиболее реальной претенденткой на русский престол была Елизавета Петровна. За 16 лет офицерство, чиновники, да и просто обыватели устали от немецкой???? правившей от имени ничтожных и нелегитимных монархов. Жестокие и нелепые указы Петра I были напрочь забыты, и все вспоминал и только его победы и достижения. В дочери Петра все

видели возрождение Великой России и освобождение от ненавистных немцев. О незаконности ее рождения, теперь, в 1740–1741 гг., никто не вспоминал.

После смерти Анны Иоанновны в Петербурге стали зреть сразу два заговора в пользу Елизаветы. Один – спонтанный, снизу среди солдат и младших офицеров гвардейских полков. Другой же заговор готовился послом Франции Иахимом-Жаком де ля Шетарди и послом Швеции Эриком Нолькеном. Причем если Шетарди вступил в контакт с Елизаветой по прямому указанию своего правительства, то Нолькен действовал в основном в инициативном порядке. В инструкции Шетарди, данной ему кардиналом де Флери, Елизавета была указана как единственное лицо, в пользу которого нужно было действовать для свержения немецкого правительства и для оттеснения России обратно на восток. Посредником между дипломатами и Елизаветой стал ее личный врач Иоганн Лесток, француз по происхождению.

Франция предложила Швеции полностью оплатить все издержки в войне с Россией. Шетарди потребовал от Елизаветы Петровны подписать обращение к русским войскам в Финляндии не сопротивляться шведам, а также дать письменные гарантии территориальных уступок шведскому королю. У Елизаветы хватило ума отвертеться от письменных обязательств, на словах-то она была на все согласна, а взамен просила 100 тысяч рублей.

Посол Нолькен выдал требуемую сумму. Сколько выплатил Шетарди – точно не установлено. Известно, к примеру, что в сентябре 1741 г. он выдал ей 2 тысячи золотых. Деньги Швеции и Франции были использованы как на подкуп гвардейцев, так и на оплату долгов Елизаветы, выражавшихся в десятках тысяч рублей.

Посол Нолькен сообщил в Стокгольм, что Россия на грани государственного переворота, что войска не будут сражаться за Анну Леопольдовну и т. д. В Стокгольме сделали вывод, что достаточно одного только вида шведских войск, чтобы власть Анны Леопольдовны и немцев рухнула, а новая императрица в благодарность за помощь щедро наделила бы шведского короля русскими землями.

28 июля 1741 г. шведский король объявил России войну. Главным театром военных действий стала Финляндия. Начальником шведского войска в Финляндии был назначен граф Левенгаупт, сеймовый маршал, самый популярный в это время человек в Швеции. Маршал собирался осень встретить в Петербурге.

Однако 23 сентября 1741 г. шведы были наголову разбиты у Вильманстранда (немного севернее Карельского перешейка). Но тут русский командующий фельдмаршал П. П. Ласси 25 августа приказал совершенно разрушить город Вильманstrand, а жителей вывезти в Россию. Сам же он с армией двинулся... к русской границе и вернулся в лагерь, который он покинул неделю назад. Анна Леопольдовна и ее окружение выразили неудовлетворение подобным маневром, но вынуждены были довольствоваться отписками Ласси. На этом кампания 1741 г. в Финляндии закончилась.

В ночь на 25 ноября 1741 г. Елизавета Петровна подняла роту Преображенского полка и захватила Зимний дворец. Елизавета отправилась во внутренние помещения дворца, не встречая сопротивления караульных. Войдя в комнату правительницы, которая спала вместе с фрейлиной фон Менгден, Елизавета сказала ей: «Сестрица, пора вставать!» Анна Леопольдовна, проснувшись, удивилась: «Как, это вы, сударыня?!» Увидев за спиной Елизаветы гренадер, она догадалась, в чем дело и стала умолять цесаревну не делать зла ни ее детям, ни девице Менгден, с которой бы ей не хотелось разлучаться. Елизавета обещала Анне все это, посадила ее в сани и отвезла в свой дворец, за ними в других санях отвезли туда же маленького Ивана Антоновича.

Утром был издан краткий манифест о восшествии на престол Елизаветы Петровны.

11 января 1742 г. Шетарди лично прочел Елизавете требования французского короля о территориальных уступках Швеции. Елизавета вежливо, но категорически отказала.

К началу июня 1742 г. у Ласси в Финляндии была 36-тысячная армия. 7 июня русские выступили из-под Выборга и двинулись вдоль Финского залива, чтобы иметь возможность получать морем продовольствие и боеприпасы.

13 июня Ласси получил сведения о сосредоточении шведских войск (19 пехотных и 7 конных полков) на сильно укрепленной позиции в районе Мендолакса. 20 июня русская армия вышла к рубежу реки Вираоки. Здесь были оставлены обозы и лишние тяжести. Взяв с собой продовольствие на десять дней и боеприпасы, русские войска продолжали наступление. К 25 июня они, преодолев труднопроходимую местность, приблизились к Мендолаксу. С фронта позиция шведских войск была недоступна, а с флангов к ней вела только узкая дорога. Несмотря на это, Ласси решил атаковать противника. Но как только русские войска перешли в наступление, шведы оставили свои позиции и отошли в Фридрихсгам. Главные же силы шведов сосредоточились в лагере при Сумме. Вслед за отступающим противником к Фридрихсгаму подошли русские войска. Как только шведам стали известны намерения Ласси, Левенгаупт поспешно отошел к Гельсингфорсу. Отступающие шведы сожгли Фридрихсгам.

2 июля Ласси получил из Петербурга приказ: если шведы отойдут за реку Кюмень, не двигаться дальше и остановиться здесь, а главные силы отвести на зимние квартиры к Фридрихсгаму. Но военный совет решил продолжать движение к Гельсингфорсу. Это решение Ласси мотивировал тем, что противнику надо нанести решительное поражение и заставить финские полки прекратить сопротивление и оставить шведскую армию при подходе русских войск.

В то же время отряд князя Мещерского вышел из Кексгольма и, двинувшись на север, без боя занял город Нейшлот. Далее Мещерский пошел на запад параллельно берегу Финского залива в 70–80 верстах от него. Вскоре его отряд занял город Тавастгус.

В августе армия Ласси окружила шведские войска у Гельсингфорса. Теперь шведская армия могла получать подкрепления только морем. Но и эта связь скоро прекратилась, так как шведский флот из-за начавшейся эпидемии ушел из Гельсингфорса в Карлскрону, а эскадра Мишукова заперла шведскую армию с моря.

В Гельсингфорсе было заперто 17 тысяч шведов, русских же было там не более 17,5 тысячи. Тем не менее, 24 августа командующий армией генерал Буснет капитулировал. За несколько дней до этого генералы Левенгаупт и Будденброк оставили армию и бежали в Стокгольм «для отчета сейму о своих действиях». По условиям капитуляции шведским военнослужащим было разрешено убыть в Швецию с личным оружием, полковая и крепостная артиллерия шведов (90 орудий) доставалась русским. Финны, служившие в шведской армии, отказались ехать в Швецию и были распущены по домам. Вскоре войска Ласси и Мещерского соединились в городе Або.

Корабельные флоты обеих стран на Балтике в 1741–1742 гг. действовали довольно пассивно, хотя в целом превосходство было на стороне русских.

В кампанию 1742 г. русский галерный флот предпринял активные действия – совершил несколько набегов на Аландские острова и прошелся вдоль всего финского побережья Ботнического залива до города Васа.

В январе 1743 г. в городе Або, захваченном русскими войсками, начались переговоры о мире.

Шведские войска были выбиты из Финляндии, и у командования русских войск возникло естественное желание не пускать туда впредь шведов. 22 февраля 1743 г. Елизавета Петровна велела подать мнение об условиях мира со Швецией высшим военачальникам и чиновникам империи. Фельдмаршал князь Трубецкой заявил, что надо всеми силами удерживать всю Финляндию: «Возвратить ее Шведской короне ни по каким правильным причинам невозможно, ибо в противном случае не только всему свету подастся повод рассуждать

не к пользе и не к славе оружия ее величества, но и для благополучия и безопасности Российской империи весьма надлежит, чтоб граница была отдалена, ибо опасность от близкой границы нынешняя война доказала; наконец, обыватели финляндские, видя, что их страну возвратили шведам, в другой раз будут противиться всеми силами русским войскам». Как видим, мнение было весьма логично. Его поддержал вице-канцлер граф Бестужев-Рюмин, предложив заключить мир на условиях «*uti possidetis*» («кто чем владеет») и лишь в крайнем случае присоединить к России районы Або и Гельсингфорса, а на остальных финских землях создать независимое нейтральное государство. По мнению фельдмаршала Ласси, адмирала Головина и других, нужно было бы отдать шведам лишь северные районы Финляндии, а остальные присоединить к империи.

Но каприз Елизаветы, которому успешно подыгрывали шведы, оказался сильнее мнения опытных полководцев и политиков. Дело в том, что король Швеции Фредерик I не имел детей, и шведский риксдаг был сильно озабочен поисками наследника престола. Ряд шведских аристократов предложили избрать наследником шведского престола любекского епископа Адольфа Фридриха Голштинского. Елизавета пришла в восторг от этой идеи. Во-первых, Адольф был двоюродным дядей юному Карлу Петру Ульриху Голштинскому²⁹, которого Елизавета назначила своим наследником. Кстати, детские годы он провел у Адольфа в Любеке. Во-вторых, Адольф был родным братом Карла Августа, который был женихом самой Елизаветы, но умер в июне 1727 г. в Петербурге незадолго до венчания. Нетрудно догадаться, какое впечатление произвела смерть красавца-принца на его семнадцатилетнюю невесту. Елизавета помнила жениха всю жизнь. И тут появилась возможность помочь его родному брату. Разумеется, 33-летняя Елизавета уже не была наивна и сентиментальна, но... кто из нас порой не обольщается! И Елизавета всерьез поверила, что Адольф, взойдя на престол, будет если не другом, то, по крайней мере, ее союзником.

Шведские же уполномоченные объявили Румянцеву и Любрасу, что епископ Любекский изберется наследником престола только на определенных условиях, как-то: Россия возвратит Швеции все завоеванное, заключит с ней оборонительный и наступательный союз, ибо в случае выбора епископа Любекского война с Данией неизбежна. Дело в том, что датский король Кристиан VI норовил пролезть в наследники шведского престола.

В ответ на подобные предложения шведов Румянцев ответил, что в деле наследства они вольны поступать как хотят, но только императрица никогда всей Финляндии им не возвратит, а если шведы будут упрямы, то русская делегация покинет Або.

Но при дворе Елизаветы сформировалась партия сторонников Адольфа. Видную роль среди них играли Брюмер – гофмаршал наследника Петра, лейб-медик Лесток, тайный советник Бреверн и др. О таких Румянцев писал в Петербург Бестужеву, что им «в том нужды нет, хотя бы мы и Новгород отдали, только бы его герцог королем избран был».

23 июня 1743 г. король Фредерик и риксдаг единогласно избрали «коронным наследником» принца Адольфа Фридриха.

7 августа 1743 г. в Або был подписан окончательный мирный договор. Согласно Або-скому миру, к России отходили Кюменегорская губерния, то есть бассейн реки Кюмийоки с городами Фридрихсгам и Вильманstrand, а также город Нейшлот (по-фински Олавинлинна) из провинции Саволакс. Русско-шведская граница, начиная от побережья Финского залива, шла с этих пор прямо на север по руслу реки Кюмийоки, а затем по ее первому притоку слева и по границам бассейна реки Кюмийоки на востоке вплоть до города Нейшлота в Саволаксе, а оттуда по старой русско-шведской границе.

²⁹ Он вступит в 1761 г. на русский престол под именем Петра III, но через несколько месяцев умрет от «геморроидальных коллик».

Через 45 лет, летом 1788 г. взбалмошный шведский король Густав III объявил войну России. Король надеялся на то, что Россия, занятая войной с Турцией и противопартизанскими действиями в Польше, не сможет оказать сильное сопротивление. Шведский король предъявил России ультиматум: наказать графа Разумовского (русского посла), отдать шведам земли в Финляндии, отошедшие России по договорам 1721 и 1743 гг., а также всю Карелию, турецкому султану вернуть Крым и заключить мир с Турцией на условиях султана.

Комментировать сей пассаж нужды нет. Прочтя ноту Густава, посол Пруссии в Петербурге барон Келлер заметил, что она «сочинена, конечно, в замешательстве ума». Отправляясь в поход, Густав писал своему другу Армфельду: «Мысль о том, что я могу отомстить за Турцию, что мое имя станет известно Азии и Африке, все это так подействовало на мое воображение, что я не чувствую особенного волнения и оставался спокойным в ту минуту, когда отправлялся на встречу всякого рода опасностям... Вот я перешагнул через Рубикон».

С военной точки зрения война эта интересна в плане морских сражений, и тут я отсылаю интересующихся читателей к моей книге «Адмиралы и корсары Екатерины Великой».

Густав III сосредоточил в Южной Финляндии около 40 тысяч шведских войск. Кроме того, под предлогом учений было мобилизовано 15–18 тысяч территориальных финских войск.

В начале июля 1788 г. 36-тысячная шведская армия во главе с самим королем перешла русскую границу в Финляндии. Шведы осадили небольшую русскую крепость Нейшлот. Густав III прислал ультиматум коменданту крепости однорукому майору Кузьмину, в котором требовал немедленно открыть крепостные ворота и впустить шведов. На это майор ответил королю: «Я без руки и не могу отворить ворота, пусть его величество сам потрудится». Замечу, что гарнизон Нейшлота составлял всего 230 человек. Но, увы, в течение всей войны шведы так и не сумели открыть ворота Нейшлота, зато основательно разграбили окрестности. Екатерина II писала Потемкину: «По двудневной стрельбе на Нейшлот шведы пошли грабить Нейшлотский уезд. Я у тебя спрашиваю, что там грабить можно... Своим войскам в Финляндии и шведам [Густав] велел сказать, что он намерен превосходить делами и помрачать Густава Адольфа и окончить предприятия Карла XII. Последнее сбыться может, понеже сей начал разорение Швеции».

Армия же под командованием генерал-аншефа В. П. Мусина-Пушкина вела себя крайне пассивно.

22 июля 1788 г. шведская армия подошла к крепости Фридрихсгам и блокировала ее. Состояние крепости было плачевное, никаких каменных бастионов не было и в помине. Земляной вал повсюду обвалился. Артиллерийское вооружение состояло из шведских орудий, захваченных еще в войну 1741–1743 гг. Гарнизон крепости составлял 2539 человек. Однако шведы постояли два дня у Фридрихсгама, а затем отступили.

В отступлении шведов Екатерина поначалу увидела «руку Божию, наказывающую вероломство». На самом же деле 24 июля в королевской армии начался мятеж. Значительная часть офицеров-шведов и почти все офицеры-финны не хотели воевать. В деревне Аньяла недовольные устроили офицерское собрание, позже получившее название «аньяльской конфедерации». На собрании офицеры заявили, что война ведется королем незаконно, без согласия риксдага, и потребовали от Густава немедленно заключить мир. Король отказался, заявив, что мир будет для него «самоубийством».

Солдаты двух финских полков бросили ружья и разошлись по домам. Король был вынужден отойти от Фридрихсгама и занять позицию у Кюмень-города.

Отряд шведов, наступавший от Сент-Михеля (ныне город Миккели в Финляндии) через Кири и Гарданески к Вильманстранду, также вынужден был из-за мятежа остановиться и вернуться назад.

Ряд зарубежных историков считает, что альяльская конфедерация была создана «присками русского правительства». Однако документы свидетельствуют, что о конфедерации императрица узнала лишь 31 июля. В этот день в Петербург прибыл депутат от конфедерации майор Юхани Егергорн, финн по национальности.

В «мемориале» к русскому правительству конфедераты заявили, что они не участвуют в незаконной войне, ведущейся королем «противу народного права и их законов». Екатерина лично вела переговоры с майором Егергорном. Любопытно, что Егергорн в беседах с императрицей неоднократно поднимал вопрос о создании независимого финского государства. Причем он делал это в инициативном порядке, поскольку в альяльской конфедерации не ставился вопрос о независимости Финляндии.

Екатерина отправила благожелательный ответ конфедератам, но не поставила своей подписи. В своем кругу она даже осуждала конфедератов: «Какие изменники! Буде не таков был король, то заслуживал бы сожаления. Но что делать? Надобно пользоваться обстоятельствами: с неприятеля хоть шапку долой». Зато теперь Екатерина была уверена в исходе войны с Густавом III. 14 августа она писала Потемкину: «И так все беспокойства ваши мне теперь чувствительнее, нежели дурацкая шведская война, в которой смеха достойные ныне происхождения, и, по-видимому, кончится собранием Сейма в Финляндии и Швеции, и тогда станем со штатами трактовать о мире». С тех пор в переписке Екатерина величала короля Фуфлыгой.

Воспользовавшись беспорядком в шведском войске, Мусин-Пушкин решил перейти границу и атаковать неприятеля. Но Екатерина запретила производить любые наступательные действия на суше, в надежде на окончательный переход армии к конфедератам.

Таким образом, до конца 1788 г. боевые действия на суше не велись. По колкому замечанию современника, шведы в этом походе нуждались не столько в солдатах, сколько в трубах для оказания услуг при непрерывном обмене визитами шведских и русских парламентаров.

Между тем в войну со Швецией вступила Дания. Нападение датчан вызвало всплеск национализма в Швеции, которым не замедлил воспользоваться Густав III. Он собрал в Швеции довольно большое ополчение. А зимой 1788/89 г. риксдаг в Стокгольме был вынужден принять ряд законов, навязанных королем (в том числе и так называемый «Акт единения и безопасности», дававший королю почти самодержавную власть).

Теперь Густав мог расправиться с альяльской конфедерацией. В 1789 г. было арестовано 125 офицеров-конфедератов, несколько десятков офицеров скрылись в Финляндии и России. В числе последних был и собеседник Екатерины майор Егергорн. Арестованных офицеров военный суд приговорил к смертной казни. Но привести приговор в исполнение Густав не посмел и ограничился казнью одного из конфедератов – полковника Хестеску.

В начале 1790 г. Екатерина II заменила Мусина-Пушкина на генерал-аншефа графа И. П. Салтыкова. В кампанию 1790 г. в первых стычках успех способствовал шведам. Но 22 апреля отряд генерал-майора Ф. П. Денисова³⁰ в районе деревни Гайнали разбил 7-тысячный корпус шведов, которым командовал сам Густав III. Одновременно генерал-поручик Нумсен овладел шведскими укреплениями на правом берегу реки Кюмень, взяв 12 пушек и более 300 пленных. Отряд генерал-майора Ферзена потеснил противника в районе Свеаборга. Таким образом, вся кампания 1790 г. шла исключительно на шведской территории, но по-прежнему велась вяло. В середине июля боевые действия прекратились в связи с начавшимися переговорами о мире.

---

³⁰ Денисов Федор Петрович, родился в Пятиизбенной станице на Дону в 1738 г. В 1756 г. поступил простым казаком в полк. В 1799 г. первым из казаков получил графский титул.

Оценивая боевые действия в Финляндии в 1788–1790 гг., следует заметить, что в отличие от войны 1700–1721 гг. и 1741–1743 гг. боевые действия обеими сторонами велись крайне нерешительно. За три года войны не произошло ни одного крупного сражения. Противники буквально топтались на небольшом пятачке в сто верст в длину и столько же в ширину.

Эта война с самого начала была глупой с точки зрения политических целей и военной стратегии, а в Финляндии она была таковой и с точки зрения тактики.

3(14) августа 1790 г. в мызе Вереля (Вяряля) в районе современного города Коуволабыл подписан мирный договор между Шведским королевством и Российской империей. Договор был признан бессрочным. Основными условиями договора стали: восстановление «вечного мира», подтверждение незыблемости постановлений Ништадтского и Абоского мирных договоров; сохранение статус-кво и неизменности прежних границ.

Екатерину II вполне устраивал ничейный результат войны с королем Фуфльгой, как она называла Густава III. Главный интерес для императрицы представляли Османская империя и Речь Посполитая. Основным же итогом войны было то, что в Петербурге осознали, что столица империи слишком уязвима как с моря, так и с суши. Одновременно выяснилась слабость королевской власти в Финляндии.

Глава 4. Окончательное присоединение Финляндии

В сражении под Фридландом 2(14) июня 1807 г. русские войска были наголову разбиты французами, и Александру I ничего не оставалось, как мириться с Наполеоном.

Посреди реки, разделявшей французскую армию и остатки разбитой русской армии, французские саперы построили огромный плот с нарядной палаткой посередине. На этом плоту 25 июня 1807 г. в

II часов утра состоялась встреча двух императоров. Наполеон первым обратился к Александру: «Из-за чего мы воюем?» Ответить «лукавому византийцу» было нечем. Еще в 1800 г. на докладе В. Ф. Ростопчина напротив слов «Англия вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции» Павел I собственноручно написал: «И нас, грешных».

Подробное изложение обстоятельств и условий заключения Тильзитского мира лежит за рамками данной работы. Поэтому я ограничусь сутью пожеланий и требований Наполеона к Александру. Это – как можно меньшее вмешательство России в дела Германии и других западноевропейских государств и разрыв союза с Англией. При этом Наполеон не требовал заключения какого-либо военного союза между империями. Он хотел лишь строгого нейтралитета России. Взамен он предлагал России решить свои проблемы со Швецией и Турцией. Причем в первом случае Наполеон был абсолютно искренен, а во втором был достаточно непоследователен и откровенно лукавил. Это и понятно – турецкий вопрос сильно задевал национальные интересы Франции. Не менее сильно это касалось и австрийских интересов. А Наполеон в 1807–1808 гг. не мог точно установить баланс отношений России и Австрии.

Непосредственным поводом к новой русско-шведской войне стало нападение британского флота на Данию. Российский императорский дом (Голштейн-Готторпская династия) имел родственные связи с датским и голштинским дворами. Кроме того, Дания уже сто с лишним лет была союзницей России в войнах со Швецией.

В октябре 1807 г. Россия предъявила Англии ультиматум – разрыв дипломатических отношений до тех пор, пока не будет возвращен Дании флот и возмещены все нанесенные ей убытки. Началась вялотекущая англо-русская война. Посольства были взаимно отозваны. Указом Сената от 20 марта 1808 г. Александр I наложил запрет на ввоз английских товаров в Россию.

5 февраля Наполеон заявил русскому послу в Париже графу Толстому, что он согласится на то, чтобы Россия приобрела себе всю Швецию, не исключая и Стокгольм. Наполеон шутил, что, мол, прекрасные петербургские дамы не должны больше слышать шведских пушек (он намекал на Красногорское сражение в 1790 г.).

В свою очередь Англия в феврале 1808 г. заключила со Швецией договор, по которому она обязалась платить Швеции по 1 млн. фунтов стерлингов ежемесячно во время войны с Россией, сколько бы она ни продолжалась. Кроме того, англичане обещали предоставить Швеции

14 тысяч солдат для охраны западных границ Швеции и ее портов, в то время как все шведские войска должны были отправиться на восточный фронт против России.

После заключения этого договора уже никаких надежд на примирение Швеции и России не было: Англия уже вложила средства в будущую войну и стремилась как можно быстрее извлечь военно-политические дивиденды.

Формально повод для начала войны дали сами шведы. 1 (13) февраля 1808 г. шведский король Густав IV сообщил послу России в Стокгольме, что примирение между Швецией и Россией невозможно, пока Россия удерживает Восточную Финляндию, присоединенную к

России по Абоскому договору 1743 г. Спустя неделю Александр I ответил на вызов шведского короля объявлением войны.

Для ведения войны со Швецией была сформирована 24-тысячная армия, командование которой Александр поручил генералу от инфантерии графу Ф. Ф. Буксгевдену. Выделение столь малых сил объяснялось тем, что Россия продолжала вести войну с Турцией, а с другой стороны, основная часть русских войск располагалась в западных губерниях на случай новой войны с Наполеоном.

Шведские войска численностью 19 тысяч человек были разбросаны по всей Финляндии. Командовал ими генерал Клекнер.

9 февраля 1808 г. русская армия перешла границу Финляндии на реке Кюмень. В ночь с 15 на 16 февраля русские войска разбили отряд шведов под командованием Адлеркрейца у местечка Артчио. Когда русские войска выдвинулись на реку Борга, они получили известие о сборе шведских сил у Гельсингфорса. Но это оказалось дезинформацией, на самом деле шведы сосредоточились у Тавастуса. Буксгевден сформировал отряд генерал-майора графа Орлова-Денисова в составе егерского и казачьего полков и одного эскадрона драгун для захвата Гельсингфорса. Отряд форсированным маршем двинулся к Гельсингфорсу, следуя где береговой дорогой, а где прямо по льду. 17 февраля при подходе к городу Орлов-Денисов встретил шведский отряд. После короткой стычки неприятель бежал. Русские взяли шесть полевых пушек и 134 пленных. 18 февраля в Гельсингфорс вступили основные силы русских во главе с генералом Буксгевденом. В городе было найдено 19 орудий, 20 тысяч ядер и 4 тысячи бомб. 28 февраля русские, несмотря на сильный мороз, заняли Таммерфорс.

Генерал Клекнер растерялся и потерял управление войсками, поэтому в конце февраля он был сменил генералом Морицом Клингспором. Но новый главнокомандующий оказался не лучше прежнего и 4 марта потерпел поражение у города Биернеборга. Таким образом, русские вышли на побережье Ботнического залива. Большая часть шведских войск отошла вдоль побережья на север к городу Улеборгу.

10 марта бригада генерал-майора Шепелева без боя заняла город Або. И только после этого жители Российской империи узнали о войне со Швецией. В газетах было опубликовано сообщение: «От военного министра о действиях Финляндской армии под главным начальством генерала от инфантерии Буксгевдена». Жители Петербурга извещались о том, что «Стокгольмский двор отказался соединиться с Россией и Данией, дабы закрыть Балтийское море Англии до совершения морского мира». В сообщении указывалось, что, истощив способы убеждения, русские перешли границу и вели успешные бои.

16 марта 1808 г. царь порадовал население и поставил все точки над «i» в Высочайшем манифесте (Декларации) о присоединении Финляндии. Поводом для издания манифеста послужил арест 20 февраля (3 марта) 1808 г. русского посла в Стокгольме Алопеуса и всех членов посольства. В Манифесте говорилось: «Явная преклонность короля шведского к державе нам неприязненной, новый союзе ней и, наконец, насильственный и неимоверный поступок с посланником нашим в Стокгольме учиненный... сделали войну неизбежной».

Присоединение Финляндии (шведской части) к России в Манифесте рассматривалось как репрессивный акт в ответ на невыполнение Швецией союзнических обязательств в отношении России по договору 1800 г. и ее союз с врагом России – Англией.

В Манифесте говорилось, что «отныне часть Финляндии, известная под наименованием Шведской Финляндии (юго-западная часть), занятая русскими войсками, понесшими потери в людской силе и издержки материального порядка, признается областью, покоренной силой русского оружия, и навсегда присоединяется к Российской империи».

Любопытно, что сей Манифест (Декларация) не был подписан царем, как это было положено. «Властитель слабый и лукавый» и здесь остался верен себе. Манифест (Декларация) был односторонним актом России. Его назначением было объявить Швеции и всему

миру, что присоединение Финляндии к России предрешено независимо от дальнейшего хода военных действий.

Но вернемся к боевым действиям в Финляндии. Небольшой отряд шведов покинул Або и укрылся на Аландских островах. За ним погнались казаки под началом майора Нейдгарда и батальон егерей под командованием полковника Вуича. 17 февраля Вуич вошел в город Аланд, захватил местные военные склады и уничтожил станцию оптического телеграфа, связывавшую острова со шведским берегом. Однако непосредственный начальник Вуича князь Багратион приказал ему очистить Аландские острова. Но, вернувшись, Вуич получил указание, шедшее из самого Петербурга, вновь занять острова. Для этого Вуичу дали батальон 25-го егерского полка (тот самый, с которым он был в Аланде), 20 гусаров и 22 казака. 3 апреля Вуич занял остров Кумблинге в самой середине архипелага. Там он и остановился. С приближением весны главнокомандующий Буксгевден, сознавая опасность положения наших войск на Аландских островах, намеревался возвратить их обратно, тем более что само пребывание войск для пресечения движения шведов по льду из Стокгольма к Або теряло смысл с открытием навигации.

Но в это время пришло Высочайшее повеление направить через Аланд в Швецию корпус от 10 до 12 тысяч человек. Это распоряжение явилось развитием того плана, который состоял в направлении главного удара не в Финляндию, а в южную часть Швеции.

Как только начал сходить лед, шведские галеры с десантным отрядом подошли к острову Кумблинге. Шведский десант вместе с вооруженными местными жителями атаковал отряд Вуича. Шведские галеры поддержали атаку огнем тяжелых пушек. У Вуича же пушек не было вообще. После четырехчасового боя русские сдались. В плен попало 20 офицеров и 490 нижних чинов.

Последствия захвата шведами Аландских островов не замедлили сказаться весной 1808 г. Архипелаг стал плацдармом для десантных операций и операционной базой шведского флота.

20 февраля две дивизии под командованием генерал-лейтенанта Н. М. Каменского (сын фельдмаршала М. Ф. Каменского) осадили Свеаборг – самую мощную шведскую крепость в Финляндии, которую шведы называли «Гибралтаром Севера». Гарнизон крепости насчитывал 7,5 тысячи человек при 200 орудиях. Запасы снарядов, пороха и продовольствия были рассчитаны на многомесячную осаду. 22 апреля после 12-дневной бомбардировки Свеаборг капитулировал. Но исход баталии был решен не сталью и свинцом, а золотом. Ибо по знаменитому афоризму римского полководца Суллы, «стены крепости, которые не могут преодолеть легионы, легко перепрыгивает осёл, нагруженный золотом». Каменский просто подкупил коменданта Свеаборга вице-адмирала Карла Олофа Кронстедта. По условиям капитуляции весь гарнизон был отпущен в Швецию под честное слово не брать в руки оружие до конца войны.

В Свеаборге русские захватили шведскую гребную флотилию в составе 100 судов. Кроме того, с приближением русских в различных портах Финляндии сами шведы сожгли 70 гребных и парусных судов.

Густав IV решил начать наступление на датские войска в Норвегии. Поэтому шведам не удалось собрать значительных сил для операции в Финляндии. Тем не менее, с началом навигации 1808 г. король решил провести две десантные операции. В первой полковник Бергенстрале должен был выйти на судах из шведского порта Умео и высадиться в Финляндии в районе города Васа. Во второй операции генерал-майор барон фон Фегезак должен был через Аландские острова дойти до Або и занять его.

8 июня 1808 г. отряд Фегезака численностью 4 тысячи человек при восьми пушках беспрепятственно высадился у местечка Лемо в 22 верстах от города Або. Далее десантный

отряд двинулся пешим порядком к Або, но по пути был встречен батальоном Либавского полка при одной пушке под командованием полковника Вадковского.

Превосходящие силы шведов начали теснить солдат Вадковского, но вскоре ему на помощь пришла артиллерийская рота, несколько батальонов пехоты, эскадрон драгун и гусар. Шведы были вынуждены отступить к месту своей высадки у Лемо. Под прикрытием огня судовой артиллерии шведам удалось эвакуироваться. Посланные Буксгевденом к Лемо пятнадцать русских гребных канонерских лодок вовремя не успели подойти. Благодаря этому шведские суда ушли за острова Нагу и Корно.

Летом 1808 г. положение русских войск в центральной Финляндии осложнилось. 2 июля шеститысячный отряд генерала Раевского, теснимый войсками генерала Клингспора и финскими партизанами, вынужден был отступить вначале к Сальми, а затем к местечку Алаво. 12 июля Раевский был заменен Н. М. Каменским, но и последнему тоже пришлось отступать до Таммерфорса.

20 августа корпус Каменского сразился с войсками Клингспора у деревни Куортане и одноименного озера. Шведы были разбиты и отступили к городу Васа.

Вскоре Клингспор был вынужден оставить и Васу, и отошел на 45 верст севернее к деревне Оровайс. Там шведы закрепились и решили дать бой преследовавшему их корпусу Каменского. Семь тысяч шведов заняли позицию за болотистой речкой. Правый фланг шведов упирался в Ботнический залив, где стояло несколько шведских гребных канонерских лодок. На левом фланге начинались обрывистые утесы, окаймленные дремучим лесом.

В 8 часов утра 21 августа авангард под командованием генерала Кульнева атаковал шведские позиции. Атака Кульнева была отбита, и шведы начали его преследование. Но подошедшие на помощь два пехотных полка генерала Демидова опрокинули неприятеля и отогнали его. В середине дня на поле боя прибыл и сам Каменский с батальоном егерей и двумя ротами пехоты. В 3 часа дня шведы вновь атаковали, но тут подошли войска генерала Ушакова (приблизительно два полка). В результате шведы были вновь отброшены на исходные позиции. К этому времени уже стемнело. Ночью отряд Демидова пошел в обход через лес. Утром шведы увидели, что русские пытаются их окружить, и организованно отступили на север. Обе стороны потеряли почти по тысяче человек.

Ряд русских военных историков (П. А. Ниве, А. И. Михайловский-Данилевский и др.) считают Оровайское сражение «выдающимся образцом русского военного искусства». На самом же деле Каменский разбросал свои силы перед сражением, а затем по частям вводил их в дело. Результатом стал не разгром противника, а вытеснение его с позиции.

3 сентября отряд генерала Лантингсгаузена численностью в 2600 человек высадился с гребных судов у деревни Варанняя в 70 верстах севернее Або. Десант прошел успешно, но на следующее утро у деревни Локколакса шведы наткнулись на отряд Багратиона и были вынуждены отступить.

Тем временем у деревни Гельсинге близ Або был высажен новый шведский десант под началом генерала Боне. Сам Густав IV на яхте «Амадна» сопровождал суда с десантом. 14 и 15 сентября пять тысяч шведов Боне преследовали небольшие русские силы. 16 сентября у местечка Химайса шведы были контратакованы основными силами Багратиона. Шведы были разбиты и стали отступать к Гельсинге. В этот момент эскадрон гродненских гусар под командованием майора Лидерса атаковал отступающих. Шведы обратились в бегство. Около тысячи трупов шведов остались на поле битвы. 15 офицеров, 350 нижних чинов и 5 пушек стали трофеями русских.

Русская артиллерия подожгла деревню Гельсинге. Пожар, раздувавшийся сильным ветром, стал угрожать шведским судам, стоявшим у берега. Поэтому они вынуждены были уйти до окончания полной эвакуации уцелевших десантников. Все это происходило на глазах у Густава IV, наблюдавшего за сражением в подзорную трубу с борта яхты.

12 сентября генерал Клингспор предложил русскому главнокомандующему Буксгевдену перемирие, которое было заключено через пять дней (17 сентября) на мызе Лахтая. Однако Александр I не признал его, а назвал «непростительной ошибкой».

Буксгевден получил Высочайшее повеление продолжать боевые действия и приказал корпусу генерал-майора Тучкова двинуться из Куопио к Иденсальми и атаковать 4-тысячный шведский отряд бригадира Сандельса.

Шведы заняли позицию между двумя озерами, соединенными проливом. Поту сторону пролива были вырыты две линии окопов и установлены артиллерийские орудия.

К 15 октября Тучков подвел свой корпус к проливу. В составе корпуса было 8 пехотных батальонов, 5 эскадронов регулярной конницы и 300 казаков, всего около 5 тысяч человек. Шведы повредили мост через пролив. Но русские саперы под картечным и ружейным огнем восстановили его. По мосту русская пехота форсировала пролив и овладела первой линией окопов. В этот момент Сандельс ввел в дело резервы, и русские были отброшены за мост. В бою русские потеряли убитыми и пропавшими без вести 764 человека.

На следующий день шведы оставили свою хорошо укрепленную позицию и отошли на 20 верст к северу. Тучков же не решился преследовать противника и две недели стоял у моста, выставив на расстоянии пяти верст три сторожевые роты. Их-то и решил атаковать Сандельс. Ночью 30 октября шведский отряд внезапно атаковал русский авангард. Однако шведы были отбиты, потеряв убитыми и пленными 200 человек.

В начале ноября 1808 г. Буксгевден вновь вступил в переговоры со шведами. На сей раз он действовал осмотрительнее и заранее испросил в Петербурге разрешения на перемирие. Но подписать перемирие Буксгевдену не удалось – он получил Высочайший указ об увольнении от командования армией. Новым командующим был назначен генерал-лейтенант граф Н. М. Каменский. Он и подписал перемирие 7(19) ноября 1808 г. в деревне Олькйюки. С 7 декабря 1808 г. вместо Каменского главнокомандующим стал Б. Ф. Кнорринг. 7 апреля 1809 г. Кнорринга уволили.

Перемирие было заключено на срок с 7 ноября по 7 декабря 1808 г. По его условиям шведская армия очищала всю провинцию Эстерботтен (Эстерботнию) и отводила войска за реку Кеми, в 100 км к северу от города Улеаборг. Русские войска занимали город Улеаборг и выставляли пикеты и сторожевые посты по обе стороны реки Кеми, но не вторгались в Лапландию и не пытались достичь шведской территории у Торнео. 3 декабря 1808 г. перемирие было продлено до 6 (18) марта 1809 г.

В 1808 г. англичане ввели свой флот на Балтику, но помочь шведам он не мог. Единственный эффект от присутствия англичан состоял в том, что русский корабельный флот был стеснен в своих действиях. Зато галерный флот успешно оперировал в Аландских шхерах.

К началу 1809 г. положение шведов стало безнадежно. Английский флот был готов к кампании 1809 г., но было ясно, что «просвещенные мореплаватели» будут захватывать купеческие корабли, нападать и грабить незащищенные города и селения на побережье, посылать же британскую армию в Швецию или Финляндию британский кабинет и не собирался. Да и Кронштадт – не Копенгаген, соваться туда также не входило в расчет британского адмиралтейства.

Тем не менее, упрямый Густав IV решил продолжать войну в 1809 г. Причем он приказал оставить боеспособные части шведской армии в Шонии (на юге) и на границе с Норвегией, хотя особой опасности от датчан в 1809 г. не предвиделось.

Для непосредственной обороны Стокгольма было набрано 5 тысяч человек. На Аландах удалось собрать 6 тысяч регулярных войск и 4 тысячи ополченцев. Оборона Аландских островов была возложена на генерала Ф. Дебельна.

В феврале 1809 г. Александр I сменил верховное командование русских войск в Финляндии. Командовать южным корпусом русских войск вместо Витгенштейна стал Багратион.

Центральным корпусом вместо Д. В. Голицына командовать стал генерал-лейтенант Барклай де Толли, а северным корпусом вместо Тучкова 1-го – П. А. Шувалов.

План кампании на 1809 г. был составлен русским командованием тактически и стратегически грамотно, хотя можно сказать, разумной альтернативы ему и не было.

Северный корпус, базировавшийся на Улеборг, должен был двигаться вдоль Ботнического залива и вторгнуться на территорию непосредственно Швеции. Центральный корпус, базировавшийся на город Васа, должен был форсировать по льду Ботнический залив через шхеры и пролив Кваркен (современное название Норра-Кваркен) и выйти на шведское побережье.

Аналогичная задача ставилась и южному корпусу, дислоцированному между городами Нюстад и Або. Корпус должен был достичь Швеции по льду через острова Аландского архипелага.

Рассмотрим действия русских корпусов, начиная с северного и кончая южным.

6 (18) марта генерал Шувалов известил командующего северной группой шведских войск Гринпенберга о прекращении перемирия. Шведы ответили на это сосредоточением войску городка Калике в 10 верстах западнее города Торнео. Между тем 6 марта русские войска перешли через реку Кемь и двинулись на запад вдоль побережья.

Шведский авангард, находившийся в городе Торнео, не принял боя, а поспешно отступил, бросив в городе 200 больных солдат.

Войска Шувалова при тридцатиградусном морозе делали переходы по 30–35 верст в день. Подойдя к Каликсу, Шувалов предложил Гринпенбергу сдаться, но швед отказался. Тогда основные силы русских начали фронтальное наступление на Калике, а колонна генерала Алексеева пошла в обход по льду и отрезала Гринпенбергу путь к отступлению. Шведы прислали парламентариев с просьбой о перемирии. Шувалов на перемирие не согласился, а потребовал полной капитуляции, дав срок – 4 часа.

Условия русских были приняты, и 13 марта Гринпенберг подписал акт о капитуляции. Его корпус складывал оружие и расходился по домам под честное слово больше не воевать в эту войну. Финны ушли в Финляндию, а шведы – в Швецию. Всего сдалось 7 тысяч человек, из которых было 1600 больных. Трофеями русских стали 22 орудия и 12 знамен. Все военные склады (магазины) вплоть до города Умео должны были быть в неприкосновенности переданы русским. Как писал военный историк Михайловский-Данилевский, каликская операция «разрушила последнее звено, соединявшее Финляндию со Швецией».

По плану центральный корпус Барклая де Толли должен был насчитывать 8 тысяч человек. Но большая часть сил корпуса задержалась на переходе к Васе. Барклай же, опасаясь, что скоро начнется таяние льда, приказал наступать с уже прибывшими в Васу частями. Всего в его корпусе оказалось 6 батальонов пехоты и 250 казаков (всего 3200 человек) при шести пушках.

6 марта на сборном пункте был отслужен молебен и зачитан приказ, в котором Барклай, не скрывая предстоящих трудностей, выражал уверенность, что «для русских солдат невозможного не существует».

В тот же день был отправлен первый батальон для прокладки дороги. Следом за ним с целью разведки и захвата передовых шведских постов в шестом часу вечера выступил летучий отряд Киселева (40 мушкетеров Полоцкого полка на подводах и 50 казаков). После тринадцатичасового перехода отряд Киселева подошел к острову Гросгрунду, где захватил неприятельский пикет. Шведы были также обнаружены на острове Гольме.

7 марта весь корпус Барклая перешел на остров Валс-Эрар, а 8 марта в 5 часов утра двинулся через Кваркен двумя колоннами: в правой – полковник Филисов с Полоцким полком и одной сотней на остров Гольме, в левой – граф Берге остальными войсками на остров

Гадден. В этой колонне находился и Барклай. Артиллерия с батальоном лейб-гренадер следовала отдельно за правой колонной.

Войска шли по колено в снегу, ежеминутно обходя или перелезая через ледяные глыбы, особенно трудно было левой колонне, не имевшей и следа дороги. Тяжелый марш продолжался до 6 часов вечера, когда колонны достигли Гроссгрунда и Гаддена и расположились биваком на снегу. Однако пятнадцатиградусный мороз и сильный северный ветер не давали возможности отдохнуть. В 4 часа утра войска тронулись дальше.

Утром колонна Филисова завязала бой с тремя ротами шведов, занимавшими остров Гольме. Обойденный с фланга неприятель отступил, оставив пленными одного офицера и 35 нижних чинов. Опасаясь за отставшую артиллерию, Филисов только на следующее утро решился продолжить движение на деревню Тефте.

Между тем левая колонна двигалась к устью реки Умео, имея в авангарде половину сотни казаков и две роты Тульского полка. После восемнадцатичасового движения колонна в 8 часов вечера остановилась, не дойдя до Умео шести верст. Солдаты были крайне измучены. Войска вновь заночевали во льду. Им повезло, что вблизи оказались два вмерзших в лед купеческих судна. Суда были немедленно разобраны на дрова, и на льду залива загорелись десятки костров.

Между тем неутомимые казаки добрались до окраины Умео и затеяли там стрельбу. В городе поднялась паника. Комендант Умео генерал граф Кронштедт оказался в прострации – в городе стрельба, на льду – море огней.

Утром 10 марта, когда авангард Барклая завязал бой у деревни Текнес, а вся колонна, выбиваясь из снега, выходила на материк, прибыл шведский парламентар, сообщивший о предстоящем перемирии. По заключенному условию генерал Кронштедт сдал русским Умео со всеми запасами и отвел свои войска на 200 верст к городу Гернезанду.

Заняв Умео, Барклай сделал все распоряжения, чтобы утвердиться в нем, и готовился оказать содействие колонне графа Шувалова, шедшей через Торнео. Среди этих приготовлений вечером 11 марта было получено известие о перемирии с неожиданным приказом о возвращении в Васу. Барклаю тяжело было выполнить этот приказ. Он принял все меры, чтобы обратное движение «не имело вида ретирады». Поэтому главные силы двинулись не ранее 15 марта, а аррьергард – только 17 марта. Не имея возможности вывезти военную добычу (14 орудий, около 3 тысяч ружей, порох и др.), Барклай объявил в прокламации, что оставляет все захваченное «в знак уважения нации и воинству».

Войска выступили двумя эшелонами с аррьергардом и в три перехода достигли острова Бьорке, откуда направились на старые квартиры в районе Васы. Несмотря на жестокий мороз, обратное движение по проложенной уже дороге было намного легче, чему способствовали также теплая одежда и одеяла, взятые из шведских магазинов, а также подводы под ослабевших и больных солдат и снаряжение.

При выступлении из Умео местный губернатор, магистрат и представители сословий благодарили Барклая за великодушие русских войск.

Южный корпус, которым командовал князь Багратион, насчитывал 15,5 тысячи пехоты и 2 тысячи конницы (четыре эскадрона гродненских гусар и казаки). Впереди войска Багратиона наступали два авангарда: правый – генерал-майора Шепелева и левый – генерал-майора Кульнева.

22 февраля казаки имели удачную стычку с передовыми постами неприятеля.

26 февраля основные силы Багратиона сошли на лед и двинулись к острову Кумблинге. Войска были полностью обеспечены полушубками, теплыми фуражками и валенками. Караван саней, нагруженных продовольствием, вином и дровами, тянулся за войсками. 28 февраля к колонне присоединились военный министр граф Аракчеев и главнокомандующий Кнорринг в сопровождении русского посланника в Швеции Алопеуса.

Алопус имел дипломатические полномочия на случай желания противника вступить в переговоры.

2 марта войска сосредоточились на Кумлинге, а 3 марта выступили уже разделенные на пять колонн, обходя полыньи и сугробы. Пехота шла рядами, а конница – где по двое, а где и гуськом. Передовые части шведов оставляли мелкие острова и уходили к западу. К вечеру 3 марта первые четыре колонны заняли остров Варде, расположенный впереди Большого Аланда, а пятая колонна прошла через Соттунга на остров Бенэ, где столкнулась с арьергардом противника. Казаки атаковали его, а Кульнев с остальными войсками пошел в обход острова, что заставило шведов спешно отступить. Как раз в это время начальник Аландского отряда получил известие о совершенном в Стокгольме государственном перевороте.

До шведской столицы русским оставалось лишь пять-шесть переходов, поэтому новое шведское правительство выслало навстречу русским для переговоров полковника Лагербринна. Багратион не стал вступать в переговоры с Лагербринном, а отправил его в обоз к Аракчееву и Кноррингу. А сам Багратион приказал войскам продолжать наступление. Через двое суток был без боя занят весь Аландский архипелаг. Лишь авангард Кульнева достиг острова Лемланд неприятельский арьергард. После небольшой стычки шведы бежали, бросив пушки.

Между тем в Стокгольме произошла смена власти. Гвардейские полки свергли Густава IV. Новым королем риксдаг избрал дядю Густава IV, герцога Зюдерманландского, вступившего на престол под именем Карла XIII.

Наступление трех русских корпусов на Швецию поставило ее в безвыходное положение. Поэтому новое правительство первым делом обратилось к русским с просьбой о перемирии. 4 марта в корпус Багратиона с просьбой о перемирии прибыл генерал-майор Георг-Карл фон Дёбельн, командующий шведскими береговыми войсками. Он начал переговоры сначала с Кноррингом и Сухтеленем, а затем – с Аракчеевым. Последний сперва не соглашался на перемирие, ссылаясь на то, что цель императора Александра I состоит в подписании мира в Стокгольме, а не в покорении Аландского архипелага. Аракчеев приказал даже ускорить наступление русских войск.

К вечеру 5 марта все силы шведов были уже на западном берегу острова Эккер, а в ночь на 6 марта они начали отступление через Аландегаф. Русским достались брошенные батареи с боеприпасами, лазарет и транспорты. Конница авангарда Кульнева, не сходявшая со льда в течение пяти суток, у Сигнальшера настигла арьергард отступавших шведов. Казаки Исаева окружили одну колонну, свернувшуюся в каре, врезались в нее, отбили два орудия и взяли в плен 144 человека, нагнали второе каре, взяли еще две пушки. Гродненские гусары окружили отделившийся батальон Зюдерманландского полка (14 офицеров и 442 нижних чина с командиром во главе) и после недолгой перестрелки вынудили его сдаться. Общее число пленных, взятых Кульневым, превысило силы его отряда, а все пространство снежной пелены Аландегафа было усеяно брошенными повозками, зарядными ящиками, оружием и др.

Тем временем Дёбельну были пересланы Аракчеевым те мирные условия, на которых могли бы быть русскими прекращены военные действия. Условия включали в себя:

1. Швеция навечно уступает Финляндию России в границах до реки Калике, а также Аландские острова, морская граница между Швецией и Россией будет проходить по Ботническому заливу.

2. Швеция откажется от союза с Англией и вступит в союз с Россией.

Россия выделит Швеции сильный корпус для противодействия английскому десанту, если это будет необходимо.

3. Если Швеция принимает эти условия, то высылает уполномоченных на Аланды для заключения мира.

Аракчеев допустил непростительную ошибку, приостановив вторжение русских войск в Швецию. Через Аландегаф был послан только Кульнев с одной конницей (Уральская сотня, по две сотни полков Исаева и Лащилина и три эскадрона гродненских гусар).

Ночь с 5 на 6 марта Кульнев провел в Сигнальшере. Выступив в 3 часа утра, Кульнев в 11 часов утра вышел на шведский берег, где сторожевые посты, пораженные появлением русских, были атакованы казаками, а затем выбиты из-за камней спешенными уральцами. Кульнев так искусно разбросал свой отряд, что он показался шведам в несколько раз сильнее, чем был в действительности. Кроме того, Кульнев через переговорщика уверил шведов, что основные силы идут на Нортельге.

Появление даже одного отряда Кульнева на шведском берегу вызвало переполох в Стокгольме. Но переданное через Дёбельна обращение герцога Зюдерманландского прислать уполномоченного для ведения переговоров побудило Кнорринга и Аракчеева, чтобы доказать искренность наших стремлений к миру, пойти навстречу желанию нового правителя Швеции и приказать нашим войскам вернуться в Финляндию. Этот приказ касался и других колонн (Баркляя и Шувалова), уже достигших к этому времени больших успехов.

На самом деле Дёбельн умышленно ввел в заблуждение наших генералов, нарочно прислал уполномоченного, с тем чтобы ни один русский отряд не вступал на шведскую землю. Этим он избавил Стокгольм от грозившей ему опасности.

Зато в начале апреля 1809 г., когда все русские войска покинули шведскую территорию, а таяние льда сделало невозможным пешие переходы русских войск через шхеры у Або и Васы, шведское правительство начало выдвигать неприемлемые для России условия мира. В связи с этим Александр I приказал корпусу Шувалова, отошедшему по условиям перемирия в Северную Финляндию, вновь вступить на территорию Швеции.

18 апреля 1809 г. пятитысячный корпус Шувалова тремя колоннами выступил из Торнео. 26 апреля Шувалов форсированным маршем подошел к Питео и, узнав о присутствии шведов в Шеллефтео, пошел туда. Не доходя 10 верст, 2 мая он отделил под началом генерал-майора И. И. Алексеева четыре полка пехоты (Ревельский, Севский, Могилевский и 3-й егерский) с артиллерией и небольшим числом казаков по едва державшемуся у берегов льду прямо в тыл неприятелю, на деревню Итервик. Остальные четыре полка (Низовский, Азовский, Калужский и 20-й егерский) Шувалов повел по береговой дороге.

Наступление Шувалова застало неприятеля врасплох. Отряд Фурумака у Шеллефтео, не успев сломать мосты на реке, спешно отступил к Итервику, теснимый к морю всей колонной Шувалова. А с противоположной стороны шведы были встречены вышедшей на берег колонной Алексеева.

Два дня спустя, 5 мая, залив уже освободился ото льда. Фурумаку, зажтому в клещи, пришлось сдаться. Русские взяли 691 человека пленными, 22 орудия и четыре знамени.

В это время командующим войсками в Северной Швеции был назначен генерал-майор фон Дёбельн. Ему приказано было, избегая боя, вывезти оставшееся продовольствие из Вестерботнии. Прибыв в Умео, Дёбельн прибег для задержания русских к прежней уловке, уже раз успешно им примененной. Он обратился к графу Шувалову с предложением переговорить о перемирии. Шувалов, отправил письмо Дёбельна главнокомандующему Барклаю де Толли и приостановил наступление.

Пока шли переговоры, в Умео спешно шла погрузка транспортных судов и вывод их в море через прорубленные во льду каналы. Наконец, когда 14 мая Шувалов, не дождавшись ответа главнокомандующего, заключил со шведами предварительную конвенцию о передаче русским 17 мая Умео, семь кораблей вышли из Умео, вывозя все запасы и имущество шведов. Дёбельн отошел за реку Эре.

Барклай де Толли отверг перемирие и предписал Шувалову «угрожать противнику деятельнейшею войною в самой Швеции». Но этот приказ опоздал. Ошибка, допущенная Шува-

ловым, отразилась, вследствие плохого состояния наших морских сил, существенным образом на ходе всей кампании.

Оставив командование корпусом, Шувалов сдал его старшему после себя генерал-майору Алексееву. Последний занял Умео, а затем продвинул передовые части к южным границам Вестерботнии, заняв отдельными отрядами ряд пунктов на побережье Ботнического залива.

Продовольственный вопрос сразу же дал почувствовать себя довольно остро. Край был уже истощен, все продовольственные магазины вывезены Дебельном, и, несмотря на крупные затраты, доставка продовольствия через Торнео к портам Ботнического залива шла с большими задержками. Однако до середины июня 1809 г. Алексеев занимал Вестерботнию, не испытывая существенных неудобств. Между тем стремление поднять престиж вновь провозглашенного короля Карла XIII вызвало у шведов желание, пользуясь своим превосходством на море, организовать нападение на забравшийся в глубь страны корпус генерала Алексеева.

В конце июня в Ботническом заливе уже показалась шведская эскадра из трех судов. Русский же флот боялся англичан и отставался в Кронштадте, поэтому шведы безраздельно господствовали на море. Начавшееся половодье заставило Алексеева сблизить отдельные группы корпуса и оттянуть ближе к Умео расположенный на реке Эре авангард.

Между тем шведы опять сменили командование своей северной группировкой – Дебельна заменил Сандельс. Сандельс решил атаковать русских на суше при поддержке четырех парусных фрегатов и гребной флотилии. В ночь на 19 июня авангард Сандельса перешел по плавучему мосту реку Эре у Хокнэса, а на следующий день перешли на северный берег и главные силы. Внезапность нападения не удалась, так как одна шведка предупредила русских.

Алексеев решил контратаковать шведов. Для этого была собрана группа из пяти пехотных полков и двух сотен конницы при четырех пушках под командованием генерал-майора Казачковского.

Войска Сандельса остановились у реки Герне близ местечка Гернефорс, выслав вперед небольшой сторожевой отряд майора Эрнрота. Вечером 21 июня передовые части шведов были разбиты у Седермьеле, а на следующее утро вновь завязался бой на фронте, но русские войска были отбиты. Видя, что русские сами перешли в наступление и что задуманное нападение не может иметь успеха, Сандельс решил отступить за реку Эре, тем более что местность у Гернефорса была неудобна для принятия боя. Однако шведы продолжали стоять у Гернефорса 23, 24 и 25 июня, выслав лишь три сторожевые заставы.

Вечером 25 июня Казачковский двинулся вперед, разделив свой отряд на две колонны. Сам он с Севским, Калужским и 24-м егерским полками, имея в резерве Низовский полк, пошел по большой дороге, а полковника Карпенкова с 26-м егерским полком направил в обход левого фланга противника, через лес, по труднопроходимой тропинке.

Нападение оказалось для шведов полной неожиданностью. Сбив заставы, русские начали теснить противника, пришедшего в беспорядок. Попытка Сандельса закрепиться за мостом не удалась, и он начал отводить войска назад, а для прикрытия отступления назначил батальон известного партизана Дункера. Последний мужественно отставал каждую пядь земли, но когда Сандельс послал Дункеру приказание отступить как можно скорее, он уже был отрезан колонной Карпенкова. На предложение сдаться Дункер ответил залпом. Тяжелораненый, он умер через несколько часов.

В бою под Гернефорсом шведы потеряли пленными 5 офицеров, 125 нижних чинов и часть обоза.

Забавно, что после успеха у Гернефорса Александр I отстранил И. И. Алексева от командования корпусом и назначил туда графа Н. М. Каменского. Почти одновременно

на должность главнокомандующего русской армией в Финляндии вместо Кнорринга был назначен Барклай деТолли.

Пользуясь абсолютным превосходством шведского флота в Ботническом заливе, шведское командование разработало план уничтожения северного корпуса Каменского. Корпус Сандельса был усилен войсками, снятыми с границы на севере Норвегии. А у Ратана, в двух переходах от Умео, должна была состояться высадка «берегового корпуса», который ранее прикрывал Стокгольм.

Каменский решил контратаковать шведов. Северный корпус вышел 4 августа из Умео тремя колоннами: первая – генерала Алексеева (шесть батальонов), вторая – самого Каменского (восемь батальонов) и третья – резерв Сабанеева (четыре батальона). Первой колонне приказано было перейти реку Эре на 15-й версте выше устья и затем надавливать на левый фланг шведов. Остальные силы должны были форсировать переправу на главном береговом тракте и теснить противника за кирку Олофсборг.

5 августа со ста транспортных судов у Ратана началась высадка 8-тысячного корпуса графа Вахтмейстера. Таким образом, русские оказались между двух огней: с фронта за рекой Эре был генерал Вреде с семью тысячами солдат, а с тыла – Вахтмейстер.

Между рекой Эре и Ратаном было пять-шесть переходов. Двигаться можно было только в узкой прибрежной полосе, исключавшей маневрирование. На море господствовали шведы, а путь русским войскам пересекали русла глубоких рек, допускавшие вход мелкосидящих судов. Каменский, не колеблясь, решил атаковать десантный корпус, как наиболее сильную и опасную для русских войск группу. 5 августа он приказал резерву Сабанеева (едва прошедшему Умео) идти назад на поддержку Фролова, головному эшелону левой колонны (под началом Эриксона) оставаться на реке Эре, продолжая форсировать переправы, и удерживать Сандельса в заблуждении, а ночью отойти к Умео, разрушая за собой мосты. Всем остальным войскам было приказано идти за Сабанеевым. Все эти передвижения заняли весь день 5 августа. Шведы успели высадить авангард (семь батальонов Лагербринка с батареей). Продвинувшись до Севара и отгеснив русские передовые части, Вахтмейстер стал здесь ожидать дальнейших приказаний Пуке. Остановка эта была губительной, тем более что местность у Севара совершенно не допускала оборонительного боя.

У Каменского день 6 августа был полон лихорадочной деятельности. Пока Сабанеев поддерживал Фролова, остальные войска спешили к Умео. На заре 7 августа к Тефте подошли войска Алексеева. Остальные силы задержались в Умео, поджидая Эриксона, который весь день 6 августа успешно обманывал Вреде, а под покровом ночи ушел к Умео. На утро 7 августа граф Каменский атаковал с имеющимися силами Вахтмейстера у Севара. Кровавый бой, длившийся с 7 часов утра до 4 часов дня, завершился отходом десанта к Ратану.

Каменский, несмотря на полученное известие о приближении Вреде к Умео, что сокращало расстояние между обеими группами шведов до двух-трех переходов, решил добивать Вахтмейстера. Он со всеми силами стал преследовать отступающий шведский десант. Бой у Ратана завершился посадкой шведов на суда, чему Каменский не смог воспрепятствовать, так как у наших солдат боеприпасы были на исходе.

Поэтому Каменский решил 12 августа отходить к Питео, где пополнить припасы из транспорта, присланного морем из Улеборга. После трех дней отдыха, 21 августа, корпус двинулся в Умео.

Между тем шведы опять завели речь о перемирии. После непродолжительных переговоров недалеко от Шеллефтео было заключено перемирие, по которому русские задерживались в Питео, а шведы – в Умео, не считая авангардов. Шведский флот отводился от Кваркена и обязывался не действовать против Аланда и против финляндских берегов, а невооруженным судам не препятствовать плавать по всему Ботническому заливу. Необходимость перемирия Каменский мотивировал трудностью удовлетворения потребностей корпуса, а также

сосредоточением всех сил шведов в одну группу в Умео, что делало ее значительно сильнее корпуса русских.

В Петербурге сочли за лучшее не отвечать на предложения шведов. Вместе с тем Каменскому было приказано готовиться к наступлению. Свободой плавания в Ботническом заливе русские воспользовались для сосредоточения в Питео запасов. В Торнео продвинулся особый резерв для поддержки Каменского в случае надобности. Все эти меры имели целью вынудить шведов дать согласие на такие условия мира, которые были выгодны русским.

Русский главный уполномоченный в Фридрихсгаме граф Н. П. Румянцев требовал, чтобы Каменского заставили наступать. Он настаивал даже на высадке близ Стокгольма, лишь бы добиться необходимого воздействия на шведов.

В итоге 5(17) сентября 1809 г. в Фридрихсгаме был заключен мирный договор между Россией и Швецией. От России его подписали министр иностранных дел граф Н. П. Румянцев и посол России в Стокгольме Давид Алопеус; от Швеции – генерал от инфантерии барон Курт Стединк и полковник Андрас Шельдебронт.

Военные условия договора включали в себя уход русских войск с территории Швеции в Вестерботнии в Финляндию за реку Торнео в течение месяца со дня обмена ратификационными грамотами. Все военнопленные и заложники взаимно возвращались не позднее трех месяцев со дня вступления договора в силу.

Военно-политические условия заключались в недопущении входа в шведские порты британских военных и торговых судов. Запрещалась их заправка водой, продовольствием и топливом. Таким образом, Швеция фактически присоединялась к континентальной блокаде Наполеона. По условиям договора:

1. Швеция уступала России всю Финляндию (до реки Кеми) и часть Вестерботнии до реки Торнео и всю финляндскую Лапландию.

2. Граница России и Швеции должна проходить по рекам Торнео и Мунио и далее на север по линии Муниониски – Энонтеки – Кильписярви и до границы с Норвегией.

3. Острова на пограничных реках, находящиеся западнее фарватера, отходили к Швеции, восточнее фарватера – к России.

4. Аландские острова отходили к России. Граница в море проходила по середине Ботнического залива и Аландского моря.

Глава 5. Становление Великого княжества

1 февраля 1809 г. император Александр I объявил, что 29 марта в городе Порвоо будет созван Финляндский сейм. Собрание сословий было созвано для провозглашения императора Александра правителем Финляндии и принесения финляндскими сословиями присяги на верность ему. Туда из Петербурга заранее были привезены специальный престол с балдахином, ландмаршальский жезл и мундиры для герольдов.

Прибытие императорской свиты и трона указывало на то, что речь идет о российском государственном акте, в ходе которого осуществляется присоединение завоеванной страны к империи. При этом жители страны, собравшиеся на сейм, признают императора своим государем. Такой акт, согласно тогдашней государственно-правовой доктрине, являлся основным. Он мог быть скреплен двусторонней присягой и заверениями, даваемыми жителями. Акту этому можно было придать религиозное содержание посредством коронации. Однако никакой коронации в Порвоо не произошло.

16 (28) марта император проследовал из своей резиденции в собор. Тронный балдахин несли четыре русских генерала и шестнадцать офицеров. Александра I сопровождали русские (в зеленых мундирах) и финские (в бело-голубых мундирах) герольды, высшие чиновники и депутация финляндского дворянства, вышедшая навстречу в полном составе. Грохотали пушки и звенели колокола. Представители остальных сословий ожидали в соборе, женщины находились на хорах.

Император в сопровождении высших российских чиновников вступил на возвышение и остановился перед тронном, но не сел.

После богослужения шествие направилось в «государственный зал» – актовый зал гимназии. Пока шествие следовало вокруг собора, престол был доставлен в «государственный зал», а покров спинки трона заменили – вместо двуглавого орла появился финский лев.

Каждое сословие приветствовало императора, который затем выступил с речью на французском языке. После этого сейму были зачитаны четыре представления.

На следующий день настал черед принесения присяги. Сословия ожидали в церкви. Александр I в сопровождении российских герольдов и высших чиновников вошел в церковь и прошел под балдахином вдоль военного почетного караула. После музыкального вступления император выступил с речью на французском языке, которую генерал-губернатор переводил на шведский. Затем сословия по очереди выходили вперед и присягали «с поднятыми пальцами» на верность императору.

Так Финляндия попала в «тюрьму народов». Это образное выражение Ленина о царской России стало аксиомой как для советских историков, так и для... либералов-антисоветчиков. Была ли Россия действительно тюрьмой народов? Без ответа на этот вопрос очень сложно разобраться в последующих взаимоотношениях Финляндии и России.

Безусловно, правление Голштинской династии, которую безо всяких законных оснований называют Романовыми, было деспотией и произволом. К императорской власти в России, по крайней мере, до 1906 г., не подходит даже название самодержавие. Самодержавие в понимании европейцев – это образ правления, когда монарх по своему усмотрению вводит законы, а далее государство управляется по этим законам. В России цари устанавливали законы, но вот выполнять свои же указы упорно не желали. В течение XIX и в начале XX в. именно императоры и члены их семейств были главными нарушителями законов Российской империи. Недаром Лев Толстой в 1895 г. образно сравнивал методы управления государством Николая II с методами кокандского хана.

Любопытно, что русско-азиатскую деспотию советские историки представляют как диктатуру буржуазии над пролетариатом или дворянства над крестьянством. Это верно лишь

отчасти, в том смысле, что капиталист или помещик имел привилегию над простым человеком и мог в определенном объеме тоже творить над ним произвол. Но ни большой капитал, ни княжеский титул, ни даже принадлежность к «августейшей» семье не могли никого спасти от царского произвола – тюрьмы, монастыря или ссылки без суда и следствия, насильственного расторжения законно заключенного брака, дети могли быть насильно отобраны у родителей и т. д.

Таким образом, можно согласиться с Лениным, что Россия была тюрьмой народов – русского, татарского, башкирского, мордвы и многих малых народов, проживавших во внутренних губерниях империи.

Однако со времен Петра I русские монархи стали консервировать старые порядки на ряде территорий, присоединенных к империи. Это коснулось Эстляндии, Курляндии, Царства Польского, Крыма, среднеазиатских ханств и Великого княжества Финляндского.

Мало того, население этих территорий получило льготы, которые не могли и снизиться жителям внутренних губерний России. Речь идет о налогах, призыве на воинскую службу, приеме войск на постой, послаблении в таможенном контроле, что сейчас именуется «свободными экономическими зонами», и т. д.

В декабре 1811 г. Александр I издал рескрипт о присоединении в начале следующего года к Великому княжеству Финляндскому Выборгской и Кексгольмской губерний. После 1809 г. эти губернии в России называли Старой (русской) Финляндией, в противоположность Новой (шведской) Финляндии.

Это был в известной степени подарок Финляндии, наподобие того, как Хрущев через 140 лет подарит Крым Украине. Другой вопрос, что в обоих случаях это являлось изменением территориального деления областей внутри централизованного государства.

Главной целью присоединения Финляндии к России было обеспечение безопасности северной столицы империи. Еще в 1810 г. Александр I заявил, что Финляндия должна стать «крепкой подушкой Петербурга». Поэтому главной обязанностью генерал-губернатора, направленного в Финляндию в качестве представителя императора, было командование размещенными в Финляндии войсками, то есть он нес ответственность за этот оборонительный рубеж.

Для гражданского управления Финляндией был создан Комитет по финляндским делам. В 1826 г. была введена должность статс-секретаря. Министр статс-секретарь готовил все касающиеся Финляндии вопросы и представлял их царю.

Важную роль в управлении княжеством играл Императорский Правительствующий Совет, с 1816 г. – Императорский Сенат, который был учрежден на основе принципов, разработанных комитетом во главе с Тенгстромом на сейме в Порвоо, а первые его члены избраны по предложениям сословий. Некоторыми своими чертами этот Сенат напоминал старый стокгольмский Государственный совет, своего рода высшую палату, на что указывало и наименование «Сенат». Кроме того, этот административный орган должен был рассматривать как хозяйственные, так и юридические вопросы. То, что первые члены Совета были назначены по представлению сословий, что срок их полномочий составлял три года, что половина членов Совета представляла дворянство, а другая половина – остальные сословия, придавали Сенату черты представительского органа – высшей палаты.

Сенат состоял из Правового департамента, который выступал в роли верховного суда, и Хозяйственного департамента, в который входило пять экспедиций: военная, гражданская, финансовая, камеральная и церковная. В состав Сената также входил и прокурор, в обязанность которого входил надзор за соблюдением законов Сенатом и другими чиновниками.

Формально председателем Сената являлся генерал-губернатор, но на практике он никогда не председательствовал главным образом потому, что до 1900 г. рабочим языком в Сенате был шведский, затем – финский и лишь с 1913 г. – русский.

У каждого департамента был свой вице-председатель. В дальнейшем вице-председатель Хозяйственного департамента стал восприниматься и действовать как премьер-министр.

Во всех учреждениях Великого княжества Финляндского вся документация велась, как и раньше, на шведском языке. Финский же язык был довольно архаичен, да и не было единого языка, а существовало несколько диалектов, среди которых главными являлись диалекты саво-карельский и «низжший диалект» (язык Западной Финляндии). Забегая вперед, скажу, что усилиями ряда лингвистов через несколько десятилетий западнофинский язык стал основой современного финского языка.

Став русской, Финляндия поменяла столицу. При шведах административным центром края был город Або (Турку). Это удобный и самый теплый в Финляндии порт, открытый для навигации в течение 8 месяцев. А самое главное, он был очень близок к метрополии. Последний фактор после 1809 г. из достоинства превратился в недостаток.

Поначалу возникла идея перенести столицу Великого княжества Финляндского в Хяменминна – город, расположенный подальше от моря. Однако из-за ряда технических трудностей первые десять лет существования Великого княжества Финляндского столицей по-прежнему оставался Або.

Тем временем появилась мысль перенести столицу в Гельсингфорс (Хельсинки). У этого города было три серьезных преимущества: во-первых, он достаточно далеко отстоял от устья Финского залива; во-вторых, с моря его прикрывала мощная крепость Свеаборг; а в-третьих, в ходе боевых действий в 1808 г. город полностью выгорел, и его в любом случае надо была планировать и строить заново.

Решение о превращении Гельсингфорса в столицу Финляндии Александр I объявил 27 марта (12 апреля) 1812 г. По этому поводу финский историк Матти Кдинге писал:

«В 1812 г. работы были начаты, и вскоре Хельсинки превратился в гигантскую строительную площадку. На десятилетия привычными элементами городского пейзажа стали строительные леса. Город был переполнен рабочими: каменщиками, кровельщиками, малярами. К. Л. Энгель писал в одном из писем своему другу в Германию, что самым типичным звуком для Хельсинки был шум взрывов. Город приходилось строить на скалах прибрежных шхер. Для прокладки широких улиц, которые должны были подчеркивать статус города, для выравнивания и мощения больших площадей, необходимых для парадов императорских войск, было недостаточно осушения небольших болот и сноса городской церкви и других зданий. Нужно было прежде всего взорвать скалы. Постепенно вырисовывались контуры грандиозного замысла.

В рескрипте, касающемся Хельсинки, имелся аргумент, который мог бы вызвать легкую улыбку будущего читателя. Турку был удален от столицы империи, в случае возникновения войны он находился бы в зоне вероятных боевых действий. Но кроме этого обстоятельства император принял во внимание и то, что „расположенные ныне в Турку многочисленные учреждения не только вследствие дороговизны, но и из-за несовместимости с тем покоем, который необходим занимающимся науками, несомненно, губительны для расположенной там Академии, а посему цель, которую мы преследовали, расширяя это учебное заведение для нужд развития населения Финляндии и для всеобщего просвещения, неминуемо оставалась бы недостижимой. Посему мы нашли полезным и необходимым для благополучия Финляндии и ее жителей...“ переместить административные и правительственные органы из Турку в Хельсинки.

Будущее должно было ясно показать, что „развитие населения Финляндии и всеобщее просвещение“ подразумевало тесное взаимодействие государственных органов и Университета, так как этот процесс в значительной степени зависел от чиновников, что в свою очередь

приводило к тому, что подготовку чиновников следовало превратить во всех отношениях в главную задачу Университета...

Как уже говорилось, император еще в июне 1808 г. издал специальный рескрипт, касавшийся важных задач, стоявших перед Университетом. Это решение и позиция императора были непосредственно определены тем авторитетом, который сразу удалось завоевать архиепископу, вице-канцлеру Якобу Тенгстрёму. Университет и духовенство должны были выступить гарантом спокойствия народа до и непосредственно после завершения войны, равно как и в более отдаленной перспективе. Вместе с тем Университету отводилась главная роль в деле подготовки чиновников, которую необходимо было значительно расширить как из-за потребностей новых учреждений, так и по более общей причине – ради того „просвещенного“ пути развития, о котором помышлял император. Руководство Университета быстро оценило связанные с этим возможности, и вскоре ректор Гартман отправился в составе финляндской делегации в Петербург, где выразил почтение императору, назвав его „Князем человечества“. Гартман также занялся планами расширения Университета и размышлениями о том, кого из вельмож империи можно было бы пригласить в качестве канцлера.

Разрешение вопроса о канцлере продемонстрировало то, какую роль, сточки зрения будущего Финляндии, отводил Университету император, – канцлером стал Сперанский. В феврале 1811 г. Сперанский подписал новую, весьма щедрую смету расходов Университета, предусматривавшую шесть новых профессур, одиннадцать новых ставок адъюнкт-профессора, новые места для лингвистов и администраторов, более высокие оклады для преподавателей и более высокие стипендии для студентов, ассигнования на библиотеку, коллекции, закупку дров и освещение. В фонд реконструкции незамедлительно перечислялось 20 000 серебряных рублей, с обещанием дополнительных взносов. Потребовалось некоторое время на перечисление этих больших пожалований в Финляндию, но когда операция была осуществлена, Университет получил все основания считать Александра своим вторым основателем, а впоследствии – носить его имя. Сперанского стали считать самым значимым, после графа Брахе, канцлером за все время его существования Университета...

1817 г. стал переломным в истории финляндского чиновничества. Введение экзаменов для чиновников обуславливало отныне необходимость университетского образования. До этого чиновников готовили как в Университете, так и непосредственно, причем главным образом в учреждениях. При этом объем и содержание университетских программ не были четко определены. Вопросы, касавшиеся экзаменов для занятия должностей, определялись государственными узаконениями, в то время как ученые степени присуждались в соответствии с университетскими статутами». ³¹

В 1819 г. в Гельсингфорс переехал Сенат. В том же году Великое княжество Финляндское посетил Александр I. «Император прибыл из Архангельска через Петрозаводск в Валаамский монастырь на Ладожском озере, оттуда отправился через Сердоболь (Сортавала) в Куопио, куда прибыл 25 августа. Оттуда он отправился в Иинсалми и дальше – по шоссейному тракту в Оулу. Он остановился на ночлег в постоялом дворе в Ниссиля, откуда отправился в Вуолийоки, расположенном на берегу Оулуярви. Невзирая на штормовую погоду, император взшел на борт шлюпа, который был специально выпущен вместе с экипажем из Оулу, и довольно быстро добрался до Каяни. Однако из-за сильного встречного ветра нельзя было выйти в обратный путь, и тогда император решил совершить семимильное пешеходное путешествие по необитаемой местности – по тропинкам, через болота и холмы. В Ниссиля он повстречал крестьянина Тервонена, присутствовавшего при событиях в 1809 г. в Порвоо,

---

³¹ Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005. С. 53–55, 60.

и протянул ему руку, что в России императору не пришло бы и в голову, поскольку крестьяне всегда падали ниц перед самодержцем.

Итак, император вернулся в Ниссиля, а оттуда направился в Оулу, где основная часть свиты уже ожидала его в беспокойстве. Пребывание в Улеборге обернулось настоящей идиллией с народными увеселениями, красивыми девушками-горожанками с зонтиками от солнца в руках, некоторые из которых говорили по-немецки или по-французски. „Так Александр очаровал сердца всех. Те из местных жителей, кто до этого еще не молился за семью российского императора, увидев Александра, благословили весь его род“, – рассказывает Сара Ваклин в своей книге „Сотня воспоминаний из Эстерботнии“. Александр проехал до границы со Швецией, в Торнио соблаговолит посмотреть на семерых лапландцев, которые „с двумя живыми оленями“ приехали, чтобы представить ему „его подданных, живущих на Крайнем Севере“. Все говорит о том, что Александр оценил прямоту естественности народа, без подобострастия и притворства представшего перед ним...

В Турку император имел возможность увидеть новое здание Университета, обсерваторию и транспарант с римскими героями, увенчанными диадемами. Он отметил хорошие манеры студентов, а на балу, устроенном в его честь, присвоил генералу Аминоффу титул графа. Из Турку император направился в Тампере и Хамеенлинну, где проинспектировал финские части в Парола. Двумя днями позже этим двум батальонам были вручены знамена, украшенные финляндским львом. Затем император проследовал в Хельсинки, где полным ходом шли работы по строительству новых зданий, казарм и, прежде всего, здания Сената – причем уже видны были серьезные результаты. Последним этапом поездки был Выборг»³².

В 1823–1824 гг. в Финляндии была усилена цензура иностранной прессы и ограничен выезд за рубеж. Однако эти меры русского правительства не были направлены непосредственно против финнов. Как это признал М. Клинге: «Правительства государств Европы решили жестко противодействовать любым революционным выступлениям».³³

В 20-х гг. XIX в. русские власти проводят ряд мер для подъема экономики княжества. Начиная с 1823 г. предоставляются дешевые займы: для основания новых промышленных предприятий, для распашки новых земель, проведения мелиорации, осушения болот и озер. В 1823 г. был основан первый сберегательный банк в Турку. Торнио получил «полные степельные права» (то есть льготы в судостроении), и был введен новый протекционистский таможенный тариф.

И тут уже появляется финский сепаратизм, пока в виде мелких пакостей. Весной 1825 г. генерал-губернатор А. А. Закревский предложил унифицировать меры длины и на дорогах шведскую версту (1069 м) заменить русской (1067 м). Делалось это в интересах военных, а кроме того, в Выборгской губернии еще до присоединения Финляндии стояли верстовые столбы и дорожные указатели в русских верстах. Да и разница – всего м— была незначительная. Однако финский Сенат из принципа отказался переходить на русскую версту.

После смерти императора Александра I случился любопытный казус. Все финские учреждения, включая Сенат, немедленно присягнули законному наследнику престола Константину Павловичу.

Однако на престол вступил его младший брат Николай, а 14 декабря в Петербурге произошло восстание декабристов. Посему осторожные финны малость повременили и присягнули Николаю лишь 30 декабря 1825 г.

В знак особого расположения новый монарх назначил наследника престола, семилетнего сына Александра своим преемником на посту канцлера финляндского Университета. Это стало традицией, повторившейся в 1855 и 1881 гг. Во время вступления на престол Нико-

---

³² Там же. С. 65–67.

³³ Там же. С. 67.

лая II в 1894 г. у него еще не было наследника, из-за чего вопрос временно оставался открытым.

4 сентября 1827 г. в Або, большая часть которого была тесно застроена деревянными домами, случился сильный пожар. Большая часть города выгорела. По сему случаю было решено университет перенести в Гельсингфорс.

Матти Клинге писал:

«В июне 1832 г. было освящено новое главное здание Университета в Хельсинки. Ни у одного университета – в Швеции, Дании, даже в Петербурге и Москве – не было такого большого и красивого здания. Кроме того, в последующие годы были построены большая обсерватория, клиники и грандиозное здание библиотеки, отличавшееся своими строгими линиями...

Когда в 1840 г. Университет торжественно отмечал свое двухсотлетие, новая Финляндия получила возможность отпраздновать завершение того процесса, начало которому было положено в 1809 г.

Центральные учреждения и Университет нашли свое место в „новой Александрии“, часть торжеств можно было уже проводить в великолепном Николаевском соборе. Сенатская площадь – воплощение новой идеи Великого княжества Финляндского в греческо-петербургском стиле – излучала элегантность, соответствующую только что обретенному национальному образу. Науки – физика, филология и другие – были объединены под эгидой Финского научного общества, основанного двумя годами ранее под патронажем канцлера Университета, престолонаследника великого князя Александра. Теперь можно было с сочувственной симпатией вспоминать то маленькое и бедное учебное заведение, каким был Университет в шведские времена. В то же время эту шведскую традицию, прежде всего ее глубокие корни, можно было использовать для влияния на многочисленных представителей российской научной и литературной элиты, приехавших в Хельсинки.

С 1820-х гг. многих русских привлекало пребывание у моря в Хельсинки теплым летом. В интересах такого рода туризма были разбиты парк Кайвопуйсто и другие парки, построено здание Кайвохуне, театр на Эспланаде. Поездки на немецкие курорты российским подданным, как правило, не разрешались, и это принесло Хельсинки и вообще Финляндии немалый доход. На культурную жизнь Финляндии туризм оказал заметное влияние: сюда приезжали коллективы, исполняющие концертную музыку, группы художников, а позднее – большое количество фотографов и других усердно путешествовавших „специалистов“.

Университетский праздник привнес в культурную и научную жизнь кое-что из той оживленной театральной, бальной и светской жизни, которая зародилась в Хельсинки в 1820–1830-х гг. Городское офицерство и высшее чиновничество со своими семьями представляли город в роли форпоста светского мира Санкт-Петербурга. Хельсинки мог даже предложить свету своих знаменитостей, например прославившуюся своей красотой целеустремленную графиню Закревскую, урожденную Толстую, или молодых красавиц Шернвалль, падчериц прокурора барона Валена – все они вышли замуж за представителей русского или зарубежного высшего света. Самая знаменитая из них – Аврора, ставшая позднее женой полковника Карамзина и имевшая самые близкие связи с императорским двором.

Музыка также стала связующим звеном между Университетом и светским обществом Хельсинки, а позднее она превратилась в элемент, связующий нацию. Архитектору Энгелю по уровню влияния и таланта соответствовал в сфере музыкального искусства выходец из Гамбурга Фридрих Пациус. Он прожил некоторое время в Стокгольме и был избран на должность преподавателя музыки в Хельсинки в 1834 г. Столь же энергично, как и его соотечественник, он формировал музыкальную жизнь Финляндии во всех ее формах и связывал ее с лучшими традициями немецкой музыки того времени.

Русские литераторы, прибывшие на празднования в 1840 г., принадлежали к кругу Пушкина и имели тесные связи с императорским двором, выступая, в частности, в роли наставников наследника престола. Их интерес к Финляндии стимулировали местные коллеги, не в последнюю очередь Рунеберг, который, чтобы создать себе имя в России, опубликовал поэтический эпос на русскую тему под названием „Надежда“, а также Лённрот, написавший краткую историю России на финском языке». ³⁴

Экономическая ситуация в Финляндии радикально изменилась с отделением страны от Швеции.

В 1809 г. рубль был сразу же объявлен официальной денежной единицей Финляндии, однако вплоть до 1840 г. наряду с ним риксталлер оставался законным платежным средством. В 1860 г. страна в конце концов получила собственную денежную единицу – марку, а в 1865 г. ее курс стал независимым от рубля. Относительно рано, еще в 1811 г., в Финляндии был создан прообраз Центрального банка.

Во времена шведского владения в Финляндии практически не было собственной промышленности, и эта часть Швеции ориентировалась в основном на сельское хозяйство. Имелось несколько табачных, сахарных, парусиновых заводов и цехов, но и им вскоре пришлось свернуть свою деятельность, так как после присоединения Финляндии к России торговцы стали привозить более дешевые товары из России.

Железодельные заводы продолжали свою деятельность и после образования Великого княжества Финляндского, поскольку располагались так, что могли использовать энергию воды, поблизости в изобилии имелась древесина для заготовки угля, а также достаточно и дешевой рабочей силы. Такие заводы располагались в основном на южном побережье Финляндии, куда руда привозилась из Швеции, а также в областях центральной и восточной Финляндии, где имелись залежи озерной и болотной руды. Больше всего руды привозилось из шахты в Утё, расположенной на одном из островов Стокгольмского архипелага.

Завоз руды был особо оговорен в тексте Фридрихсгамского мирного договора, и это условие продлевалось каждые два года вплоть до 50-х гг. XIX века. Шведы же получали возможность ввозить готовые изделия из железа на территорию Великого княжества Финляндского почти беспошлинно.

Начиная с 1840 г. предпринимались попытки прекратить использование шведской руды в финляндской железодельной промышленности и завоз шведских готовых железных изделий в Финляндию. Этим занималась специальная комиссия под руководством сенатора Л. Г. фон Гартмана. Подобная политика вызвала необходимость более крупных вложений в разработку собственных железорудных шахт. Это оказалось не слишком действенным, однако инвестиции все же привели к тому, что улучшилось техническое оснащение предприятий и повысилось качество выработки. В 1840–1860 гг. производство чугуна в Финляндии выросло на 120 %, прутковой стали – на 180 %. Около трех четвертей всего железа, производимого в Финляндии, вывозилось в Россию.

Разработка озерных и болотных залежей руды в Восточной Финляндии оставалась рентабельной до 1880-х гг., пока не изменилась российская таможенная политика. Однако к этому времени и другие условия для местного железного производства значительно ухудшились, поэтому металлообрабатывающая промышленность, особенно начиная с 1850-х гг., стала больше ориентироваться на финские рынки машиностроительной и литейной промышленности, но основываясь на привозном сырье.

Все железодельные заводы и лесопилки Великого княжества Финляндского находились вне городов, чаще всего у речных порогов в лесах, как во внутренней части страны, так и на побережье.

---

³⁴ Там же. С. 94, 101.

В 1853 г. Англия и Франция развязали войну против России. Весной 1854 г. англо-французский флот появился в Балтийском море. Английская эскадра адмирала Немира состояла из 10 винтовых и 7 парусных кораблей, 15 винтовых фрегатов и корветов, 17 малых судов (всего 2344 орудия). Французская эскадра адмирала Парсевалья-Дешена состояла из 31 судна, из которых 12 были паровыми. (Всего 1308 орудий.) В июле на Балтику пришла еще одна французская эскадра с десантным отрядом в 6 тысяч человек.

Русский флот был в основном парусным и не мог эффективно противостоять союзникам в открытом море. Начать крейсерскую войну на коммуникациях союзников или использовать штурмовые силы – брандеры, малые пароходы с шестовыми минами и т. д. – у русских адмиралов не хватило ни ума, ни смелости, поэтому Балтийский флот в ходе кампаний 1854-го и 1855 гг. отстаивался в базах.

«Командующий Балтийским флотом Англии адмирал Непир уже в марте 1854 г. получил приказ захватывать „корабли, которые принадлежат императору России, или его подданным, или другим лицам, проживающим в его странах, или на территории, находящейся под его управлением“. Речь шла почти исключительно о финских кораблях, главным образом о тех, порт приписки которых находился в каком-нибудь приморском городе, например в Похьянмаа. Но экономические факторы, однако, имели такой вес, что кораблям неприятеля, то есть на практике – финским, несмотря на войну, было разрешено производить выгрузку древесины и дегтя в Великобритании вплоть до 15 мая: эти товары, в соответствии с правилами того времени, чаще всего были уже собственностью покупателя. Но постепенно все корабли, шедшие под русским бело-сине-красным торговым флагом, стали подвергаться досмотру и захватываться. Финский торговый флот был потерян в Крымской войне почти полностью, что, конечно, сразу же поспособствовало возникновению антианглийских настроений в Финляндии».³⁵

В конце мая 1854 г. отряд союзных кораблей вошел в Ботнический залив. Корабли обстреляли порт Брагештадт (современное название Раахе), где была сожжена судоверфь, и порт Улеоборг (Оулу), где сожгли смолокурню и отдельные дома. Было захвачено несколько десятков малых финских судов, принадлежавших частным лицам.

26 мая (7 июня) союзная эскадра под командованием британского адмирала Плюмриджа появилась перед Гамле-Карлебю (Коккола). Противник на девяти барказах, каждый вооруженный пушкой, попытался высадить десант. Город защищали две роты финских стрелков при двух полевых пушках и около сотни вооруженных местных жителей.

Бой длился с 9 часов вечера до полуночи. Один барказ союзников затонул, другой с 22 матросами сдался. Англичане потеряли около 50 человек, финны – 4 человека. Через месяц большой английский барказ местные жители установили в центре города в качестве памятника. «Позднее портреты коммерции советника А. Дон пера и крестьянина Маттса Густавсона Канкконена, руководивших во время сражения местными жителями, были вывешены в императорском дворце в Хельсинки, а в период независимости эти портреты украшали зал, в котором послы иностранных государств вручали президенту верительные грамоты».³⁶

После неудачи у Гамле-Карлебю адмирал Плюмридж с двумя фрегатами двинулся на самый север Ботнического залива, где обстрелял город и порт Кеми.

М. Клинге пишет: «События, произошедшие в Ханко, Витсанде, Раахе и Кок-кола, решительным образом повлияли на формирование общественного мнения в Финляндии. Первым эту тему затронул Топелиус в своем стихотворении „Первая капля крови“».

Там говорилось:

---

³⁵ Там же. С. 192.

³⁶ Там же. С. 195–196.

Мы верили в добро и праведность Британии,
Наварин, Трафальгар известны были нам.
Блистательный Шекспир или дворец хрустальный
Всегда были милы отзывчивым сердцам!

Но гордые сыны седого Альбиона
Набросились на нас – собратьев во Христе.
Европы хлебный край – в пожарах, воплях, столах!
Как понимать такое служение мечте?

Когда ваш грозный флот, непревзойденный в мире,
Геройски стал топить торговые суда:
Беспомощных людей расстреливать, как в тире —
Уж так ли благородно и славно, господа?

И вот, когда ворвались вы с целью грабежа,
Чтоб уничтожить гавани, чтоб обескровить нас,
И вот на этих мирных торговых рубежах
Капля крови первая снова пролилась!

<...>

Если вы, люди юга, приведете свой флот
Снова в гавани наши, вам придется познать,
Как за родину финское сердце умрет —
Как бесстрашно мы будем ее защищать.³⁷

Естественно, что в правление Маннергейма эти стихи были запрещены.

Единственным сколько-нибудь существенным успехом союзников стало взятие недо-
строенной русской крепости Бормарзунд в Аландском архипелаге. Гарнизон крепости
состоял из 42 офицеров и 1942 нижних чинов, среди которых был и финский батальон.
Союзная пресса преподнесла взятие Бормарзунда как важную победу. На самом деле этот
частный успех не дал союзникам почти никаких преимуществ.

Воодушевленный взятием Бормарзунда, английский адмирал Непир попытался захва-
тить город Або. Однако там был сосредоточен 10-тысячный русский корпус, вход в порт
перекрывали боновые заграждения, которые защищали 10 канонерских лодок и два паро-
хода. В 4 часа дня 10 августа 1854 г. пять английских пароходов открыли огонь с 2000 саже-
ней (4,3 км, то есть с предельной для того времени дистанции) по канонерским лодкам. Кано-
нерки открыли ответный огонь, поддержанный береговой артиллерией с острова Рунсола.
После нескольких часов безрезультатной перестрелки союзники ушли.

На том и закончилась кампания 1854 г. Союзники побоялись оставить гарнизон в рай-
оне Бормарзунда, и развалины крепости были вновь заняты русскими.

В кампанию 1855 г. на Балтике союзникам также не удалось добиться сколько-нибудь
серьезных результатов. Их попытки захватить ключевые точки финского побережья Гангут
и Порккала-Удд потерпели неудачу. Атаку Кронштадта союзники даже не планировали, а
два корабля, посланные на разведку, 9 июля 1855 г. подорвались на русских минах север-
нее острова Котлин. Оба корабля остались на плаву, но психологическое воздействие оказа-

---

³⁷ Там же. С. 196–197.

лось столь сильным, что более союзники к Котлину не совались. Всего у Кронштадта было выставлено 609 мин.

С 28 по 30 июня 1855 г. союзный флот бомбардировал крепость Свеаборг. В ночь с 27 на 28 июня французский десант занял скалистый безлюдный островок Абрамс-Гольм, где установили шесть дальнобойных 27-см мортир. Эти мортиры превосходили по дальности стрельбы русские орудия. Да и на многих британских и французских судах были сделаны приспособления для увеличения углов возвышения пушек, что позволяло увеличить дальность стрельбы. На некоторых финских либералов произвел большое впечатление факт, что русские орудия в большинстве случаев не доставал и до союзников, а снаряды противника разрывались в крепости.

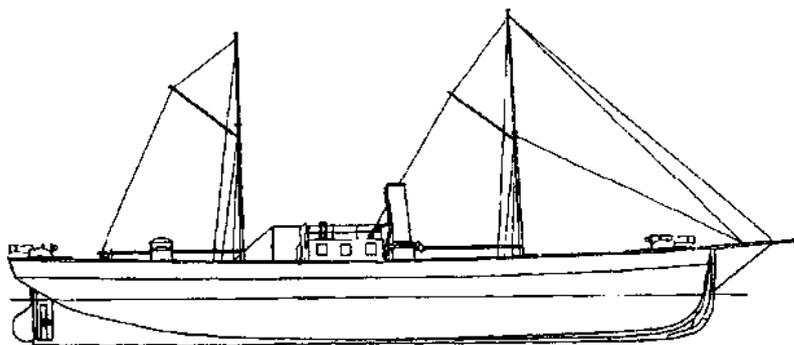
Но, тем не менее, попытка захватить или, по крайней мере, разрушить Свеаборг закончилась неудачей. К 30 июня почти все орудия союзников, стрелявшие под большим углом возвышения, вышли из строя – было несколько разрывов стволов, но чаще всего разрушались станки и проламывались деревянные палубы под орудиями.

Повреждения же крепости были незначительными. В ходе бомбардировки в Свеаборге были убиты 55 человек и ранены около двухсот, у союзников потери составили 33 человека убитыми и ранеными.

Всего союзники выпустили по Свеаборгу 20 тысяч снарядов общим весом 60 тысяч пудов (почти 5 тыс. тонн), израсходовав 12 тысяч пудов (200 т) пороха. Только стоимость боеприпасов составила свыше 5 млн. франков.

Забрав свои мортиры с островка Абрамс-Гольм, союзники 1 августа отплыли от Свеаборга. Дальше союзному флоту удалось пограбить несколько финских малых населенных пунктов на берегах Финского и Ботнического заливов. А в ноябре 1855 г. союзная эскадра ушла с Балтики.

Ко времени начала кампании 1856 г. для защиты финских шхер в состав Балтийского флота было введено около 70 паровых канонерских лодок, каждая из которых была вооружена одной 68-фунтовой пушкой³⁸ и одной 36-фунтовой пушкой.

Канонерская лодка типа «Щит». 1855 г. Такие канонерки специально строились для защиты финских шхер в 1854–1855 гг.

Однако прежде чем сошел лед в Ботническом и Финском заливах, 18 марта 1856 г. в Париже был подписан мирный договор. Одновременно Россия, Англия и Франция подписали конвенцию об Аландских островах, согласно которой Россия обязалась демилитаризовать эти острова, то есть не возводить там укреплений и не содержать военных частей.

В целом Крымская война 1853–1855 гг. подтвердила правоту императора Александра I – Финляндия действительно стала надежным щитом Петербурга. Следует заметить, что

³⁸ 68-фунтовые (203-мм) пушки – самые мощные русские пушки на 1853 г.

даже по мнению современных финских историков абсолютное большинство финнов поддерживали русских в этой войне. Тот же Матти Клинге писал: «В Финляндии обычно находилось двенадцать русских линейных батальонов. Во время Крымской войны к ним были добавлены гренадерский полк, казачий дивизион, гвардейская и отдельная артиллерийская части. Общая численность русских войск в Финляндии во время Крымской войны насчитывала 70 000 человек. По рассказам жителей Похъянмаа, русские пользовались особой популярностью у женщин и детей. Как заметил один современник, девушки „слишком много флиртовали с русскими офицерами“». ³⁹

Мало того, после смерти императора Николая I жители города Васа (Вааса) обратились к властям с ходатайством переименовать город в честь покойного императора – назвать его Николаиикаупунки. В апреле 1855 г. согласие было дано, и до осени 1917 г. город так и назывался. Правда, на русских картах он обозначался как Николайштадт.

---

³⁹ Клинге М. Имперская Финляндия. С. 199.

Глава 6. Финляндия в конце XIX – начале XX века

После Крымской войны в Финляндии продолжали преобладать монархические настроения. По инициативе местных властей были построены дорогие и красивые памятники Александру I, Николаю I, Александру II и Александру III.

Столица страны Хельсинки обустроивалась так, чтобы продемонстрировать теплые чувства горожан по отношению к монархии. Отцы города уже в 1833 г. воздвигли на Торговой площади памятный знак «Камень императрицы». Этот обелиск, увенчанный позолоченным шаром с двуглавым орлом, стал первым настоящим памятником не только города, но и всей страны, если не считать надмогильные монументы. Воздвигнутой был в память первого приезда императрицы Александры Федоровны (старшей) в Финляндию и посещения Хельсинки.

Одна из улиц Хельсинки называлась Марианкату в честь матери Александра I и Николая I вдовствующей императрицы Марии Федоровны (старшей).

В 1820-х гг. центральные улицы города получили названия в честь членов императорского дома: Александра, Марии, Николая (сейчас улица Снелльманкату) и Константина (Меритуллинкату).

И позднее Финляндия по-рыцарски и с несомненным успехом отдавала должное русским императрицам. Город Марианхамина был назван так в 1861 г в честь правящей императрицы Марии Александровны. Детский Марианский приют в Хельсинки был основан в 1880 г. в честь 25-летнего правления Александра II. Особо почитали в Финляндии императрицу Марию Федоровну (датскую принцессу Дагмару). Ее имя носила большая муниципальная больница в Хельсинки, основанная в 1891 г.

«Монархические чувства, – пишет М. Клинге, – возвращались и в таком важном деле, каковым являлось – официальное и неофициальное – воспитание детей. В отличие от многих других стран в Финляндии не существовало никакого противостояния между школой и церковью. Именно народная школа всеми средствами поддерживала церковь и Императора».⁴⁰

Следует отметить и тот факт, что, по крайней мере до революции 1917 г. имена Николай, Александри, или Александр (то есть в честь императоров), стали наиболее распространенными вторыми именами мальчиков, особенно в крестьянских семьях, проживавших в районах с сильным старофинским влиянием.

В свою очередь русские императоры возвели в графское достоинство несколько десятков представителей финских и шведских дворянских семей.

Для финского дворянства и даже для разночинцев были созданы благоприятные возможности для занятия высших военных и гражданских должностей в империи. «Число находившихся на императорской военно-морской службе финнов, прежде всего – офицеров, в общей сложности составляло 340 человек. Из них 9 были адмиралами, 21 – вице-адмиралами и 46 – контр-адмиралами. Как и во всяких других профессиональных и корпоративных сообществах, многие семейные династии культивировали постоянный интерес к вооруженным силам: в результате чего в Императорских военно-морских силах служило семеро Старков, шесть Гаддов и Нордманов, пять Энквистов, Хеков, Лундов, Сильверсванов, фон Шульцев, Топелиусов, Вильгельмсов и Виренов, четыре Бойсмана, Хястеско, Яниша, Тавастшерны, Вирениуса и т. д.

Финский Кадетский корпус и Финская Гвардия на протяжении всего имперского периода были важным идейным связующим звеном между Финляндией и финским общественным мнением, с одной стороны, и Российской империей и императорской армией – с другой.

---

⁴⁰ Клинге М. На чужбине и дома. СПб.: Коло, 2005. С. 245.

Созданная в 1878 г. на принципе всеобщей воинской повинности отдельная армия Финляндии, со своим финским командованием и штабами, поддерживая необходимые контакты, также выполняла эту функцию. В связи с возникшими разногласиями по вопросу о воинской повинности, финские стрелковые батальоны, а затем (в 1901 г.) и драгунский полк были распущены, в 1903 г. последовала очередь кадетской школы и Гвардии (21 октября 1905 г.).⁴¹

Царское правительство вместе с финскими властями уделяло большое внимание развитию транспортной структуры Великого княжества. Так, в 1856 г. был открыт для судоходства Сайменский канал. В 1860-е гг. через этот канал стало проходить свыше 3 тысяч судов в год.

В 1862 г. была введена в строй первая финская железная дорога Хельсинки – Риихимяки – Хямеенлинна. «Она соединила с побережьем большую озерную систему Ванаявеси, которая не была связана с морем (река Кокемяки не была судоходной), и когда дорога из Риихимяки достигла Лахти, стало возможным объединение бассейна Пяийянне с южным берегом.

Железнодорожная сеть расширялась таким образом, что три очень длинные ветки, ведущие на север страны, были объединены с основной дорогой, пролегающей из Хельсинки через Риихимяки в Петербург, с дорогой Похьянмаа (Риихимяки – Тампере – Сейняйоки – Оулу и т. д.), с дорогой Саво (Коувала – Миккели – Риексямяки – Куопио – Иисалми – Каяани и т. д.) и с дорогой Карелии (Элисенваара – Сортавала – Йоенсуу и т. д.). Между этими тремя дорогами – в центре и севернее – позже были построены соединяющие железнодорожные линии. В эту систему спустя некоторое время стали входить пути Турку – Тойяала и Пори – Тампере, а еще позже прибрежная железная дорога Хельсинки – Турку. Систему можно охарактеризовать как двухполюсную, центрами которой были Хельсинки и Петербург».⁴²

Замечу, что дороги строили с принятой в империи широкой колеей, а не узкой, как в Западной Европе. В 1870 г. сеть железных дорог была соединена с Петербургом. Поезда из Выборга прибывали на Финляндский вокзал. Любопытно, что соединение финской железной дороги с другими дорогами империи произошло лишь в 1910 г., когда был введен железнодорожный мост через Неву, построенный, кстати, на деньги из бюджета Великого княжества.

Благодаря железной дороге, соединившей Гельсингфорсе Петербургом, на торжественном открытии Студенческого Дома 23 ноября 1870 г. можно было полакомиться привезенными из Петербурга деликатесами, например виноградом. Газета «Хювудстадебладет» писала, что многих это (дорога в Петербург) приводит в ужас... «Она станет нашей ширококолейной дорогой в остальной мир. Если мы не можем идти по нему, не спотыкаясь, причина в нас. Прочь всякая нетерпимость! Прочь любая ограниченность!»

Увы, не все думали так. То там то здесь появлялись озлобленные кучки националистов, мечтавших сравнить русских и финнов. Так, в 1869 г. поэт А. Алквист в стихотворении «Так могло случиться с Финляндией» призывал финнов ориентироваться на Запад, а не на Россию. Вот, мол, вогулы и вотяки «убереглись» от западного влияния, в результате чего они погрязли в дикости:

О, вогулы, мордва и вотяки,
И прочие угорские народы,
С которыми мы, финны, свояки —
Вы жалкое подобие породы!

---

⁴¹ Там же. С. 49, 74.

⁴² Клинге М. Имперская Финляндия. С. 285–286.

Не знаете вы даже языка —
Не ведаете собственного слова,
И до сих пор никто еще пока
Не навязал вам ничего чужого!
Чего достигли вы своим трудом?
В невежестве и дикости живете...

<...>

Немым подобно тщитесь вы сказать
Бессмыслицу, которую нечаянно
В слова вам удается облекать
Дыханьем смрадным – хриплым и отчаянным.
Язык ваш как вода в болотной жиже,
Что тухнет без подпитки родниковой!
С Финляндией могло случиться так же,
Если б Господь не восхотел иного.

Во второй половине XIX века автономный статус Финляндии укрепился.

Согласно манифесту Александра II от 13 июня 1886 г. сейм получил право законодательной инициативы. Общему собранию Сената в 1869 г. было разрешено самостоятельно решать ряд дел, связанных с управлением княжеством.

В 1894 г. в Уголовном уложении Великого княжества Финляндского было закреплено указание на то, что финны являются российскими подданными. Александр III стремился достичь объединения таможенной, почтовой и денежной систем Финляндии с общеимперскими, но не успел завершить начатое дело.

Манифестом от 3 февраля 1899 г. из юрисдикции финляндского сейма были изъяты вопросы, имевшие общегосударственное значение. Например, в ведение Министерства внутренних дел было передано управление почтами на территории Финляндии. В 1899 г. вышел манифест «О порядке издания общих для всей империи со включением Финляндии законов», а 7 июля 1900 г. был издан манифест «О постепенном введении русского языка в делопроизводство».

После Русско-японской войны начинается новый этап в строительстве береговых крепостей на Балтике. Так, в 1909 г. развернулось строительство двух мощных фортов на южном побережье Финского залива у местечка Красная Горка и на финском берегу у деревни Ино. Позже эти форты называли «Николаевский» и «Алексеевский» в честь царя и наследника престола. Окончательно оба форта были введены в строй к концу 1914 г.

Вооружение форта «Ино» к сентябрю 1916 г. состояло из четырех 305/52 мм/клб⁴³ орудий в двух башенных установках, четырех 305/52-мм пушек на открытых установках, восьми 254/45-мм пушек на станках Дурляхера⁴⁴, восьми 280-мм мортир образца 1877 г. и восьми 152-мм пушек Кане, а также пятидесяти шести 76-мм пушек, из которых восемь было зенитных. Западнее форта в районе деревни Пумала возвели батарею из шести 152-мм пушек Кане и четырех 76-мм противотанковых пушек.

В конце 1912 г. началось строительство артиллерийской Ревель-Порккала-Удской позиции, которая получила название «крепость Петра Великого».

---

⁴³ Калибр орудия / длина ствола в калибрах, то есть длина ствола этого 305-мм орудия 305 x 52 мм.

⁴⁴ Конструкции известного русского артиллериста Роберта Августовича Дурляхера, родом из прибалтийских немцев. В 1915 г. в связи с войной он изменил свою фамилию на Дурляхов.

В связи с началом мировой войны соглашение о демилитаризации Аландских островов утратило свою силу. В мае 1915 г. русские начали оборудование артиллерийской Або-Аландской шхерной позиции, которая была включена в крепость Петра Великого.

К декабрю 1917 г. число береговых и полевых орудий на территории Финляндии еще увеличилось, однако точное их число указать невозможно из-за беспорядка, царившего в русской армии. На финскую территорию были доставлены часть орудий Кронштадтской крепости, часть орудий Владивостокской крепости, пушки, купленные в Японии в 1915–1916 гг., и даже пушки с разоруженной Амурской флотилии.

Почти все эти орудия и десятки тысяч снарядов к ним достались в исправном состоянии финнам. Таким образом, Финляндия получила артиллерию, по своей мощи превышающую артиллерию нескольких европейских государств – Швеции, Норвегии, Дании и Голландии.

Мешали ли русские крепости финскому населению? Ни в коем случае! Под их территорию отводились каменистые и непригодные для земледелия участки побережья и островов. Зато русские войска давали работу тысячам финнов. Если сами тела артиллерийских орудий в Финляндии не изготавливались, то орудийные лафеты (станки) заказывали финским заводам на очень большие суммы. В XIX в. на верфях в Або, Бьернеборге, Гельсингфорсе и других для Балтийского флота были построены сотни боевых и вспомогательных судов. Так, только за 18 лет, с 1852 по 1870 г, на финских верфях были заложены парохо-фрегаты «Олаф», «Рюрик» (1853), «Рюрик» (1870); корветы «Калевала», «Варяг», «Витязь»; клипера «Абрек», «Всадник», а также ряд других судов. Финны строили суда неважно, и служили они недолго по сравнению с судами, построенными за рубежом и в Петербурге⁴⁵, зато денег финские капиталисты брали в лучшем случае не меньше.

Надо ли говорить, что русские офицеры, солдаты и матросы оставляли в финских лавках и магазинах десятки, а то и сотни тысяч рублей ежегодно.

Тем не менее, к концу XIX в. в Великом княжестве Финляндском наблюдается рост сепаратистских настроений. Понятно, что объективных причин к этому нет и, соответственно, нет разговоров об отделении от России ни среди крестьян, ни среди рабочих. Но вот среди студентов такие разговоры идут. Ох, как хочется, вместо того чтобы кропотливым трудом медленно продвигаться в чинах, прыгнуть одним махом к вершине власти!

Ах, скольким интеллигентам-недоучкам, которым не светили успехи в науке и бизнесе, хотелось сделать революционную карьеру и стать «освободителем родины»! Добавим к ним молодежь, которой нужно выпустить пар и просто побузить. А тогда еще не было модно орать «Спартак – чемпион!» и драться на трибунах стадионов.

Ну а о том, куда приведут националистические игры и о том, станет ли народ жить богаче, или дома обратятся в руины, а сотни тысяч погибнут ради блестящей политической карьеры нескольких сотен недоучек, никто не думал.

Националистам обязательно надо было с чем-то бороться. Но примечательно – у финских националистов что-то не видно было экономических лозунгов. Поводы для «бузы» были прямо-таки анекдотичные. Ну, например, давайте в центре Выборга установим памятник маршалу Кнутссону, основателю города. Александр III отказал. По приказу Кнутссона в Финляндии были убиты тысячи русских и финнов. Представьте себе, что сейчас в Казани решили бы установить памятник Ивану Грозному или в Москве – хану Батыю? Кстати, достоверных данных, что именно Кнутссон основал Выборг, нет, и многие историки утверждают, что он вообще не имел никакого отношения к строительству города. Но Бог с ним, с Кнутссоном, – и Николай II разрешил ставить этот памятник.

---

⁴⁵ Подробнее об этом рассказано в моей книге «Россия выходит в Мировой океан».

В 1905 г. в России началась революция. Николай II был вынужден пойти на уступки и впервые в нашей истории учредил выборный законодательный орган – Государственную думу. В лагере русских либералов царил ликование. Финляндии было предложено избрать своих депутатов и послать в думу, дабы они отстаивали интересы финского населения. Но тут-то националисты пошли на принцип – никакой демократии нам не нужно, будем слушаться лишь царя-самодержца и его генерал-губернатора, а думу знать не знаем и знать не желаем. В итоге националисты саботировали посылку депутатов от Финляндии в Государственную думу вплоть до 1917 г.

Весной 1904 г. в Великом княжестве Финляндском возникла новая партийная группировка – «Партия активного сопротивления». Лидером ее с первого дня основания стал писатель и журналист Кони Циллиакус (Зиллиакус). «Партия активного сопротивления» действовала нелегально и ставила перед собой цель путем организации вооруженного восстания против России завоевать полную независимость Финляндии.

В 1905 г. после всеобщей стачки националисты основали военное крыло своей партии – организацию «Сила» (Voima). Этот на первый взгляд спортивный союз с помощью стрелковых и лыжных занятий давал своим членам военную подготовку. Наставления по тренировкам этой организации во многом схожи с военными уставами. К весне 1906 г. «Сила» насчитывала уже более 25 тысяч членов и имела филиалы в ряде финских городов. В распоряжении этой организации находилось значительное количество оружия. Поэтому в 1906 г. Сенат по требованию России запретил эту организацию, а некоторые ее руководители были осуждены за сотрудничество с русскими революционерами.

Финские националисты приняли участие в первой общественной организации карел – «Союзе беломорских карел», который был учрежден 3–4 августа 1906 г. в Тампере. К концу 1906 г. Союз уже насчитывал 627 членов, из которых 494 были финнами и 133 – карелами, в основном проживавшими в Финляндии. В уставе Союза говорилось, что цель организации – «улучшение духовного и материального положения беломорских карел». В публичных выступлениях лидеров организации высказывалась мысль о возможности в перспективе объединения «всех финских племен в составе Финляндии».

Этот первый в Карелии националистическо-политический союз в связи с антигосударственным характером его деятельности был запрещен царским правительством в 1911 г. Позже он возродился как «Карельское просветительское общество». Активистов и членов союза объединяла общая соплеменная идея и вопрос о присоединении Восточной Карелии к Финляндии по линии Ладожское озеро – река Свирь – Онежское озеро – Белое море.

В августе 1914 г. началась война, которую во всей Европе сразу же окрестили Великой или Мировой. Ни финскому, ни русскому народу война была не нужна.

У России не было территориальных претензий к Германии и Австро-Венгрии. Да и в случае победы в войне присоединение любых территорий из этих двух монархий к России принесло бы ей только вред, усилив сепаратистские тенденции поляков. Достойной наградой России за участие в войне могли бы стать только Черноморские проливы. Официально Англия и Франция обещали их России, одновременно подписав между собой секретный договор, по которому Россия никогда не должна была получить Проливы.

Согласно знаменитой формуле Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами». У Николая II не было никакой последовательной внешней политики, а у России – цели в войне. Показательно, что и враги, и союзники России в случае своей победы планировали расчленив Российскую империю, лишив ее Привисленского края, Финляндии, Прибалтики, а если повезет, то и Украины, и Кавказа.

Другой вопрос, что правительства стран Антанты не афишировали свои намерения, и финские националисты обратили свои взоры на Германию.

В Финляндии русские власти не проводили мобилизацию. Тем не менее, примерно 500 финнов поступили добровольцами в русскую армию. Начался сбор пожертвований в фонд Красного Креста, а на средства, собранные финляндскими промышленниками, был оборудован полевой госпиталь. В больницах княжества выделили несколько сот коек для раненых.

Увы, сепаратисты тоже не дремали. Посол Германии в Стокгольме барон фон Рейзенау в самом начале августа 1914 г., вскоре после начала боевых действий, получил от канцлера Германии Т. фон Бетман-Гольвега задание поднять восстание в Финляндии: «Чтобы создать благоприятное для нас общественное мнение и по возможности вызвать восстание против России, желательно установить контакт с вождями Шведской партии в Финляндии и предложить им возможность сделать Финляндию автономным буферным государством (республикой), в случае удачного для нас завершения войны. Граф Таубе (шведский посол в Берлине, ранее министр иностранных дел) заверяет, что Швеция одобрит такое решение, так как она не хочет аннексии (Финляндии), самое большое – Аландских островов и урегулирования пограничных проблем. Будьте добры, сразу возьмитесь за подготовку».⁴⁶

В качестве лозунгов для этой деятельности предлагалось: «Свобода и безопасность угнетенным Россией народам!» и «Загнать русский деспотизм назад в Москву!»⁴⁷

Работа, проведенная германской стороной и националистами, дала свои результаты. В октябре – ноябре 1914 г. независимо друг от друга началось формирование трех главных националистических центров.

Первый центр образовался в Финляндии. 29 ноября 1914 г. представители университетских землячеств создали «Временный студенческий комитет», который своей главной целью объявил отделение Финляндии от России и начал подготовку вооруженного восстания в Великом княжестве. Члены Комитета считали, что для этого необходимо проводить военную подготовку населения и создать военную организацию, которая начала бы восстание. Единственным возможным союзником Финляндии была Германия, с которой представители Комитета установили тайные контакты. Поэтому перед Комитетом стояли задачи по поддержанию связей с Германией, по сбору разведывательной информации для немцев и по подготовке условий для вторжения немецких войск в Финляндию. Активисты Комитета поставляли в посольство Германии в Швеции информацию о дислокации русских войск в Финляндии и уже с начала 1915 г. стали получать деньги от германской разведки, что тщательно скрывалось обеими сторонами.

Второй националистический центр сформировался в Берлине. Там пронемецки настроенные финские эмигранты 27 ноября 1914 г. основали «Финляндский комитет», во главе которого встали бывший профессор университета в Турку И. Зюнвалль и адвокат Ф. Веттерхоф. Комитет этот в первую очередь осуществлял военную и политическую разведку в интересах Германии на деньги германского Министерства иностранных дел.

Третий центр образовался в Стокгольме, где проживали финские эмигранты Г. Гуммерус, К. Циллиакус и К. Кастрен. Они-то и основали «Центральное правление движения за независимость Финляндии», «Военный комитет» и другие организации.

К концу 1914 г. руководящие органы этих трех националистических центров объединились для координации своих действий в борьбе за независимость.

7 февраля 1915 г. в Стокгольм прибыли первые 200 финских добровольцев, желавших воевать на стороне Германии. За переправку добровольцев из Швеции в Берлин отвечал майор фон Авеуд. Посредником между финнами, выезжающими на курсы в Локштедские лагеря, и германским военным атташе в Швеции выступала проживавшая в Стокгольме про-

---

⁴⁶ Клинге М. Имперская Финляндия. С. 553.

⁴⁷ Там же.

фессор Алма Сёдерхолм, имевшая псевдоним «официантка Анна». Она получала от Авеуда немецкие паспорта и передавала их добровольцам. Паспорта эти в целях конспирации выписывались на другие фамилии. Получив документы, финны выезжали в Германию.

С 24 февраля 1915 г. германские военные власти открыли для финских добровольцев курсы подготовки разведчиков, так называемые курсы следопытов. Там преподавалась огневая подготовка, методы ведения разведки и партизанской войны, совершение диверсий и саботажа. Проведение курсов и связанные с ними организационные вопросы возлагались на военное министерство Германии, военного и военно-морского атташе Германии в Швеции, то есть на военное ведомство и органы разведки. В целях конспирации курсы именовались «лагерем скаутов», и курсанты, соответственно, носили скаутскую форму. Руководителем «курсов следопытов» был председатель скаутского движения Германии майор М. Бауер. На курсах училось 189 добровольцев, большинство из которых составляли шведоязычные финны, окончившие лицей и по своему социальному положению относившиеся к высшим слоям общества. Учеба на курсах не прошла даром: при Маннергейме 165 выпускников стали офицерами, из них 25 – генералами, составив костяк финской армии, полиции, спецслужб и шюцкора.

Как видим, число финнов, поддерживавших Россию или Германию в войне, было в целом невелико. А что касается остальных, то они встретили войну с... энтузиазмом. Заводы на юге Финляндии получили крупные военные заказы, и капиталисты не нарадовались непредвиденным барышам. А вот крестьянство и купечество занялось спекуляцией. Тогда постановлением финляндского генерал-губернатора Ф. А. Зейна были установлены предельные цены на продукты и предметы первой необходимости. Таким образом, больших прибылей на внутреннем рынке получить было нельзя. Зато страны Антанты объявили экономическую блокаду Германии и ее союзникам, в результате чего в этих странах начались трудности с продовольствием, а затем и голод. И тут высококачественные финские сельхозпродукты оказались как раз кстати.

До войны Финляндия поставляла в Центральную Россию сливочное масло, сыр и другие продукты и импортировала значительное количество зерна. С началом же войны поставки сельхозпродуктов в Россию существенно уменьшились, а поставки хлеба из России, наоборот, значительно возросли. Надо ли говорить, что все это русское зерно и финское масло шло к кайзеру транзитом через Швецию. Об этом неоднократно докладывали в Петроград и русские жандармы, и пограничники, и военная контрразведка.

Дошло до того, что осенью 1915 г. Англия и Франция решительно потребовали у царя прекратить поставки продовольствия и иных предметов в Германию через Швецию. Однако министр иностранных дел С. Д. Сазонов доказал Николаю II, что блокада затронет интересы Швеции, нанесет ущерб ее торговле с Германией и может привести Швецию к военному союзу с Германией. На самом же деле шансов вступления Швеции в войну практически не было.

Итак, из-за позиции Сазонова и безволия царя «шведский транзит» процветал и приносил баснословные прибыли шведским и финским дельцам.

Глава 7. Отделение Финляндии

В 1916 г. на выборах в сейм большинство голосов получила Социал-демократическая партия Финляндии (СДПФ), основанная еще в 1899 г. Левое крыло партии, возглавляемое О. Куусиненом, К. Маннером и Ю. Сиролой, поддерживало тесные связи с большевиками и лично Лениным.

После победы Февральской революции в России в промышленных центрах Финляндии создавались рабочие сеймы, Рабочая гвардия порядка, Красная гвардия. Руководящими революционными органами были Гельсингфорсский сейм рабочих организаций (созданный в марте 1917 г.) и левое крыло СДПФ, которые сотрудничали с русскими Советами солдатских депутатов, матросскими комитетами Балтийского флота и Советами рабочих депутатов, руководимыми Областным комитетом армии, флота и рабочих Финляндии, с Гельсингфорским комитетом РСДРП(б), с финским национальным районом Петроградской организации РСДРП(б).

Временное правительство 7 (20) марта 1917 г. восстановило автономию Финляндии, но выступило против ее полной самостоятельности.

По требованию Социал-демократической фракции финский сейм принял 5(18) июля 1917 г. «Закон о власти», ограничивавший компетенцию Временного правительства вопросами военной и внешней политики. Временное правительство при помощи национальной буржуазии разогнало 18 (31) июля сейм. Буржуазия и националисты приступили к созданию вооруженных штурмовых отрядов, получивших название шюцкор (от шведского слова Skyddskar – охранный корпус). Забавно, что в этом вопросе немцы отстали от финнов на 16 лет. У них Schutzstaffeln – охранные отряды (сокращенно – SS) появились только в 1934 г.

В октябре 1917 г. состоялись новые выборы в сейм, прошедшие с многочисленными нарушениями со стороны националистов. В результате буржуазия и националисты получили большинство в сейме.

Правление СДПФ и Исполком профсоюзов Финляндии 26 октября (8 ноября) приветствовали победу Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. 31 октября – 6 ноября (13–19 ноября) в Финляндии происходила всеобщая забастовка за претворение в жизнь экономических и политических требований рабочих. Красная гвардия разоружала отряды буржуазии, занимала административные здания, вокзалы, телеграфные и телефонные станции и взяла на себя охрану общественного порядка. Во многих городах власть фактически перешла к рабочим. Однако Центральный революционный совет (образованный в ноябре) после утверждения сеймом принятых еще летом постановлений о взятии на себя верховной власти и законов о 8-часовом рабочем дне и демократизации системы коммунальных выборов, призвал рабочих прекратить забастовку. 13 (26) ноября сейм утвердил сенат во главе с Пером Эвиндом Свинхувудом.

23 ноября (6 декабря) сейм в одностороннем порядке провозгласил Финляндию независимым государством.

18 (31) декабря в Смольном Ленин подписал «Постановление Совета Народных Комиссаров о признании независимости Финляндской Республики». В постановлении говорилось: «В ответ на обращение Финляндского Правительства о признании независимости Финляндской Республики Совет Народных Комиссаров в полном согласии с принципами права наций на самоопределение постановляет:

Войти в Центральный Исполнительный комитет с предложением:

а) признать государственную независимость Финляндской Республики и

б) организовать, по соглашению с Финляндским Правительством, особую Комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России».

Постановление Совета народных комиссаров лично принял в Смольном Пер Эвинд Свинхувуд – премьер-министр новообразованного государства.

Большевицкие комиссары не знали, что Свинхувуд еще в декабре 1917 г. вступил в переговоры с немцами и отправил все золото Финляндского банка из Гельсингфорса на север страны. Буржуазное правительство Финляндии в октябре 1917 г. провело тайную операцию по скупке зерна у крестьян по чрезвычайно завышенным ценам. Закупленное зерно было складировано также на севере страны. Услышав о больших закупках зерна по выгодным ценам, крестьяне фактически прекратили продажу зерна в городах по обычным ценам. В стране начался голод.

Предусмотренные в постановлении Совета народных комиссаров практические мероприятия по отделению Финляндии от России не успели осуществиться образованием паритетной советско-финляндской комиссии, так как в Финляндии началась гражданская война. В ночь на 10 января 1918 г.⁴⁸ произошли столкновения шюцкора с вооруженными отрядами финских рабочих (Красной гвардией).

12 января сейм признал шюцкор правительственными войсками. 16 января сенат, получивший от сейма чрезвычайные полномочия, назначил бывшего царского генерала Карла Густава Маннергейма главнокомандующим белой гвардией.⁴⁹ В городе Васа (Николайштадт) был создан политический и военный центр контрреволюции.

23 января партийный совет СДПФ образовал Рабочий исполнительный комитет – высший революционный орган. 26 января комитет отдал приказ Рабочей гвардии о подготовке к захвату всех правительственных учреждений и стратегических пунктов. 27 января комитет обратился с «Революционным воззванием к финскому народу». В этот же день Рабочая гвардия порядка и Красная гвардия объединились, приняв название последней.

В ночь с 27 на 28 января в Гельсингфорсе отряды Красной гвардии в ответ на террористические выступления белогвардейских частей заняли здания совета и другие центральные учреждения. Буржуазное правительство бежало из Гельсингфорса. 28 января было сформировано революционное правительство – Совет народных уполномоченных (СНУ) в составе социал-демократа Маннера (председатель), Сиролы, Куусинена и других. Верховный орган власти – Главный рабочий совет из 35 человек (10 – от партийного совета СДПФ, 10 – от профсоюзов, 10 – от Красной гвардии, 5 – от Гельсингфорского сейма рабочих организаций).

На борьбу поднялись рабочие Або, Таммерфорса, Пори, Котки, Лахти, Выборга и других городов юга. Север и большая часть центральной Финляндии остались в руках реакции.

29 января СНУ опубликовал Декларацию, содержащую программу буржуазно-демократической революции. По инициативе рабочих происходил слом старого государственного аппарата, устанавливался рабочий контроль на предприятиях, железных дорогах и т. д. Революционный подъем финских трудящихся заставил СНУ перейти к более решительной политике. Устанавливался контроль над частными банками, закрывались контрреволюционные газеты, был учрежден революционный суд, сеймы рабочих организаций фактически стали органами диктатуры пролетариата.

23 февраля был опубликован проект демократической конституции. Финляндия провозглашалась республикой. Однако крупные промышленные предприятия и частные банки не были национализированы, не были конфискованы земельные угодья и леса у крупных

---

⁴⁸ Начиная с 1 января 1918 г. все даты приводятся только по новому стилю.

⁴⁹ При этом никого не смутило, что столь горячий патриот Финляндии не знал финского языка.

землевладельцев и лесопромышленных обществ, не решался вопрос о наделении землей малоземельных крестьян и т. д. СНУ не принял необходимых мер по обеспечению государственной безопасности и ликвидации контрреволюционного подполья.

Финская Красная гвардия, численность которой в революцию достигла 100 тысяч человек, имела все шансы разгромить шюцкор и буржуазные белофинские организации. В ее руках были все основные промышленные центры, включая военные заводы. Подавляющее большинство arsenалов бывшей русской армии также находилось на территории, подконтрольной финской Красной гвардии. Однако руководство Красной гвардии придерживалось оборонительной тактики. В результате этого в феврале – начале марта 1918 г. война приобрела позиционный характер. Причем сплошной линии фронта не было, а отдельные отряды белых и красных противостояли друг другу у населенных пунктов и на стратегических дорогах. Условно линию фронта можно провести по прямой от города Бьернеборг – Таммерфорс – Вильмаstrand – Иматра – Раутус.

Таким образом, в Финляндии оказалось два правительства и два государства. 1 марта 1918 г. в Смольном Ленин и вице-премьер СНУ Эдвард Гюллинг подписали «Договор об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой».

7 марта 1918 г. белофинское правительство подписало договор с Германией. Еще в январе 1918 г. Германия через Швецию перебросила в район города Васа 27-й егерский батальон, ранее сражавшийся против русских на рижском направлении.

...А сейчас я сделаю небольшое отступление – выведу на сцену главного героя современной финской мифологии Карла Густава Маннергейма.

Род Маннергеймов, скорее всего, попал в Швецию через Германию из Голландии. Его родоначальник купец Хенрик Мархейн в 1645 г. поселился в Швеции в Евле. В 1693 г. его младший сын Аугустин Мархейн после ряда удачных афер с недвижимостью получил дворянство. Затем он перебрался в Стокгольм, где арендовал две усадьбы. Свою голландскую фамилию он переделал в более длинную и звучную, а горловые звуки в слове «Маннергейм» придавали фамилии некую мрачность.

У Аугустина было четыре сына, и все они избрали карьеру военных – стали офицерами-артиллеристами. Первым в семье перебрался в Финляндию сын Аугустина Карл Эрик, он-то и стал прапрадедом будущего маршала. В 1783 г. Карл Эрик получил место секунд-майора губернского пехотного полка в Турку.

После присоединения Финляндии к России Эрика Маннергейма назначили председателем депутации, вызванной императором Александром I в Петербург для обсуждения вопроса относительно Финляндии. 30 ноября 1808 г. Эрик обратился к Александру I с речью на французском языке, в которой подчеркнул, что депутация представляет свободный, но законопослушный народ. Депутация обратилась к царю с просьбой о созыве сейма, который и был собран в Борго. Эрик Маннергейм занимал в сейме видное место. После этого его назначили губернатором. Кроме того, Эрик Маннергейм работал в Банке Финляндии и в начале 20-х гг. XIX века стал заместителем председателя сенатского департамента экономики (что сегодня соответствовало бы посту премьер-министра). Эрик был настоящий «тайный советник», и в 1825 г. император Александр I присвоил ему графский титул.

Один из сыновей Карла Эрика – Карл Густав – стал дедушкой будущего маршала. Карл Густав первым из Маннергеймов родился в Финляндии. Медленно, шаг за шагом он продвигался по службе и в 36 лет (1833) был назначен на пост губернатора Васы. В 1834 г. его перевели на пост губернатора в Выборг. Еще через пять лет был создан Верховный суд Выборга, и Карл Густав стал его президентом.

Карл Густав Маннергейм женился на дочери подполковника Карла Константина фон Шанца. У супругов было четверо детей: сын Карл Роберт – отец будущего маршала и

три дочери. После смерти отца десятилетний Карл Роберт получил в наследство поместье Вилльнес. Повзрослев, он поступил в университет в Гельсингфорсе, стал радикалом и атеистом, отличался многогранными художественными талантами.

Карл Роберт много времени проводил в Париже, где выпитывал «буржуазное свободолюбие» в той форме, в какой оно там витало. Во время процесса Дрейфуса он был целиком и полностью на стороне Дрейфуса, да и в других случаях не принимал антисемитизма. Всем знакомым в Финляндии и Петербурге, которых Карл Роберт считал реакционерами, он послал свою фотографию с ненавистной им книгой Золя «Аврора».

В 1862 г. Карл Роберт женился на Хелен фон Юдин, дочери крупного финансиста. Невеста принесла ему ренту в 5 тысяч рублей в год. Через пять лет, в 1867 г. у них родился сын Карл Густав, будущий герой. В 15 лет Карл Густав поступил в кадетский корпус в Финляндии, а весной 1887 г. – в Николаевское кавалерийское училище, которое он успешно окончил в 1889 г. Службу Карл Густав начал в 15-м Александрийском драгунском полку, дислоцированном на границе с Германией. Но через год благодаря обширным связям его родни в аристократических кругах Петербурга Карла Густава переводят в гвардию в кавалергардский полк, то есть в личную охрану императора.

2 мая 1892 г. в Петербурге в полковой церкви кавалергардского полка состоялось венчание Карла Густава Маннергейма с Анастасией Араповой, дочерью генерал-майора Николая Арапова, входившего в свиту его величества. В прошлом он также был кавалергардом. Затем состоялась еще одна церемония венчания, но уже дома, по лютеранскому обряду. Дело в том, что, несмотря на просьбы невесты, Карл Густав отказался перейти в православие.

В 8 часов вечера молодожены сели в поезд и отправились в Москву, чтобы провести медовый месяц в имении Анастасии Успенское, находившемся на берегу Москвы-реки в 14 км от Москвы. Барский дом в Успенском походил на настоящий дворец – мраморные лестницы, 44 комнаты, обставленные античной мебелью. Дом окружал громадный парк, имелись прекрасные конюшни. Анастасия принесла приданое в 800 тысяч рублей под ренту в 14 тысяч рублей.

В 1904–1905 гг. ротмистр Маннергейм принял участие в Русско-японской войне. До 1917 г. он исправно служил в русской армии и не интересовался политикой. Забавно, что газета финских националистов «Свободное слово», печатавшаяся за границей и нелегально привозившаяся в Финляндию, опубликовала черный список тех финнов, которые верой и правдой служили самодержавию.

В этом списке было и имя Маннергейма.

Как писал финский историк Вейо Мери: «В этот период жизни Маннергейм презрительно, в игривой, свойственной школьникам манере отзывался о финском языке и финноязычных людях. Возможно, это был юмор школьников старших классов. Летом 1905 г. он писал сестре Софи, собиравшейся в Тавастланд учить финский, что это язык чуди. Чудь – историческое название, бывшее в ходу у русских. Маннергейм сожалел, что сестра едет не в Швецию, например, а опять к этим „чухонцам“».

После возвращения с войны он ко всему относился так же. Он писал, что собирается поступать в полицию, поскольку в жандармерии можно выслужить до высоких постов. Маннергейму казалось, что на войне его заслуги не были оценены по достоинству, что его отодвинули в сторону». ⁵⁰

Но до поступления в жандармы дело не дошло. Вернувшись из Маньчжурии в ноябре 1905 г., Маннергейм узнал, что его фамилия значится среди вновь назначенных командиров полков.

---

⁵⁰ Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 54.

Октябрьская революция застала Маннергейма в Одесском военном округе. В конце ноября 1917 г. он попросился в отпуск «на лечение». Переодевшись в штатское платье, Маннергейм едет в Петроград, а 18 декабря того же года ночной поезд из Петрограда привозит Маннергейма в Гельсингфорс. Раз не удалась жандармская карьера, то почему бы не стать вождем «чухонцев» и даже не начать учить их язык?⁵¹

Почти сразу Маннергейм становится командующим войсками белых финнов. В ходе боевых действий против красных финнов белофинны уже в январе 1918 г. стали совершать вооруженные нападения на части русской армии, дислоцированные в Финляндии.

Задним числом финские политики и историки оправдывали свою агрессию поддержкой большевистского правительства Финляндской социалистической рабочей республики. Обвинения эти явно не выдерживают критики. Русские войска в Финляндии фактически стали небоеспособными уже осенью 1917 г. Подавляющее большинство русских солдат, находившихся в Финляндии к февралю 1918 г., не имело ни малейшего желания участвовать в гражданской войне, а мечтало лишь спокойно уехать в Россию. Офицеры же в основном крайне отрицательно относились к большевикам, и подозревать их в помощи красным финнам просто нелепо.

Чтобы избежать обвинений в пристрастности, процитирую статью Яльмара Линдера, зятя Маннергейма, опубликованную в Финляндии 28 мая 1918 г.: «То, что происходит в стране, ужасно. Несмотря на запрет главнокомандующего, расстрелы продолжаются беспрепятственно. Красное безумство сменилось белым террором. Расстрелы тем более дают впечатление полного произвола, поскольку жертв выбирают и казнят в местах, где не совершалось никаких актов насилия. В лагерях для военнопленных узники мрут как мухи».⁵²

Историк Вейо Мери писал: «Предупредительной мерой и основой более жесткого курса явилось и распоряжение, обещавшее окончательно разделаться с русскими, принимавшими участие в боях. Эти русские служили советниками, пулеметчиками, артиллеристами и штабистами. После взятия Таммерфорса 200 русских было казнено на таммерфорском вокзале. Среди них оказались белые русские офицеры, прятавшиеся в городе. В Выборге тоже расстреляли взятых в плен русских, в том числе гражданских лиц, мало того, даже поляков, коммерсантов и предпринимателей, поддерживавших белую армию».⁵³

Советское правительство в Петрограде симпатизировало красным финнам, но заявило о своем нейтралитете, опасаясь Германии. Ленин и Троцкий боялись применить силу даже для защиты жизни русских солдат и матросов, а также военного имущества в Финляндии.

В первой декаде января 1918 г. белофинны по льду подошли к ряду островов Аландского архипелага и напали на дислоцированные там подразделения русской армии. Деморализованные солдаты практически не оказывали сопротивления.

С крупными соединениями русских войск или кораблей белофинны действовали более-менее осторожно, а над небольшими изолированными подразделениями чинили расправу по своему усмотрению. Приведу текст весьма характерной телеграммы начальника Або-Аландской шхерной позиции от 16 января 1918 г.: «Г. Васа занят белой гвардией свыше 5000 человек, вооруженной орудиями, пулеметами, нашими винтовками, [под] твердым руководством немецких офицеров. Сопротивление оказать не могу, сам жду захвата. Начальник Або-Аландской шхерной позиции... Он (начальник Або-Аландской шхерной позиции) уже арестован, держались только на радиостанции, района [службы связи] нет. Служба связи вся арестована. Прием, может быть, последний. Дежурный телеграфист».

---

⁵¹ До этого Маннергейм пользовался исключительно шведским и русским языками.

⁵² Цит. по: Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. С. 114.

⁵³ Там же. С. 115.

15 февраля 1918 г. к острову Аланд подошел отряд шведских кораблей. Шведы предъявили русским войскам ультиматум – до 6 часов утра 18 февраля эвакуировать с Апанда все русские войска на шведских судах в Ревель. Все военное имущество оставить на месте, за исключением «одной винтовки на человека».

Не помогло и вмешательство русского консула в Швеции Вацлава Воровского. В конце концов военное имущество пришлось отдать шведам и белофиннам. Особую ценность представляли береговые батареи Або-Аландской позиции.

Уже в январе 1918 г. в Васе появились десятки шведских офицеров, обучавших белофиннов. Причем многие из них, не стесняясь, ходили по улицам в шведских мундирах.

Внимательный читатель наверняка задаст вопрос: а, собственно, на каком основании эскадра нейтральной Швеции могла войти в российские территориальные воды и предъявлять ультиматум русскому командованию? А на каком основании английские мониторы шли по Северной Двине на Котлас, австрийские мониторы поднимались по Днепру, японские корабли пришли во Владивосток и на Камчатку? Когда государство больно и его вооруженные силы не могут дать сдачи, то охотников пограбить всегда найдется с лихвой. А чем, собственно, шведы хуже немцев, англичан или японцев?

В связи с наступлением немцев в Эстляндии русские эвакуировали Ревель. Батареи крепости Петра Великого частично были взорваны, а большей частью попали в руки немецких и эстонских националистов.

Боевые корабли и транспорты Балтийского флота перешли из Ревеля в Гельсингфорс.

3 марта 1918 г. представители советского правительства подписали в Брест-Литовске мирный договор с Германией. Согласно договору Россия теряла Украину, часть Белоруссии, Привисленский край, Литву, Курляндию и Эстляндию. На основании V статьи договора Россия должна была перевести все свои военные суда в русские порты и оставить их там до заключения всеобщего мира. Таким образом, военные суда России не могли даже передвигаться между портами в своих территориальных водах.

Статья VI требовала немедленного ухода русских войск из Финляндии и с Аландских островов. Все русские военные корабли и суда должны были покинуть порты Финляндии. Пока же лед делал переход их невозможным, на них разрешалось оставить лишь часть команды, необходимую для перехода в русские порты.

Брестский мир был действительно «препохабнейший», но попрекать им Ленина может лишь законченный идиот или политический шулер. У России в сложившейся к февралю 1918 г. ситуации было только два выхода: либо мир с Германией на всех ее условиях, либо гибель государства Российского, которое в случае продолжения войны растащили бы на куски все кому не лень. При этом шведы и финны тоже в стороне бы не остались.

Другой вопрос, что Брестский мир держался исключительно па германских штыках. И как только штыки исчезли, договор приказал долго жить. 13 ноября 1918 г. ВЦП К РСФСР в рабочем порядке аннулирован Брестский мир. В постановлении по сему случаю было сказано: «Насильнический мир в Брест-Литовске уничтожен».

Странно, что урок с Брест-Литовским миром не пошел впрок малым странам, которые, пользуясь бедой государства Российского, навязали ему буквально под пистолетом различные «мирные» договоры в 1919–1923 гг. А потом горько плакали в 1939–1945 гг., когда Сталин восстановил статус-кво, существовавший до подписания этих маленьких «препохабнейших» миров.

Интересно, что сам Ленин незадолго до заключения Брест-Литовского мира подвергся нападению бандитов по дороге в Сокольники. Ильичу тоже пришлось заключить «мир» с бандитами, по которому им пришлось отдать автомобиль, деньги и даже личный браунинг-вождя. Ленину пришлось пешком идти в Кремль. Зато через пару часов вся ЧК занялась поисками бандитов, десятки из которых не дожили до следующего утра.

Так было и так будет. Договоры о границах выполняются лишь тогда, когда они соответствуют географии и истории (пример: Пиренеи – историческая и географическая граница Франции и Испании), а главное, реальному соотношению сил сторон. В противном случае это не договоры, а никчемные бумажки.

Еще до заключения Брестского мира германское правительство попросило «потесниться» шведов, оккупировав Аландские острова. Шведы согласились, хотя и без особого энтузиазма.

28 февраля 1918 г. из Данцига вышла в море эскадра контр-адмирала Мейра в составе однотипных дредноутов «Вестфален», «Рейнланд» и «Позен» (водоизмещение 18 900 тонн; вооружение: двенадцать 280/45-мм и двенадцать 150/45-мм пушек), нескольких крейсеров и тральщиков, конвоировавших семнадцать транспортов с войсками. 5 марта эскадра встала на якорь у местечка Экерэ (в западной части Аландских островов). При подходе к Аландским островам германский ледокол «Гинденбург» погиб на mine.

Немцы высадили десант на острова, но к материковой части Финляндии немецкие корабли подойти не сумели из-за толстого льда.

С улучшением ледовой обстановки немцы начали вторжение в Финляндию. В ночь на 3 апреля к полуострову Ганге подошла эскадра в составе 30 боевых кораблей и транспортов, впереди шел ледокол и десять тральщиков. Немцы высадили десант и захватили город Ганге. Четыре русские подводные лодки IV дивизиона (АГ-11, АГ-12, АГ-13 и АГ-14) были взорваны экипажами. По приказу командира команда русской береговой батареи в Хесте-Бюссе взорвала орудия, за что впоследствии в Гельсингфорсе немцы предали членов команды военно-полевому суду.

Затем германские войска двинулись по направлению к городу Тавастгусу, взяв по дороге город Экнес.

Тем временем командование Балтийского флота спешно уводило корабли из Гельсингфорса. Первый отряд вышел 12 марта 1918 г. В его составе была бригада линкоров-дредноутов «Петропавловск», «Севастополь», «Гангут», «Полтава» и крейсеров «Рюрик», «Бога тырь» и «Адмирал Макаров» в сопровождении ледоколов «Ермак» и «Волынец». Через пять дней все они благополучно пришли в Кронштадт.

Немцы не возражали против ухода русских кораблей в Кронштадт. Зато белофинны и в первую очередь сам Маннергейм делали все, чтобы захватить корабли в Гельсингфорсе.

29 марта «Ермак» вышел из Кронштадта в Гельсингфорс за новой партией кораблей. Однако он был обстрелян береговой батареей с острова Лавенсаари, которая накануне была захвачена белофиннами. Затем «Ермак» был атакован захваченным финнами ледоколом «Тармо».

«Ермак» был вынужден вернуться в Кронштадт.

В результате этого второй отряд Балтийского флота вышел 4 апреля из Гельсингфорса в сопровождении лишь трех малых ледоколов. В составе этого отряда были линейные корабли (броненосцы) «Андрей Первозванный» и «Республика» (бывший «Павел I»), крейсера «Баян» и «Олег», подводные лодки «Тур», «Тигр» и «Рысь», а также ряд вспомогательных судов. Все корабли и суда, кроме подводной лодки «Рысь», вернувшейся в Гельсингфорс, благополучно дошли до Кронштадта.

В Гельсингфорсе к командующему Балтийским флотом А. В. Развозову явились представители консолидации финских банков и предложили... продать часть судов Балтийского флота Финляндии. На вопрос командующего флотом, о какой «Финляндии» идет речь, представители банков заявили, что они подразумевают конечно «законное правительство Финляндии», но что переговоры они ведут самостоятельно, без официальных полномочий со стороны белого правительства.

Одновременно по Гельсингфорсу широко распространилось анонимное воззвание якобы от лица командующего германскими военными силами в Финляндии с обещанием вознаграждения за сдачу судов. На желание белофиннов задержать Балтийский флот до взятия Гельсингфорса указывает и планомерность захвата ледоколов «Волынец» и «Тармо», имевшая целью лишить флот лучших ледоколов и тем самым затруднить его переход во льдах.

Захват судов белофиннами осуществлялся старыми пиратскими способами. Так, ледокол «Волынец» 29 марта 1918 г. вышел из Гельсингфорса в Ревель, но по пути был захвачен вооруженной группой белофиннов, проникшей на ледокол под видом пассажиров.⁵⁴

Кроме русских судов на Гельсингфорсе базировался отряд английских подводных лодок. С разрешения советского правительства 4 апреля 1918 г. английские команды взорвали на внешнем Свеаборгском рейде подводные лодки Е-1, Е-8, Е-9, Е-19, С-26, С-27 и С-35.

С 7 по 12 апреля из Гельсингфорса вышли корабли и суда третьего отряда Балтийского флота, всего около 170 вымпелов. Все суда благополучно дошли до Кронштадта. Лишь госпитальное судно «Рига» задержалось из-за тумана и было захвачено германскими кораблями.

В Гельсингфорсе осталось 37 русских судов под военным флагом, 10 – под флагом Красного Креста и 38 – под коммерческим флагом.

11 апреля после ухода из Гельсингфорса последнего отряда судов Балтийского флота в командование морскими силами в Финляндии вступил А. П. Зеленый, о чем и объявил в приказе, подняв свой флаг на учебном судне «Память Азова». Немедленно приступили к регистрации оставшихся судов, их разоружению и регистрации личного состава. 12 апреля на всех судах был поднят Андреевский флаг (ввиду того, что красный флаг центрального правительства Советской республики не был объявлен военным флагом вместо Андреевского и не признавался поэтому правительствами иностранных держав).

С утра 12 апреля в Гельсингфорсе начались перестрелки между отрядами белых и красных финнов. К полудню германские войска вошли в предместья города.

13 апреля на рейд Гельсингфорса вошел отряд германских тральщиков и открыл артиллерийский огонь по городу. Вслед за тральщикам и на рейд вошел германский броненосец береговой обороны «Беовульф» и начал стрелять из 240/35-мм пушек. Вечером 12 апреля и в ночь на 13 апреля немцы высадили в Гельсингфорсе большой десант.

Красная гвардия отчаянно сопротивлялась немцам, но к вечеру 13 апреля большая часть зданий, занятая красногвардейцами, была взята. Моряки Балтийского флота соблюдали полнейший нейтралитет. Потери русских были случайными. Так, на госпитальном судне «Лава» был убит случайной пулей врач.

13 апреля на внутренний рейд Гельсингфорса в дополнение к «Беовульфу» вошли дредноуты «Вестфален» и «Позен».

В тот же день, несмотря на протесты русского командования, немцы заняли Свеаборгскую крепость.

14 апреля в Гельсингфорсе начались бесчинства финской белой гвардии. Дабы избежать обвинений в предвзятости, процитирую книгу «Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах», причем для неспециалистов поясню, что это не пропагандистское, а чисто военное издание, и до 1991 г. оно находилось в секретном хранилище. «14-го апреля по городу были расклеены объявления о предполагавшемся срочном выселении русско-подданных из Гельсингфорса. Затем начался захват белой гвардией русских

---

⁵⁴ В декабре 1918 г. финны передали ледокол Эстонии, и лишь 6 августа 1940 г. «Волынец» был возвращен законному владельцу – государству Российскому, которое в то время именовалось СССР.

судов под коммерческим флагом, что было опротестовано русским командованием. Захватывались главным образом буксиры и тральщики, причем это выполнялось самым бесцеремонным образом: команды выгонялись, имея 5 минут времени для сбора своих вещей, и отбиралась вся провизия. В городе и на кораблях германскими и финляндскими войсками производились аресты русских офицеров и матросов по самым нелепым предложениям. Местные газеты проявляли по отношению к России исключительную злобность и выливали ушаты грязи на все то, что так или иначе было связано с русским именем... На госпитальные суда финляндское правительство наложило эмбарго и совершенно не считалось ни с флагом Красного Креста, ни с датским флагом, поднятым после принятия флотилии под покровительство Дании... Все матросы и солдаты, застигнутые в рядах красногвардейцев с оружием в руках, – неукоснительно подвергались расстрелу. В одном Таммерфорсе число расстрелянных достигло 350 человек. Здесь было расстреляно, по сведениям из газет, и несколько русских офицеров. В Выборге, после его взятия белогвардейцами, кроме непосредственных участников борьбы, погибло несколько десятков русских офицеров, а также воспитанников русских учебных заведений, вовсе не принимавших участия в обороне Выборга красногвардейцами. Русские граждане принуждались к скорейшему оставлению Финляндии не только открытыми репрессиями властей, но и бойкотом, публичными оскорблениями, газетной травлей и условиями жизни, близкими к полному бесправью. Ввиду спешности, они при этом теряли все свое имущество, которое за бесценок распродавалось».⁵⁵

Как видим, расправы в отношении финнов шли по классовому признаку, а в отношении русских – по национальному. По всей Финляндии белофиннами было расстреляно несколько сот русских офицеров, причем большинство из них скрывалось от красных финнов и радостно встретило «освободителей».

В первые же дни после захвата Гельсингфорса, Або и других городов имущество русских купцов и предпринимателей безжалостно конфисковывалось. Германское командование силой оружия защищало русские суда под военным флагом, а все частные суда были захвачены финнами.

Таким образом, массовые репрессии, экспроприация частной собственности и голод начались в Финляндии на несколько месяцев раньше, чем в Советской России. И в строительстве крупных концлагерей белофинны на четыре года опередили большевиков. В 1918 г. по приказу Маннергейма национальным символом Финляндии стала свастика. Свастика появилась на военных самолетах и на бронеобъектах.

Всего же в апреле 1918 г. белофиннами было захвачено русского государственного имущества на 17,5 миллиарда золотых рублей (в ценах 1913 г.).

После захвата Гельсингфорса германский флот высадил десанты в восточных финских портах Ловиза и Котка. Оттуда немецкие войска двинулись в район Лахта – Тавастгус, где были значительные силы Красной гвардии. К концу апреля объединенные силы немцев и белофиннов сумели окружить красных финнов и принудить их к капитуляции. Значительная часть пленных была расстреляна, остальные отправлены в концлагеря.

25 февраля 1918 г. во всех церквях Финляндии был зачитан указ барона Маннергейма, по которому подлежали расстрелу все, кто «оказывает вооруженное сопротивление законным военным силам страны... уничтожает продовольствие» и вообще все, кто хранит дома оружие без разрешения. По финским чрезвычайно заниженным данным, весной 1918 г. было казнено 8400 красных финнов, среди которых были 364 малолетние девочки. В концлагерях в это время погибло 12,5 тысячи человек.

⁵⁵ Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. 2 / Под ред. И. Егорова, Е. Шведе. Часть 1. Балтийский флот 1918–1919 гг. Л.: Ред. – Изд. отдел морских сил РККФ, 1926. С. 48–49.

В лагерь было загнано столько народу, что Сенат в мае 1918 г. предложил Маннергейму отпустить простых красногвардейцев, чтобы было кому заняться посевной (в Финляндии в это время свирепствовал голод).

В конце апреля 1918 г. белофинны овладели городом и крепостью Выборг. Там они взяли 15 тысяч пленных и около 300 русских пушек (в основном крепостных). Не менее десяти пароходов сумело уйти из Выборга в Кронштадт с красногвардейцами и их семьями.

Белофинские войска подошли с суши к форту «Ино», который вместе с фортом «Красная Горка» был ключом обороны Кронштадта и Петрограда.

Не будь Брестского мира, пушки форта «Ино» даже без помощи кораблей Балтийского флота оставили бы «рожки да ножки» от отрядов белофиннов. Но советское правительство боялось немцев и попыталось протянуть время в переговорах. Замки же 305/52-мм и 254/45-мм орудий форта «Ино» были сняты и отправлены в Кронштадт, а сам форт подготовлен к взрыву. К форту «Ино» подошли линкор «Республика» и миноносец «Прыткий».

Интересно, что немцы не проявили заинтересованности в вопросе об «Ино» и попросту отмалчивались. Но 12 мая Троцкий отправил из Москвы телеграмму командующему Балтийским флотом: «Если будет произведено решительное нападение (финское. – *А.Ш.*) на форт „Ино“, то, очевидно, должно вступить в силу принятое решение и должно быть произведено уничтожение форта, причем Кронштадт ни в коем случае не должен принимать участия в военных действиях из-за форта „Ино“».

Комендант Кронштадтской крепости Артамонов решил не конфликтовать с Троцким и приказал взорвать форт, что и было сделано 14 мая.

Время было революционное, везде царил хаос, и вместо восьми 305-мм орудий было взорвано всего три, а остальные пять достались финнам в сравнительно исправном состоянии.

К началу мая в руках белофиннов оказалась вся территория бывшего Великого княжества Финляндского. Но этого верхушке белофиннов было мало – они мечтали о «Великой Финляндии».

7 марта 1918 г., то есть в разгар гражданской войны, глава финского правительства Свинхувуд заявил, что Финляндия готова пойти на мир с Советской Россией на «умеренных условиях», то есть если к Финляндии отойдут Восточная Карелия, часть Мурманской железной дороги и весь Кольский полуостров.

15 марта генерал Маннергейм подписал приказ о выступлении на завоевание Восточной Карелии трех финских групп вторжения. Маннергейм утвердил «план Валлениуса»⁵⁶, то есть план захвата русской территории по линии Петсамо – Кольский полуостров – Белое море – Онежское озеро – река Свирь – Ладожское озеро.

Маннергейм выдвинул также в связи с началом боевых действий финских вооруженных сил против Советской России план ликвидации Петрограда как столицы России и превращения города и прилегающей территории пригородов (Царское Село, Гатчина, Петергоф и др.) в «свободный город-республику» наподобие Данцига.

18 марта в поселке Ухта, занятом финскими войсками, собрался «Временный Комитет по Восточной Карелии», принявший постановление о присоединении Восточной Карелии к Финляндии.

Целями финского вторжения в Карелию и на Кольский полуостров были не только территориальные приобретения. В Мурманске скопилось огромное количество оружия, продовольствия и различного ценного оборудования. Все это было морем доставлено союзниками

---

⁵⁶ Курт Мартти Валлениус (1893–1968) – политик и военный, в 1918–1921 гг. начальник пограничной службы в Лапландии, с 1930 г. генерал-майор, профессор географии Северных стран в университете Хельсинки (1952–1956).

в 1915–1918 гг. До революции царская администрация не сумела наладить вывоз всего этого, ну а в годы революции вывоз и вовсе был прекращен.

В конце апреля 1918 г. крупный отряд белофиннов на лыжах двинулся к порту Печенга. По просьбе Мурманского Совета рабочих и солдатских депутатов английский адмирал Кемп приказал посадить отряд русских красногвардейцев на крейсер «Кохране» («Cochrane», водоизмещение 13 550 т, вооружение: шесть – 234-мм, четыре – 190-мм и двадцать четыре —47-мм орудия).

3 мая «Кохране» прибыл в Печенгу, где высадил красногвардейцев. В помощь им капитан крейсера Фарм направил отряд английских матросов под командованием капитана 2 ранга Скотта.

Первое нападение на Печенгу было произведено финнами 10 мая. Основные же силы финнов атаковали союзников 12 мая. Однако совместными усилиями английским матросам и красногвардейцам (в большинстве своем матросам с крейсера «Аскольд») удалось рассеять и отогнать финнов.

В начале апреля союзное командование послало французский крейсер «Amiral Aube» в Кандалакшу для помощи советским силам в отражении предполагаемого набега финнов. Но крейсер не смог пройти через лед в горле Белого моря. Тогда в Кандалакшу по железной дороге выслали 150 британских морских пехотинцев. Финны решили не связываться с англичанами, и нападение на Кандалакшу было отменено. Таким образом, местным русским властям с помощью англичан и французов удалось отстоять от финнов Кольский полуостров.

15 мая Ставка Маннергейма опубликовала «решение правительства Финляндии объявить войну Советской России».

22 мая, обосновывая решение руководства Финляндии начать войну против Советской России на заседании сейма, депутат и один из руководителей финского Министерства иностранных дел (позднее, в 1921–1922 гг., вице-премьер) профессор Рафаэль Вольдемар Эрих заявил: «Финляндией будет предъявлен иск России за убытки, причиненные войной (имеется в виду гражданская война в Финляндии. – *А.Ш.*). Размер этих убытков может быть покрыт только присоединением к Финляндии Восточной Карелии и Мурманского побережья (Кольского полуострова)».

Но тут вмешалась Германия. Ее правительство здраво рассудило, что захват финнами Петрограда вызовет взрыв патриотических чувств населения России. А прямым следствием этого могло стать падение большевистского правительства и установление власти патриотов, сторонников «единой и неделимой России», которые неизбежно объявят войну Германии. Еще 8 марта 1918 г. император Вильгельм II официально заявил, что Германия не будет вести войну за финские интересы с советским правительством, подписавшим Брестский мир, и не будет поддерживать военные действия Финляндии, если та перенесет их за пределы своих границ.

В конце мая – начале июня германское правительство в ультимативной форме предложило Финляндии отказаться от нападения на Петроград. Финскому правительству пришлось смириться, а чересчур ретивого «ястреба» барона Маннергейма 31 мая отправили в отставку.

Как писал финский историк Вейо Мери: «Немцы помешали Маннергейму осуществить его главный замысел – захватить Петербург».⁵⁷ В итоге барону пришлось перебраться из Гельсингфорса в «Гранд-отель» в Стокгольме.

Разумеется, на решение Финляндии повлиял не только германский ультиматум, но и концентрация русских сухопутных сил на Карельском перешейке. Серьезным аргументом стал и Балтийский флот. Большая часть кораблей стояла на Кронштадтском рейде и

---

⁵⁷ Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. С. 117.

могла артиллерийским огнем и десантами угрожать правому флангу финских войск в случае наступления на Петроград.

Крейсера «Олег», «Богатырь», «Адмирал Макаров» и миноносцы заняли позиции на Морском канале вблизи Петрограда. На Неве встали канонерские лодки «Хивинец», «Храбрый» и «Грозящий», эсминцы и сторожевые суда. В Ладожское озеро были введены 12 эсминцев, сторожевые суда и даже подводные лодки «Вебрь» и «Тур». Началось формирование военной флотилии на Онежском озере. Причем подводные лодки были посланы на Ладогу не для устрашения. Глубина озера допускала их эффективное использование. Подводная лодка «Вебрь» длительное время находилась у Сердоболя (с 1918 г. – Сортавала), самого крупного порта на северном побережье Ладожского озера. Над Ладожским и Онежским озерами постоянно патрулировали советские гидропланы. Но за всю навигацию 1918 г. – финские суда ни разу не рискнули появиться на Ладоге и Онеге.

В июне – июле 1918 г. Финляндия и Россия начали предварительные переговоры об условиях заключения мира. 12 июля финский Генштаб подготовил проект переноса финской границы с Россией на Карельском перешейке в обмен за щедрую компенсацию территорией Восточной Карелии. Проект был подписан генерал-майором Карлом Ф. Вилькманом (Вилкмаа) и одобрен немецким командующим генералом Людендорфом. По своей сути проект представлял то же самое, что через 21 год предложит Финляндии Сталин.

С 3 по 27 августа 1918 г. в Берлине при посредничестве германского правительства состоялись мирные переговоры между РСФСР и Финляндией. Советскую делегацию возглавлял Вацлав Воровский, а финскую – второй министр иностранных дел Карл Энкель. Однако 21 августа финны отказались заключать договор с Россией. Тогда немцы за спиной финской делегации заключили «Добавочный договор» к Брестскому миру. В статье V этого договора говорилось, что если Россия примет все меры для удаления «боевых сил Антанты с Севера России», то Германия гарантирует, что на «русскую территорию не последует нападения Финляндии». После изгнания войск Антанты на Севере будет установлено русское, то есть советское, правление.

Финская делегация сильно возмутилась, прервала переговоры с Россией, а Германии заявила протест. В результате на русско-финской границе сложилось положение «ни войны ни мира».

Тем не менее 13 сентября 1918 г. представитель Министерства иностранных дел Германии заявил финскому послу в Берлине, что Германия решительно предостерегает Финляндию от нападения на РСФСР, которая занята борьбой с войсками Антанты.

Несколько слов стоит сказать и о государственном устройстве Финляндии. 18 августа 1918 г. парламент, из которого были исключены все левые депутаты, провозгласил Финляндию королевством. А 9 октября парламент избрал королем гессенского принца Фридриха Карла (1868–1940), шурина кайзера Вильгельма, а регентом – Пера Эвинда Свинхувуда, бывшего председателя финского Сената.

Однако в октябре 1918 г. положение Германии становится критическим. Воспользовавшись этим, Финляндия 15 октября оккупирует Ребольскую область в Карелии, принадлежащую СССР.

3 ноября в Германии началось восстание флота в Киле. 10 ноября кайзер Вильгельм II бежал в Голландию, а на следующий день в Компьене было подписано перемирие между Антантой и Германией. Белые финны осознали, что поставили не на ту лошадку, и решением парламента от 4 декабря 1918 г. король Фридрих Карл был низложен.

Характерно, что официозные лакировщики истории предлагали забыть о Финском королевстве и в послевоенном издании Большой советской энциклопедии утверждали, что Финляндия с самого начала была республикой, а Маннергейм – регентом. На самом же деле

она стала республикой только в 1919 г. Как в республике мог быть регент – ведомо только отдельным пропагандистам.

Сразу после капитуляции Германии финские власти сделали поворот на 180° во внешней политике и стали просить покровительства у «тетушки Антанты». 12 ноября 1918 г. Маннергейм прибыл в Англию, где провел неофициальные переговоры с британскими министрами. В частности, Маннергейм попросил Лондон прислать эскадру на Балтику, и желательно побольше.

Глава 8. Как шведский барон создавал Великую Финляндию

6 ноября 1918 г. начальник Морских сил на Балтийском море отдал приказ привести в состояние боевой готовности корабли в Кронштадте и на Ладожском озере. Среди оборонительных мероприятий Балтийского флота была постановка дополнительного минного заграждения у Кронштадта, начатая рано утром 19 ноября минным заградителем «Нарова». Внезапно заградитель был обстрелян финской береговой батареей, находившейся у деревни Пумола. Батарея выпустила 40 снарядов и добилась двух попаданий в «Нарову». Заградитель вынужден был дать полный ход и прекратить минную постановку.

Я специально останавливаюсь на этом небольшом эпизоде боевых действий, чтобы показать, как были связаны руки Троцким и К^о у командования Балтийского флота по отношению к Финляндии. Советские линкоры могли прямо с Кронштадтского рейда открыть огонь по батарее в Пумоле и уничтожить ее. Однако они молчали, а флотское командование запрашивало Москву: «Что делать?» Наконец из Москвы последовало указание: «Завтра 20-го утром батарее „Красная Горка“ снести огнем батарею Пумола. Расход снарядов не ограничен». Обратим внимание: во избежание «международных осложнений», то есть гнева «тетушки Антанты», Троцкий отказался от использования огня корабельной артиллерии.

В 9 часов утра 20 ноября 305/52-мм пушки «Красной Горки» открыли огонь по батарее в Пумоле. По ней было выпущено девятью 305-мм фугасных снарядов, и пять снарядов было выпущено «на всякий случай» по башням взорванного форта «Ино». По полученным позже агентурным данным, совершенно разрушены батарея у деревни Пумола и сама деревня, а также соседняя деревня Витикюля. На следующий день, 21 ноября, «Нарова» спокойно закончил постановку минного заграждения.

Прогнозы командования Балтийского флота подтвердились. Сразу после заключения перемирия с Германией Англия стала готовиться к интервенции на Балтике. 28 ноября в Копенгаген прибыло соединение британских кораблей под командованием контр-адмирала Александера Синклера. В его состав входила 6-я легкая крейсерская эскадра, флотилия эскадренных миноносцев и транспорт с оружием для белоэстонцев. По прибытии в Ревель с транспорта были выгружены тысячи винтовок, сотни пулеметов и несколько 76-мм зенитных орудий для эстонцев. Сам же Синклер немедленно двинулся к Нарве, где шли бои между красными и белыми.⁵⁸ В ночь на 5 декабря 1918 г. английский крейсер «Кассандра» подорвался на mine и затонул. 14 и 15 декабря английские корабли неоднократно обстреливали красные части на южном побережье Финского залива.

Соотношение сил в Финском заливе формально было в пользу русского флота. Однако большинство кораблей его физически не могло выйти из баз. Даже немногочисленные корабли из так называемого действующего отряда кораблей не ремонтировались несколько лет. Дисциплина среди «братишек» оставляла желать лучшего. Командиры из бывших царских офицеров были запуганы комиссарами, флот управлялся в основном безграмотными авантюристами типа Ф. Ф. Раскольниковца.

Английские же корабли были новейшей постройки (1915–1918) и существенно превосходили по своим характеристикам русские корабли.⁵⁹ Поэтому англичане быстро установили господство во всем Финском заливе.

---

⁵⁸ С обеих сторон сражались и русские, и эстонцы, поэтому я условно называю их красными и белыми.

⁵⁹ Во-первых, британские корабли строились с учетом опыта Первой мировой войны, это были уже корабли другого класса. Во-вторых, ни один из русских кораблей не мог дать проектного хода, орудия были расстреляны и т. д.

25 и 26 декабря английским кораблям сдались эсминцы «Автроил» и «Спартак», переданные впоследствии эстонскому флоту. Это надолго отбило охоту у советских надводных кораблей выходить за пределы дальности действия орудий форта «Красная Горка».

Боевые действия в Прибалтике в 1918–1919 гг. выходят за рамки данной работы, поэтому я не буду останавливаться на них, а затрону лишь аспекты войны, непосредственно касающиеся Финляндии.

Одним из первых указов регента Маннергейма стало постановление о шюцкоре, в котором говорилось, что шюцкоровцы «призваны повышать обороноспособность народа и обеспечивать законный общественный порядок», то есть должны бороться с внешним врагом и вершить расправу над внутренним. По приказу Маннергейма в 1919 г. национальным символом Финляндии стала свастика, и все финские самолеты и танки имели опознавательные знаки в виде свастики вплоть до весны 1945 г.

30 декабря 1918 г финские войска под командованием генерал-майора Ветцера высадились в Эстонии. Формально корпус Ветцера считался добровольным, но фактически это были регулярные войска, общее командование над которыми осуществлял сам Маннергейм. Финский корпус участвовал в боях с советскими войсками до конца февраля 1919 г.

В январе 1919 г. финские войска захватили в Карелии Поросозерную волость, соседнюю с Ребольской волостью. В феврале 1919 г. на мирной конференции в Версале Финляндия потребовала присоединить к ней всю Карелию и Кольский полуостров. Тем не менее в январе – марте 1919 г. финны вели ограниченные боевые операции в основном в районах Реболы и Поросозера.

Под руководством Маннергейма финское командование разработало план нападения на РСФСР. Согласно ему после схода снегов Южная группа (регулярные части финской армии) начинает наступление в направлении Олонец – Лодейное Поле. Северная группа (шюцкор, шведские добровольцы и выходцы из Карелии) наступает в направлении Вешкелица – Кунгозеро – Сямозеро.

Наступление финских войск Маннергейм скоординировал с белым генералом Н. Н. Юденичем, войска которого находились в Эстонии. За союз Маннергейм потребовал у Юденича Карелию и Кольский полуостров. 3 апреля Юденич согласился отдать Карелию, а Кольский полуостров обещал отдать после постройки прямого железнодорожного пути на Архангельск.

21–22 апреля 1919 г. белофинские войска неожиданно пересекли в нескольких пунктах русско-финскую государственную границу. Не встречая на своем пути никакого сопротивления из-за отсутствия на данном участке советских войск, белофинны заняли 21 апреля Видлицу, 23 апреля – Толоксу, вечером 23 апреля – Олонец, 24 апреля крупными силами захватили Вешкелицу и к 25 апреля подошли к Пряже, угрожая непосредственно Петрозаводску. Отдельные финские подразделения, несмотря на завязавшиеся ожесточенные бои вокруг Пряжи и Маньги, прикрывающих Петрозаводск, проникли в течение ближайших двух-трех суток к Сулажгоре, в 7 км от Петрозаводска. Создалось критическое положение: Карельский край мог пасть буквально в считанные дни, учитывая, что с севера в направлении Кондопога – Петрозаводск наступали англо-канадские войска и белогвардейские части. Поэтому в последние дни апреля на подступах к Петрозаводску развернулись ожесточенные бои, в результате которых финское наступление было временно приостановлено.

2 мая 1919 г. Совет обороны РСФСР объявил Петрозаводскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении. 4 мая была объявлена всеобщая мобилизация Северо-Западного региона РСФСР.

Весь май и июнь 1919 г. восточнее и севернее Ладожского озера шли упорные бои, в ходе которых малочисленные отряды Красной армии сдерживали хорошо обученные, пол-

ностью экипированные и сильно вооруженные белофинские войска, обладавшие к тому же значительным численным перевесом.

Белофинская Олонецкая армия наступала на Лодейное Поле. Нескольким финским отрядам удалось переправиться через Свирь ниже Лодейного Поля.

Начиная с 4 мая сторожевые суда «Куница» и «Горностай» (водоизмещение 170 т, вооружение: две 75/50-мм пушки) ежедневно обстреливали занятое финнами побережье от Олонца до Видлицы. 8 мая они потопили артогнем в устье реки Видлица финский пароход. 16 мая к сторожевым судам присоединился минный заградитель «Березина» (водоизмещение 450 т, вооружение: две 102/60-мм и одна 75/50-мм пушки).

22 июля 1919 г. советским войскам Междоузерного района был отдан приказ: отбросить противника за границу Финляндии; выйти на линию: граница – Ведлозеро – Пряжа; по Петрозаводскому шоссе соединиться с Петрозаводской группой и составить сплошной фронт.

Для этого одной группе Олонецкого участка вести наступление от реки Тулоксы к реке Видлице и далее, до границы. Действия сухопутных войск должны были поддерживаться огнем кораблей Онежской флотилии.

Решающую роль в разгроме белофиннов в Междоузерном районе сыграла Видлицкая операция. Для участия в ней были привлечены эсминцы «Амурец» и «Уссуриец» (водоизмещение 750 т, вооружение: две 102/60-мм пушки, одна 37-мм зенитная пушка), сторожевые суда «Выдра» и «Ласка», бронированные канонерские лодки военного ведомства № 1, 2 и № 4 (водоизмещение 25 т, вооружение: две 76-мм горные пушки), посыльное судно № 1 и четыре парохода с десантом. Десантный отряд состоял из русской 1-й стрелковой дивизии и 1-го финского стрелкового полка.⁶⁰

В 4 часа 52 минуты утра 27 июня флотилия с дистанции 10 кабельтов⁶¹ открыла огонь по финским батареям, расположенным на правом берегу реки Видлица (два 88-мм германских орудия и два 57-мм орудия). К 7 часам 20 минутам батареи финнов были приведены к молчанию. Канонерская лодка № 2 вошла в реку Видлица и обстреливала побережье из 76-мм пушек и пулеметов. Высадка десанта началась в 7 часов 45 минут.

Одновременно часть десанта была высажена южнее Видлицы близ устья реки Тулоксы. Так канонерские лодки № 1 и № 4 вместе со сторожевым судном «Выдра» подавили огнем финскую батарею (два 57-мм орудия). В 8 часов утра началась высадка десанта севернее устья Тулоксы. Канонерские лодки № 1 и № 4 поддерживали десант огнем, подойдя к самому берегу.

В ходе обоих десантов финские войска были разгромлены и в панике отступили на север. Нашими трофеями стали четыре 88-мм германские пушки, пять 57-мм морских русских пушек, три японских миномета, двенадцать пулеметов, четыре автомата, две тысячи патронов и легковой автомобиль.

К 8 июля 1919 г. Олонецкий участок Карельского фронта был полностью ликвидирован: финские войска отступили за линию границы. Красная армия получила приказ не преследовать финские войска за чертой государственной границы. Замечу, что бок о бок с Красной армией в Карелии дрался и 6-й финский стрелковый полк.

Провалом закончились все планы Маннергейма организовать поход на Петроград через Карельский перешеек. На захват Петрограда финнам дали согласие и Юденич, и «Временное правительство Северной области», созданное в Архангельске. Оттуда в Хельсинки (до 1918 г. – Гельсингфорс) в начале июня 1919 г. направился специальный представитель генерал-лейтенант Марушевский, который лишь просил Маннергейма после взятия Петро-

---

⁶⁰ Полк был преобразован из отряда красных финнов под командованием Э. А. Рахья в Петрограде в марте 1919 г.

⁶¹ 1 кабельтов = 185,2 м.

града передать управление над ним администрации Юденича. О том, что натворят белофинны в Петрограде, сии «патриоты» явно не думали.

Противниками же похода на Петроград стали финский парламент (ригсдаг) и правительство Великобритании. Первые подсчитали, во что обойдется этот поход, и проследились. Вторые уже приобрели опыт общения с большевиками от Баку до Архангельска и легко просчитали все последствия похода. Что Маннергейма побьют – в Лондоне не сомневались. Их волновал другой вопрос – отбросив барона от Петрограда, будут ли русские гнать его до финской границы, или пойдут дальше и, если пойдут, то где остановятся? У Хельсинки, у Або или в Стокгольме?

Замечу, что лучшие части 7-й армии, защищавшие Петроград, были сконцентрированы именно на Карельском перешейке.

Таблица 1.

Распределение сил и средств 7-й армии по участкам к 5 мая 1919 г.

Участки	Штыков и сабель	Пулеметов	Орудий
Междуозерный	4800	93	6
Карельский	4100	120	119
Нарвский	4900	161	32
Гарнизон Петрограда	2200	32	13
Всего:	16000	406	170

В состав полевой артиллерии на Карельском перешейке входило восемьдесят – 76-мм и семь – 107-мм пушек, двадцать четыре – 122-мм и восемь – 152-мм гаубиц. В случае наступления финнов на них неизбежно обрушился бы шквал огня кораблей Балтийского флота и Кронштадтской крепости. Кронштадтские форты могли обстреливать финскую территорию не только 305-мм, но и 254/45-мм и 203/50-мм пушками, а северные форты – и 152/45-мм пушками Кане.

С учетом достаточно развитой железнодорожной сети в районе Петрограда при необходимости на Карельский перешеек могли быть быстро переброшены пехотные и конные части из Центральной России.

В итоге поход на Петроград провалился, так и не начавшись. В утешение ретивым белофиннам британское правительство разрешило своему флоту поохотиться на русских в восточной части Финского залива.

К началу июня 1919 г. в Финском заливе находились три английских легких крейсера: «Клеопатра», «Дрэгон» и «Галатей», восемь эсминцев и пять подводных лодок. Все эти суда вошли в строй в 1917–1919 гг. Финское правительство создало английским кораблям передовую базу в Биоркэ (ныне Приморск) в 90 км от Петрограда и в 60 км от Кронштадта.

4 июня эсминцы «Гавриил» и «Азард» загнали на мины в Копорском заливе английскую подводную лодку L-55. Весь экипаж лодки погиб. В 1928 г. L-55 была поднята и под тем же названием вошла в строй Красного флота.

Более удачным стало применение англичанами малых торпедных катеров. Действия катеров в Финском заливе и даже сама доставка их туда так и просятся в приключенческий фильм. Катера были скрытно перевезены на нескольких грузовых пароходах в Швецию, а оттуда переправлены в Або и Хельсинки. Часть команды ехала в Финляндию в качестве яхтсменов, а часть – в виде коммерсантов. Первые два катера были отбуксированы в Биоркэ английским эсминцем 8 июня 1919 г. Через три дня катера перешли в Териоки в 40 км от

Петрограда. Там в полуразрушенной базе бывшего Российского императорского яхт-клуба была создана секретная стоянка английских торпедных катеров.

В июне 1919 г. английские торпедные катера совершили 13 походов в Петроград Северным фарватером мимо северных фортов Кронштадтской крепости. И только два раза они были обнаружены и обстреляны ружейно-пулеметным огнем, но большая скорость (33–37 узлов) позволила им уйти. На одном из островов Невской дельты катера высаживали или принимали британских агентов.

13 июня гарнизоны фортов «Красная Горка» и «Серая Лошадь» подняли мятеж против большевиков. Мятеж мог иметь более чем серьезные последствия как для Кронштадта, так и для самого Петрограда. Однако «по обе стороны баррикад» оказались «братишки» – разболтанные, забывшие о дисциплине и правилах стрельбы. В итоге получилось «много шума из ничего».

В ответ на ультиматум большевиков в 15 часов 13 июня форт «Красная Горка» открыл огонь из 305-мм орудий по кораблям, стоявшим в Невской гавани. Со стороны большевиков по «Красной Горке» вели огонь линкоры «Петропавловск» (выпустил 568–305-мм снарядов) и «Андрей Первозванный» (170–305-мм снарядов), крейсер «Олег», эсминцы и форт «Риф». Гидросамолеты красных сбросили на форт почти полтонны бомб, семь тысяч стрел и тонны листовок. Пальба велась два дня – к вечеру 15 июня «Красная Горка» перестала отвечать на обстрел. Ночью в форт «Красная Горка» вошла разведка красных. Форт был пуст, мятежники разбежались. Позже советские историки будут рассказывать байки о многочисленных взрывах и пожарах в форту, о больших потерях мятежников и т. п. Пожар в действительности был – сгорел жилой городок вблизи форта. Ни одно из орудий форта не потеряло боеспособности, разве что у некоторых орудий мятежники сняли важные детали замков. Мятежники по эффективности стрельбы не уступали большевикам: ни одно красное судно не получило попаданий. Пострадали от огня форта «Красная Горка» лишь несколько кронштадтских обывателей, вышедших на набережные Купеческой и Средней гаваней поглядеть на представление.

С военной точки зрения наиболее неприятным последствием мятежа для большевиков стал выход из строя 305-мм орудий линкора «Петропавловск», совершенно расстрелянных в ходе «представления».

Англичане и финны могли помочь мятежникам, но не захотели. Лишь командор Эгар, начальник базы торпедных катеров в Териоки, решил атаковать красный флот. Впоследствии (15 февраля 1928 г.) он утверждал, что запросил Лондон на предмет нападения на красные суда и получил ответ, что его дело – только заброска шпионов в Петроград. Эгар якобы решил действовать на свой страх и риск.⁶²

17 июня крейсер «Олег» стоял на якоре у Толбухина маяка под охраной двух эсминцев и двух сторожевых судов. Катер Эгара подошел почти в упор к крейсеру и выпустил торпеду. Крейсер затонул. Как неслась служба у красных военморов, легко понять из того, что ни на крейсере, ни на охранявших его судах никто не заметил при дневном свете и отличной видимости подходящий катер. После взрыва был открыт беспорядочный огонь по «английской подводной лодке», которая привиделась военморам.

18 июня над Кронштадтом летали английские или финские аэропланы. Какие именно – в документе не сказано, видимо, не сумели определить национальность. Во всяком случае, они базировались в Финляндии.

20 июня советские самолеты произвели разведывательные полеты над островами Сескар, Биоркэ и над материковой Финляндией. У финского берега были обнаружены два судна, на которые с самолетов сбросили две пудовые бомбы.

---

⁶² Автор не склонен доверять Эгару, но документов, подтверждающих или опровергающих его заявление, нет.

22 июня неприятельские гидропланы бомбардировали Кронштадт. Потерь и поврежденных кораблей не было.

29 июня форт «Красная Горка» открыл огонь из 305/52-мм орудий по неприятельскому транспорту. Транспорт был поврежден и стал уходить к финскому берегу, но вскоре взорвался и затонул. Установить причину его гибели (от огня батареи или от взрыва мины) не удалось.

В конце июня – начале июля английский флот был усилен крейсерами «Дели», «Даная», «Дентлесс» и «Каледан», а также базой гидросамолетов «Виндинтив» (12 машин). 30 июня в Биоркэ прибыло еще семь торпедных катеров и еще один затонул при буксировке в Балтийском море.

В июле 1919 г. почти ежедневно неприятельские самолеты летали над Кронштадтом, но бомбили сравнительно редко. Советские самолеты в свою очередь летали над островами восточной части Финского залива и над финским побережьем, бомбили все встречные суда, правда, без особого успеха.

С 1 августа начались ежедневные бомбардировки Кронштадта самолетами, базировавшимися на финской территории. В ответ 6 августа четыре советских бомбардировщика в сопровождении двух истребителей были отправлены на бомбежку аэродрома близ Биоркэ. Из-за интенсивного зенитного огня три бомбардировщика вернулись, не выполнив задания, и лишь один сбросил бомбы на ангары.

Во время бомбардировки Кронштадта 13 августа произошел большой пожар складов леса, а также сгорело здание таможни.

В ночь с 17 на 18 августа английские торпедные катера атаковали корабли Балтийского флота в Кронштадтской гавани. Пять катеров вышли из Биоркэ и два катера – из Териоки. Они встретились в районе форта «Ино», а оттуда пошли Северным фарватером к Кронштадту. Чтобы отвлечь внимание большевиков, в 3 часа 45 минут 18 августа над Кронштадтом появились английские гидросамолеты, сбросившие 100-фунтовые бомбы и открывшие огонь из пулеметов.

Итогом нападения стало повреждение линкора «Андрей Первозванный» и потопление разоруженного старого крейсера «Память Азова». В свою очередь три английских катера были потоплены огнем эсминца «Гавриил».

19 августа советская авиация нанесла удар по аэродрому и железнодорожной станции в финском городе Биоркэ. В налете участвовало пять гидросамолетов-бомбардировщиков и два истребителя. Было сброшено семнадцать бомб весом по 172 кг каждая и три зажигательные бомбы. С 20 по 28 августа неприятельская авиация ежедневно, иногда по три-четыре раза в день бомбила Кронштадт. 28 августа советская авиация бомбила Териоки.

31 августа подводная лодка «Пантера» у острова Сескар потопила английский эсминец «Витторна» (построен в 1917 г.; водоизмещение 1367 т; скорость 34 узла; вооружение: четыре 100-мм и одна 76-мм пушки, четыре 53-см торпедных аппарата). А 4 сентября на русском минном заграждении погиб однотипный с «Витторной» эсминец «Верулам» («Verulam»).

2 сентября советская авиация бомбила форт «Ино». С шести бомбардировщиков сбросили 270 кг бомб. По самолетам был открыт интенсивный артиллерийский огонь.

С 4 сентября по 11 октября производились интенсивные (для того времени) взаимные ежедневные налеты авиации. Приведу лишь отдельные примеры. 4 сентября четыре самолета противника сбросили 12 бомб на эсминец «Свобода». Осколком бомбы, разорвавшейся недалеко от борта, ранен матрос. 7 сентября наши самолеты вновь бомбили форт «Ино». Семь самолетов сбросили 25 бомб общим весом 410 кг. Результаты наших бомбардировок неизвестны. Наиболее заметным результатом бомбардировок противника можно

назвать попадание 3 октября бомбы в старый броненосец «Заря Свободы» (бывший «Александр II»).

11 октября войска Юденича начали наступление на Петроград. 17 октября была взята Гатчина, а через три дня – Детское (Царское) Село и Павловск. Однако 21 октября красные части перешли в контрнаступление. К 1 декабря Северо-западная белогвардейская армия была окончательно разбита, уцелевшие части отступили за реку Нарову в Эстонию, где 5 декабря 1919 г. были интернированы. Детали этой операции хорошо описаны советскими авторами и выходят за рамки этой работы. Отмечу лишь прибытие из Англии в Финский залив монитора «Еребус» (водоизмещение 8128 т; вооружение: две 381/42-мм, восемь 100-мм и две 76-мм пушки).

27 октября монитор вместе с другими кораблями обстреливал позиции красных. Английские корабли находились в тумане и не подвергались обстрелу. Зато когда 30 октября «Еребус» обстреливал «Красную Горку», то 305-мм снаряды батареи начали ложиться рядом с монитором. Выпустив тридцать снарядов, «Еребус» был вынужден уйти. Стрельба форта корректировалась с гидросамолетов.

В декабре 1919 г. английский флот ушел из Финского залива. 31 декабря 1919 г. в Тарту было подписано перемирие с Эстонией, а 21 февраля 1920 г. там же – мирный договор между Россией и Эстонией.

В феврале 1920 г. Красная армия покончила с белым «Временным правительством Северной области», которое бежало морским путем за границу. 7 марта Красная армия вступила в Мурманск. Теперь большевики взялись за так называемое «Северокарельское государство». Сие «государство» было создано 21 июля 1919 г. финнами и карельскими кулаками. В «государство» входило пять северных карельских волостей Архангельской губернии. Столицей «государства» стало село Ухта.

«Временное правительство Архангельской Карелии» заявило о выходе из состава России и обратилось к иностранным государствам с просьбой о дипломатическом признании. Надо ли говорить, что «Северокарельское государство» признала одна Финляндия и даже выдала «государству» заем в размере восьми миллионов финских марок.

18 мая 1920 г. части Красной армии взяли село Ухту, а «правительство» бежало в деревню Вокнаволок в 30 км от границы и через пару недель перебралось править в Финляндию. Но поскольку в Финляндии скопилось чересчур много карельских «правительств», что, естественно, было слишком накладно, то экономные финны создали в декабре 1920 г. в Выборге «Карельское объединенное правительство». Туда вошли «Олонецкое правительство», «Временное правительство Архангельской Карелии», правительство Ребольской и Поросозерской волостей и т. д.

С 10 по 14 июля 1920 г. в городе Тарту велись мирные переговоры России и Финляндии. Последняя потребовала от России карельские земли. Понятно, что переговоры закончились провалом.

14–21 июля 1920 г. Красная армия наконец выбила последние отряды финнов с территории Карелии, за исключением двух северных волостей – Реболы и Поросозера.

После поражения финны стали сговорчивее, и 28 июля переговоры возобновились. 14 октября 1920 г. стороны подписали Тартуский мирный договор

Поскольку территориальные споры между Финляндией и Россией имели крайне важное значение, остановимся на них подробнее.

Согласно Тартускому миру к Финляндии на Севере, в Заполярье, отходила вся Печенгская область (Петсамо), а также западная часть полуострова Рыбачий, от губы Вайда до залива Мотовского, и большая часть полуострова Среднего, по линии, проходящей через середину обоих его перешейков. Все острова к западу от разграничительной линии в Баренцевом море также отходили к Финляндии (остров Кий и острова Айновские).

Граница на Карельском перешейке устанавливалась от Финского залива по реке Сестре (Систербек, Райяйоки) и далее шла на север по линии старой административной русско-финляндской границы, отделявшей Великое княжество Финляндское от собственно русских губерний.

Оккупированные финскими войсками карельские волости Ребольская и Поросозерская очищались от войск и возвращались Карельской трудовой коммуне (позднее Карельская автономная область).

Морская граница в Финском заливе между РСФСР и Финляндией шла от устья реки Сестры до Стирсуддена вдоль северного побережья Финского залива, затем поворачивала к острову Сескар и островам Лавенсаари и, обойдя их с юга, поворачивала прямо к устью реки Наровы на южном берегу Финского залива. (Таким образом, эта граница отрезала Россию от выхода в международные воды Финского залива.)

Отметим и несколько важных военных статей договора.

Финляндия должна нейтрализовать в военном отношении принадлежащие ей острова Финского залива, за исключением островов шхерного района. Это означало, что она обязуется не возводить на островах укреплений, военно-морских баз, портовых сооружений, радиостанций, военных складов и не содержать там войска.

Финляндия лишалась права держать в Северном Ледовитом океане авиацию и подводный флот.

Финляндия могла держать на Севере до 15 обычных военных судов водоизмещением не более 400 тонн каждое, а также любые вооруженные суда водоизмещением до 100 тонн каждое.

Финляндия была обязана в течение одного года разрушить форты «Ино» и «Пумола» на Карельском перешейке.

Финляндия не имела права строить артсооружения с сектором обстрела, выходящим за границы финляндских территориальных вод, а на побережье Финского залива между Стирсудденом и Инониemi – на расстоянии менее чем 20 км от береговой кромки, а также любые сооружения между Инониemi и устьем реки Сестры.

Обе стороны могли иметь на Ладожском озере и впадающих в него реках и каналах военные суда водоизмещением не более 100 тонн и с артиллерией, не превышающей калибр 47 мм.

РСФСР имела право проводить по южной части Ладожского озера и по обводному каналу военные суда в свои внутренние воды.

Финским торговым судам с мирным грузом давалось право свободного прохода по реке Неве в Ладожское озеро из Финского залива и обратно.

В октябре 1921 г. на территории Карельской трудовой коммуны в Тунгудской волости был создан подпольный «Временный Карельский комитет», начавший формирование кулацких «лесных отрядов» и давший сигнал к наступлению белогвардейских войск из Финляндии. В первой половине ноября 1921 г. они совершили серию диверсионных нападений на отдельные объекты и населенные пункты Карелии (железнодорожный мост через Ондю, село Ругозеро) и уничтожение в них коммунистов и советских служащих.

К концу декабря 1921 г. финские отряды численностью 5–6 тысяч человек продвинулись до линии Кестеньга – Суомусалми – Ругозеро – Паданы – Поросозеро, захватив район с 30° до 33° в.д. Слабые отряды пограничной стражи, дезориентированные тем, что, согласно Тартускому договору с Финляндией, полевые воинские части Красной армии были выведены из района, подвергшегося нападению, не смогли сдержать мобильные лыжные стрелковые отряды финнов и кулацкие отряды «лесных братьев».

На территории Карелии и Мурманского края было введено военное положение. К концу декабря советские власти сосредоточили в Карелии 8,5 тысячи человек, 166 пулемет-

тов, 22 орудия. Была проведена мобилизация коммунистов. В разработке плана контрнаступления РККА и разгрома противника принял участие главнокомандующий РККА С. С. Каменев. Командующим Карельским фронтом был назначен командарм Александр Игнатьевич Седакин.

Ударом из Петрозаводска в двух направлениях советские войска к началу января 1922 г. заняли Поросозеро на южном фланге фронта, Реболы и Камасозеро на центральном участке фронта, разбив главную группировку финнов. Северная группа 25 января овладела Кестеньгой и Кокисальмой, а в начале февраля 1922 г. совместно с центральной группой взяла военно-политический центр «Карельского комитета» – село Ухту.

К середине февраля территория Карелии была полностью освобождена.

В разгроме интервентов принимали активное участие части, сформированные из финнов, эмигрировавших в РСФСР после гражданской войны в Финляндии: лыжный батальон Петроградской интернациональной военной школы под командованием А. А. Инно, прошедший по тылам белофиннов свыше 1100 км.

Кроме того, финские лесорубы создали партизанский отряд численностью в 300 человек, действовавший по ту сторону границы. 15 января 1922 г. во многих городах Финляндии прошли демонстрации рабочих, протестовавших против «карельской» авантюры.

Вместе с финскими войсками из Карелии ушли или было насильственно уведено 8 тысяч работоспособного населения. Общий ущерб Карелии от оккупации составил 5,61 миллиона рублей золотом.

После изгнания финнов Карельская трудовая коммуна была преобразована 25 июля 1923 г. в Карельскую АССР в составе РСФСР.

Итак, в 1922 г. закончилась первая война Финляндии и России. Начали ее националисты (белофинны) с нападений на русские гарнизоны, на законных основаниях находившиеся на территории Финляндии. Ссылки на то, что-де русские гарнизоны могли представить какую-либо угрозу финскому населению, попросту смешны. К началу 1918 г. русская армия полностью разложилась, и солдаты были одержимы лишь одним стремлением – домой! Замечу, что такая же картина была на всех фронтах. Солдаты захватывали эшелоны и через несколько дней оказывались во внутренних губерниях России. Если бы вожди националистов хоть немного думали об интересах собственного населения, то они бы могли предоставить русским «золотой мост», и через пару-тройку недель русских вообще бы ветром сдуло с территории Финляндии.

Но националисты не задумывались об интересах своих граждан, у них сработал грабительский инстинкт захватить как можно больше оружия и другого имущества бывшей Российской империи и теперь принадлежавшего его правопреемнику – Советской России.

Россия, связанная путами Брестского мира, действовала крайне нерешительно.

Советское правительство фактически предало красных финнов и ограничивалось пассивным сопротивлением финской агрессии. Возможно, кому-то сочетание слов «агрессия» и «Финляндия» будет резать ухо. Но, увы, еще в 1918 г. Маннергейма и К^о вовсе не устраивали границы Великого княжества Финляндского, и уже тогда сформировалась доктрина Великой Финляндии. Как мы уже знаем, Маннергейм послал свои войска в Эстонию и Карелию, а от нападения на Петроград его с трудом удержали вначале немцы, а потом Антанта.

Финские историки, естественно, не желают писать правды о войне 1918–1922 гг. и вместо нее создали красивый миф об «освободительной войне». Причем начали они ее в 1918 г., а когда закончить, не знают: одни считают, что освободительная война закончилась в 1918 г., другие – в 1919 г. и т. д.

Ну что ж, если считать первую русско-финскую войну освободительной, то в ходе нее финское население освободилось лишь от тихой и спокойной жизни, которую оно имело в течение 110 лет, находясь под защитой Российской империи и практически ничего не давая

взамен. За первую войну Финляндия заплатила многими десятками тысяч убитых, но главное было в другом – мирная патриархальная Финляндия превратилась в милитаристское государство, навязавшее длительный конфликт своему великому соседу.

Раздел II Царство Польское

Глава 1. Как гонористое панство допекло соседей и что из этого вышло

Историю Польши с 1764 по 1945 г. польские да и подавляющее большинство западноевропейских историков представляют как время страшных страданий польского народа, ставшего жертвой соседних держав, из которых наиболее агрессивной была Россия. Замечу, что с 1989 г. эту точку зрения разделяют и отечественные либералы. Но еще Вольтер сказал, что если вырывать из контекста куски Библии, то ее можно обратить против Бога. Эта фраза прекрасно подходит к истории взаимоотношений как отдельных государств, так и народов. Вот тенденциозный историк показывает нам человека, которого полиция заковала в наручники и грубо швыряет в «воронок». Нам его жалко, но лишь до тех пор, пока мы не узнаем, как он убивал и насиловал.

Историю русско-польских отношений я начну с цитаты из окончания своей книги «Русь и Литва»:

«Так закончился XVI век. Польша и Литва вступили при Сигизмунде III в новую эпоху. Сигизмунд ухитрился насмерть поссориться со шведами, а через несколько лет он на много столетий, если не навсегда, поссорит поляков с Россией.

Внутри страны король объявил войну православной церкви и казакам. Если раньше между русскими, литовцами и ляхами шли споры за различные привилегии, то теперь вопрос стоял по-другому – быть или не быть православной вере, русскому языку и вообще русским людям. У них оставалось три выхода: погибнуть, ополячиться или сломить шею Речи Посполитой.

Обратим внимание на герб Речи Посполитой в царствование Сигизмунда III. По краям он обрамлен гербами земель, входивших в состав Речи Посполитой. Среди них Великая Польша, Малая Польша, Литва. Но это понятно. Но затем идут Швеция, Россия, причем не кусками, а целиком, Померания, Пруссия, Молдавия, Валахия и т. д.»⁶³.

И тут дело не в амбициозном и драчливом короле. Эти претензии станут кредо польского правящего класса вплоть до середины XX века.

И в 30-х гг. XX века министры правительства Пилсудского неоднократно заявляли, что Балтийское море должно стать Польским морем. К 1938 г. Польша была единственным в Европе государством, которое имело территориальные претензии ко всем без исключения соседним государствам: Германии, вольному городу Данцигу, буржуазной Литве, СССР и Чехословакии.

Соседи Речи Посполитой были беззащитны перед ее агрессией. И дело не в силе ее армии или способностях польских полководцев. Одного агрессора можно умиротворить, отдав ему часть территории, выплачивая дань и т. д. Другого можно побить, в крайнем случае для острастки сжечь его столицу и десяток-другой городов и заставить подписать справедливый мир. С Польшей же это все не проходило.

Вот, к примеру, Россия и Речь Посполитая 6(15) января 1582 г. у местечка Запольный Ям после долгой войны подписали мирный договор. После этого несколько раз происходило

---

⁶³ Широкоград А. Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. М.: Вече, 2004. С. 346.

подтверждение этого договора, небольшие уточнения и изменения. И лишь в сентябре 1609 г. польский король Сигизмунд III нарушил мир и двинул коронные войска к Смоленску.

Тут возникает резонный вопрос: а почему уже 5 лет многие десятки тысяч польских панов и малороссийских казаков, подданных его величества Сигизмунда III, вели кровавую войну на Руси?

К сентябрю 1609 г. подданные Речи Посполитой убили сотни тысяч русских людей, из которых подавляющее большинство были мирными жителями, сожгли и разорили десятки городов на большей части Европейской России, и, в свою очередь, десятки тысяч пришельцев сложили буйные головы в «варварской Московии». А между тем эти пять лет король считал себя в мире с москвитями. Что же произошло?

Да просто несколько магнатов во главе с Юрием Мнишеком пожелали посадить на московский престол самозванца – беглого монаха Григория, в миру Юшку Отрепьева. Сказано – сделано. Паны несколько месяцев собирали в Речи Посполитой многотысячную армию и в конце 1604 г. форсировали Днепр (русско-польскую границу) севернее Киева и двинулись к русскому городу Чернигову.

А как к этому отнесся его величество Сигизмунд III? Да никак! Ну, шалят паны, а вмешиваться в их личные дела вовсе не королевское дело. Еще в XVI в. в Речи Посполитой было официально закреплено право панов собирать конфедерации и вести с королем войну («рокош»).

Так что поход польских панов с Отрепьевым в Россию, окончившийся захватом Москвы в мае 1605 г., был лишь блестящим успехом частных армий польских магнатов, а не каким-то из ряда вон выходящим событием в политическом и юридическом отношении.

Так, только узкие специалисты-историки знают, что в 1590 г. семейство панов Вишневецких захватило, вопреки договорам короля с царем, довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Суды в Заднепровье. Князь Адам Вишневецкий решил не оглядываться ни на Краков, ни на Москву, а 13 лет вел «частную» войну с русскими воеводами. В конце концов Борис Годунов в 1603 г. приказал сжечь спорные городки, а жителей их эвакуировать в глубь России.

В 1605 г. часть панов захватила Москву, а часть, остававшаяся в Польше, учинила рокош и пару лет воевала с королем Сигизмундом. Что поделаешь – «Польша сильна раздорами!»

В Речи Посполитой королевская власть была выборной, а не передавалась по наследству, как в других монархиях. Но польские паны предпочитали избирательным бюллетеням сабли. Начиная с XVI в. на очередные выборы короля с севера, запада и с юга в Польшу устремлялись стройные колонны «избирателей» с пушками и мушкетами. В начале XVIII в. русские монархи решили, что они ничем не хуже шведов, саксонцев, пруссаков, французов и прочих, и стали тоже направлять свой «электорат» в Польшу для поддержки нужного кандидата на престол.

Да что выборы короля! Польские паны и в личной жизни жили не по законам, а «по понятиям». Сильный пан мог отнять у более слабого соседа землю, хлопков, любимую женщину и при этом он полностью игнорировал королевскую власть. Вспомним, что поводом к восстанию Богдана Хмельницкого в 1648 г. стало нападение шляхтича Чаплинского на хутор сотника Хмельницкого. Чаплинский умыкнул любовницу Богдана и несколько копен сена. Богдан поехал жаловаться королю Владиславу. Тот немного посочувствовал, а затем спросил, зачем Чигиринский сотник носит саблю. Богдан все понял и отправился к запорожцам.

Крупные магнаты прекрасно знали французский язык и литературу, их жены и дочери одевались по последней парижской моде, но это не мешало «его светлости» по своей прихоти устроить виновному или невинному человеку квалифицированную казнь, от которой содрогнулись бы и отцы-инквизиторы, и Малюта Скуратов. Замечу, что в России в царство-

вание Елизаветы Петровны не было приведено в исполнение ни одного смертного приговора.

В 70-х гг. XVIII в. литовский магнат князь Карл Радзивилл спьяну приказал своим мастерам отчеканить несколько сот червонцев. Внешне они походили на обычные монеты. Но под гордым профилем короля красовалась надпись: «Король Понятовский, дурак по Божьей милости» (Krol Poniatowski, kiep z laski Boskiey). Затем червонцы были пущены в оборот. Как король наказал магната? Да никак! У короля Стася не было ни права, ни силы что-либо сделать.

Роль сеймов в управлении страной тоже была невелика. Во-первых, не было сильной исполнительной власти, способной реализовывать решения сеймов. Во-вторых, принцип единогласия при принятии решений – *liberum veto* – приводил к блокированию большинства предложений и прекращению деятельности сеймов. Так, с 1652 по 1764 г. из 55 сеймов было сорвано 48, причем одна треть из них – голосом всего одного депутата.

К 1764 г. этнические поляки составляли меньшинство населения в Речи Посполитой. Однако представители большинства – русские, малороссы, немцы, евреи и др. – не допускались в местные органы власти. Единство страны сильно подрывало фанатичное католическое духовенство, требовавшее все новых ограничений в правах православных и протестантов.

В начале XVIII века резко ослабла военная мощь Польши по сравнению с Россией и германскими государствами. Существенно возросли эффективность ружейного и артиллерийского огня, коренным образом изменив тактику боя. Решающую роль в сражении стала играть пехота, оснащенная ружьями со штыками, и полевая артиллерия. Польская конница, несмотря на отличную индивидуальную подготовку каждого кавалериста, его храбрость и лихость, оказалась неспособной противодействовать регулярным войскам Пруссии и России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.